

Джим Мердок

**Защита
права на свободу
мысли, совести
и религии**
в рамках Европейской конвенции
о защите прав человека

Пособия по правам человека Совета Европы

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

Джим Мердок

**Защита права на
свободу мысли, совести и религии
в рамках Европейской конвенции
о защите прав человека**

Пособия по правам человека Совета Европы

Совет Европы
Страсбург, 2012

Европейская Конвенция

УДК 67.911.11

ББК 341.231.14

P71

Перевод на русский язык – Центр защиты прав СМИ, 2014

www.mmdc.ru

Редактор русскоязычного издания – Г.Ю. Арапова

Корректор – Е.В. Желтикова

И18 Джим Мердок. Защита права на свободу мысли, совести и религии в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Серия пособий Совета Европы. – Воронеж: ООО Фирма «Элист», 2014 – 163 с.

ISBN 978-5-87172-066-0

Настоящее пособие подготовлено Советом Европы с целью всесторонне рассмотреть применение Статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и предоставить практикующим юристам стран-членов Совета Европы рабочий инструмент, облегчающий понимание как самой Конвенции, так и прецедентной практики Европейского Суда.

УДК 67.911.11

ББК 341.231.14

© Совет Европы, издание на русском языке, 2014

ISBN 978-5-87172-066-0

Джим Мердок (Jim Murdoch) – профессор публичного права в Университете Глазго, в прошлом возглавлял Школу права. В сферу его исследовательских интересов входит национальное и европейское законодательство в области прав человека. Постоянный участник выездных образовательных программ Совета Европы в государствах Центральной и Восточной Европы. Его особый интерес лежит в сфере внесудебных механизмов обеспечения прав человека.

Мнения, изложенные в настоящем издании, принадлежат автору и не влекут ответственность Совета Европы. Юридическим документам, которые упоминаются в издании, не дается никаких официальных толкований, способных связать обязательства правительства государств-членов Совета Европы и уставные органы Совета Европы или любые органы, созданные в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека.

Генеральный Директорат по правам человека и верховенству права

Совет Европы

F-67075 Strasbourg CEDEX

www.coe.int/justice

© Совет Европы, 2012 год

Иллюстрация обложки © rolffimages – Fotolia.com

1-е издание, февраль 2012 год

Издание Совета Европы

© Совет Европы, издание на русском языке, 2014 год

Содержание

Статья 9 Европейской конвенции о защите прав человека	6
Предисловие	7
Свобода мысли, совести и религии: международные и региональные стандарты	12
Толкование Статьи 9 Конвенции: общие положения	17
Введение	17
Применение Статьи 9: перечень ключевых вопросов	19
Вопрос 1: Подпадает ли жалоба под действие Статьи 9?	21
<i>Что подразумевается под «мыслью, совестью и религией»?</i>	25
<i>Внутренние убеждения (forum internum)</i>	29
<i>Исповедание религии и убеждений</i>	36
<i>Коллективный аспект Статьи 9</i>	39
<i>Коллективный аспект Статьи 9 и признание статуса «жертвы»</i>	42
<i>Ограничения сферы действия Статьи 9</i>	45
Вопрос 2: Имело ли место вмешательство в права, предусмотренные Статьей 9?	47
<i>Позитивные обязательства</i>	49
<i>Трудовые отношения и свобода мысли, совести и религии</i>	53
<i>Обеспечение должного признания религиозных обрядов</i>	59
Вопрос 3. Преследует ли законную цель ограничение права на свободу исповедовать религию или убеждения?	63
Вопрос 4. Является ли ограничение права на свободу «исповедовать» религию или убеждения «предусмотренным законом»?	66
Вопрос 5. Является ли ограничение права на свободу «исповедовать» религию или убеждения «необходимым в демократическом обществе»?	71
<i>Необходимость и пропорциональность, и природа «демократического общества»</i>	72
<i>Свобода усмотрения</i>	75
Специфические аспекты свободы мысли, совести и религии, возникающие в связи со Статьей 9	78
Вмешательство в «исповедание» личных убеждений: отказ от прохождения обязательной воинской службы	79
Вмешательство в «исповедание» личных убеждений: прозелитизм	84
Вмешательство в «исповедание» личных убеждений: санкции против ношения религиозной символики	89

Вмешательство в «исповедание» личных убеждений: требование уплаты «церковного налога»	94	Свобода выражения мнения и свобода мысли, совести и религии: Статья 10	124
Индивидуальное «исповедание» убеждений: заключенные и их религиозные убеждения	97	Вопросы, связанные с медицинским обслуживанием: Статья 8	130
Требование нейтральности государства: регистрация религиозных объединений и прочее	100	Признание государством решений религиозных инстанций: Статья 6	132
Требование нейтральности государства: контроль над местами богослужения	109	Дискриминация на основе религии или убеждений	132
Требование нейтральности государства: вмешательство во внутренние разногласия между верующими одной религиозной общины	112	Статья 14	134
Другие гарантии Конвенции, оказывающие влияние на осуществление свободы совести и убеждений	117	Протокол № 12	145
Религиозные убеждения и образование: статья 2 Протокола № 1	118	Заключение	147
		Алфавитный указатель судебных дел	153

Статья 9 Европейской конвенции о защите прав человека

Свобода мысли, совести и религии

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.
2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Предисловие

Это пособие посвящено изучению пределов и содержания свободы мысли, совести и религии, гарантированной, в частности, Статьей 9 Европейской конвенции о защите прав человека в том виде, как она трактуется в практике Европейского суда по правам человека (Страсбургский Суд) и Европейской комиссией по правам человека (Комиссия)¹.

Основная ответственность за обеспечение применения гарантий, предусмотренных Конвенцией, возложена на национальные власти. Таким образом, цель данного пособия – дать краткое практическое руководство, чтобы помочь судьям, ответственным государственным должностным лицам и практикующим юристам, нуждающимся в понимании судебной практики по Европейской конвенции о защите прав человека, в применении данного документа в национальном законодательстве и правоприменительной практике.

Стандарты и ожидаемые результаты, изложенные в Европейской конвенции о защите прав человека, могут применяться по всей Европе, но субсидиарный характер системы защиты прав человека в Европейской конвенции требует, чтобы лица, принимающие решение внутри страны, и прежде всего судьи, ввели эти права в национальное законодательство и практику. Эту книгу следует трактовать исключительно как вступительное слово, а не как окончательное исследование. Ее также не следует сводить к обсуждению вопроса о том, какое значение отведено

¹ Для удобства прочтения в тексте приведены ссылки на названия дел, полные ссылки на постановления приведены в указателе дел, стр.153. Все постановления Суда, а также значительная часть решений и докладов опубликованы в базе HUDOC, доступной на <http://hudoc.echr.coe.int/>.

внутригосударственному законодательству в реализации Конвенции. Вполне очевидно, что имеет значение то, рассматривается ли Европейская конвенция о защите прав человека как высший закон или просто как обладающий значительной силой во внутреннем законодательстве, но вне зависимости от того, преобладает ли Конвенция над национальным законодательством или нет, все же с определенной долей уверенности можно назвать основные факторы, которые национальный судья или должностное лицо обязаны иметь в виду, принимая решение по конкретному делу на национальном уровне.

Возможно, судебная практика по Статье 9 не особенно обширна по сравнению с таковой по другим статьям Конвенции, но она зачастую сопряжена с некоторыми сложностями, большая часть которых связана с тем, что судебная практика в этой области – сравнительно недавняя². И хотя некоторые аспекты свободы мысли, совести и религии еще предстоит изучить, так как Суд пока не имел возможности дать официальное толкование всех аспектов данного вопроса, тем не менее, ряд важных решений и постановлений поможет разъяснить применение, природу и значение данной гарантии. Данная статья обеспечивает защиту основной системы убеждений человека и право проявлять такие убеждения индивидуально или сообща с другими людьми, как в частной, так и в общественной сфере.

Судебная практика разъясняет, что государственные власти должны не только воздерживаться от действий, которые представляют собой вмешательство в свободу мысли, совести и религии, но и в

² В 1959-2010 годах нарушение Статьи 9 было установлено в 35 постановлениях: 9 были против Греции, 5 – против России, 4 – против Болгарии, по 3 дела против Латвии, Молдовы, Турции и Украины и по 1 делу против Австрии, Грузии, Польши, Сан-Марино и Швейцарии (Европейский суд по правам человека. Годовой отчет за 2010 – 2011 гг., стр. 157-158). Первое такое дело, признающее нарушение Статьи 9, Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), которое будет обсуждаться ниже, на стр. 64, появилось в 1993 году.

определенных обстоятельствах принимать позитивные меры, чтобы оберегать и защищать эту свободу. Круг вопросов, которые могут подпадать под действие Статьи 9, обширен: например, должна ли быть запрещена демонстрация религиозной символики в помещениях органов государственной власти; в каких случаях уголовное право может запрещать попытки прозелитизма; существует ли обязанность признать основания для освобождения от военной службы; могут ли требоваться клятвы верности от должностных лиц или представителей, избранных демократическим путем; допустим ли запрет на строительство минаретов или ношение платков. Подобные вопросы, на самом деле, нередко возникают в политической дискуссии. Они также могут появляться в ходе судебного разбирательства в национальных судах, где решение таких проблем требует от национальных судов четкого понимания ожидаемых результатов, вытекающих из правовых норм.

Обсуждение некоторых ключевых дел в судебной практике помогает понять, что текст Конвенции является лишь отправной точкой для понимания права, предусмотренного Статьей 9. Знание соответствующей судебной практики является важным условием. Для юристов с европейской правовой традицией, возможно, потребуются некоторые дополнительные объяснения. Как выразился бывший председатель Европейского суда по правам человека, «доктрина прецедента» применяется Судом, чтобы направить национальные суды и лица, принимающие решения, в направлении развития защиты прав человека³. Эта «доктрина прецедента» необходима в интересах правовой определенности и равенства перед законом. Тем не менее, она «модерируется»

³ Европейский суд по правам человека. Годовой отчет за 2005 г., стр.32.

необходимостью того, что Конвенция должна отражать изменения в притязаниях общества и его ценностях. Таким образом, Конвенция – это «живой инструмент»⁴.

Изучение судебной практики также позволяет оценить фундаментальные ценности, которые лежат в ее основе. Эти основополагающие выводы зачастую вытекают из решений и постановлений Страсбургского Суда, поскольку была предпринята попытка разработать принципы, которые следует соблюдать национальным судам и политикам. Существует, таким образом, важный предопределяющий аспект в практике Страсбургского Суда, в случае если при определенных обстоятельствах нет конкретного прецедента для руководства, тогда опираться следует на лежащие в основе принципы и логическое обоснование решений.

Два заключительных момента. Во-первых, данное пособие в первую очередь рассматривает Статью 9 Европейской конвенции о защите прав человека. Тем не менее, вопросы, касающиеся свободы совести и религии, могут упоминаться в другом месте Конвенции, поэтому будут необходимы краткие ссылки на некоторые другие гарантии, которые особым образом влияют на свободу мысли, совести и религии. Как станет ясно из обсуждения, Статья 9 тесно связана как в плане формулировки, так и в отношении ценностей, лежащих в основе ее толкования, со Статьей 10, гарантирующей свободу выражения мнения, и со Статьей 11, предусматривающей право на свободу собраний и объединений⁵. Дополнительные правовые нормы подкрепляют данную статью,

⁴ Недавний пример применения «живого инструмента» – см. дело Баятян против Армении (*Bayatyan v. Armenia*), постановление БП, обсуждаемое ниже, на стр.83.

⁵ Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства (*Young, James and Webster v. the United Kingdom*), п. 57, защита личного мнения, предусмотренная Статьями 9 и 10 в смысле свободы мысли, совести и религии и свободы выражения мнения, также является одной из целей свободы собраний и объединений, гарантированных Статьей 11.

например, статья 2 Протокола № 1, которая требует от государства уважения права родителей обеспечивать детям такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям.

Во-вторых, при обсуждении степени ответственности государства в рамках Европейской конвенции о защите прав человека необходимо будет рассмотреть, претерпевает ли эта ответственность изменения на национальном уровне. В частности, Статья 57 допускает, что государство при подписании настоящей Конвенции или при хранении своей ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению.

Далее следует введение в основные положения наиболее значимых дел в этой области. Изучение Статьи 9 и связанных с ней гарантий увлекательно не только из-за фактических обстоятельств многих дел, но и из-за принципов, разработанных и собранных воедино Судом с течением времени. Конкретный контекст многих судебных дел дает представление о богатой палитре культурного, религиозного и исторического разнообразия европейского общества. Тем не менее, Суд стремится опираться на унифицированный набор ценностей, что поможет Европе подготовиться и успешно справиться с проблемами, возникающими в обществе, которое становится более светским и более многоконфессиональным. Важно соблюдать и ценить плюрализм и проявление терпимости. Право на свободу совести не может считаться само собой разумеющимся.

Свобода мысли, совести и религии: международные и региональные стандарты

Гарантии свободы мысли, совести и религии непременно присутствуют в конституционных положениях либеральных демократических обществ и в международных и региональных документах по правам человека. В некоторой степени они отражают проблемы, которые вызывали беспокойство в тот момент, когда эти документы разрабатывались. Существует множество примеров, акценты в которых слегка отличаются. В частности, статья 18 Всеобщей декларации прав человека от 1948 года предусматривает, что

«каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов».

Более полная формулировка, включающая ссылку на образование, однако исключающая прямое признание права менять свою религию, найдена в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 года:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

4. Участвующие в настоящем Пакте Государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями».

Подобные гарантии встречаются в других документах на региональных уровнях. К примеру, статья 12 Американской конвенции по правам человека предусматривает, что

«1. Каждый имеет право на свободу совести и религии. Это право включает свободу придерживаться своей религии или вероучения, менять их, а также свободу исповедовать или распространять свою религию или вероучение как индивидуально, так и в сообществе с другими, публично или частным порядком».

А статья 8 Африканской хартии прав человека и народов гласит, что

«гарантируется свобода совести, выбора профессии и свободного отправления религиозных обрядов. При условии соблюдения правопорядка никто не может подвергаться мерам, ограничивающим осуществление этих свобод».

В Европейской конвенции о защите прав человека основные гарантии, предусматривающие защиту свободы мысли, совести и религии, содержатся в двух правовых нормах.

Во-первых, Статья 9 предусматривает:

«Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Во-вторых, статья 2 Протокола №1 к Европейской конвенции о защите прав человека в контексте права на образование предусматривает:

«Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям».

Таким образом, свобода мысли, совести и религии рассматривается, прежде всего, как индивидуальное право, но часто осуществляемое совместно с другими. Конечно, чувство самоидентификации в обществе может быть в значительной степени связано с определенной религиозной принадлежностью. И национальные, региональные и международные правовые документы отражают это. Несмотря на то, что в основе некоторых европейских государств лежит принцип секуляризма (светский характер отношений в государстве), что означает разделение между

государственными институтами и их представителями с одной стороны и религиозными организациями с другой, Конституции многих стран прямо содержат такой специальный термин как «государственная религия»⁶. Такая ситуация не противоречит свободе религии при условии, что адекватные правовые нормы предусмотрены для индивидуальных убеждений и для положения других конфессий⁷. На европейском уровне понимание связи между групповой идентичностью и религиозным вероисповеданием обнаруживается при акцентированности на защиту прав представителей меньшинств. В частности, в преамбуле к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств четко говорится:

«плюралистическое и подлинно демократическое общество должно не только уважать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность любого лица, принадлежащего к национальному меньшинству, но также создавать и соответствующие условия, позволяющие выражать, сохранять и развивать эту самобытность».

Другими словами, культурное многообразие должно восприниматься как фактор обогащения, а не раскола⁸.

⁶ Например, признанные церкви существуют в скандинавских странах, они внесены в конституционные нормы; в Соединенном Королевстве таким образом признаются Церковь Шотландии и Церковь Англии, хотя характер признания радикально отличается в каждом из примеров.

⁷ См. далее: стр. 98.

⁸ 31 октября 2011 года Конвенция была ратифицирована всеми государствами Совета Европы, за исключением Андорры, Бельгии, Франции, Греции, Исландии, Люксембурга, Монако и Турции. ETS № 157 (1995).

Вследствие этого,

«стороны обязуются поощрять создание благоприятных условий, позволяющих обеспечить лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, возможности поддерживать и развивать свою культуру, а также сохранять основные элементы их самобытности, а именно: религию, язык, традиции и культурное наследие»⁹.

Рамочная Конвенция отражает основополагающий вывод (и это будет обсуждаться ниже), что плюрализм и проявление терпимости – это критерии демократического общества в Европе. Другие инициативы Совета Европы также содействуют становлению этих ценностей. В частности, Европейская комиссия против расизма и нетерпимости стремится побороть расизм, ксенофобию, антисемитизм и нетерпимость посредством борьбы с дискриминацией и предубеждениями на почве расовой, цветной, языковой, религиозной, национальной или этнической принадлежности¹⁰. Европа с ее многообразием и множеством конфессий требует особого подхода для защиты свободы мысли, совести и религии.

⁹ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, Статья 5 (п. 1), вступившая в силу в 1998 году, см. также Статью 8: «Стороны обязуются признавать за любым лицом, принадлежащим к национальному меньшинству, право исповедовать свою религию или выражать убеждения, а также право создавать религиозные учреждения, организации и ассоциации».

¹⁰ Комиссия издает политические рекомендации по общим вопросам и распространяет материалы «положительного опыта» среди государств, содействуя межкультурному пониманию и уважению в гражданском обществе. Комиссия может также публиковать свои заявления по вопросам, вызывающим озабоченность и беспокойство со стороны общественности. См., к примеру, заявления по поводу запрета строительства минаретов в Швейцарии. CRI (2009) 32, п. 33.

Толкование Статьи 9 Конвенции: общие положения

Введение

В последние годы увеличилось количество жалоб на нарушение Статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека, возросла и их сложность. Действительно, до недавнего времени судебная практика Страсбургского Суда и Комиссии по Статье 9 была весьма ограниченной. Практика имела тенденцию формироваться вокруг отдельных вопросов, таких как свобода религии в местах лишения свободы или конфликты между уважением к религии и трудовыми обязанностями. Кроме того, нашлось не так много случаев, когда в центре внимания было коллективное проявление веры. Эта ситуация, вероятно, свидетельствовала о высокой степени уважения, которое обычно проявляли к свободе мысли, совести и религии в большинстве государств-членов Совета Европы в то время, поскольку проявление терпимости к религиозным и философским убеждениям и уважение к различиям были давно укоренившимися ценностями, или, по крайней мере, ценностями, которых активно стремились достичь.

Как следствие, толкователям Статьи 9 было сложно вывести основные принципы и ценности, разъясняющие суть этой статьи. Однако в последние годы в Страсбургский Суд часто обращались за разрешением вопросов, связанных с границами и значением Статьи 9, в связи с возросшим количеством ключевых дел, затрагивающих обширный и разнообразный круг вопросов. Последующие решения и постановления дали возможность вновь акцентировать внимание на той

роли, которую играют религиозные и философские убеждения в европейском обществе, а также подчеркнуть основные ценности плюрализма и толерантности.

Статья 9 имеет близкое сходство как в формулировке, так и в ценностях, которые она охватывает, с соседними статьями Конвенции. Статья 9 гарантирует не только свободу мысли, совести и религии, но и их активное проявление. Существует, таким образом, четкая связь как с точки зрения текстовой формулировки, так и основного содержания, между свободой выражения мнения и свободой собраний и объединений в рамках Статей 10 и 11.

Действительно, жалобы о нарушении прав граждан на участие в общественной жизни демократического общества могут также содержать ссылки на Статью 9, хотя Страсбургский Суд во многих случаях приходил к выводу, что вопросы, поднятые в жалобах, скорее, должны были быть рассмотрены через призму одной из двух других статей, так как либо затрагивали свободу выражения мнения по Статье 10¹¹, либо подпадали под пределы Статьи 11 Конвенции, гарантирующей свободу ассоциаций¹². Статья 9 в то же время включает в себя некоторые ценности, связанные с предусмотренным в Статье 8 требованием уважения к частной жизни. Она также имеет тесную связь с правом родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям согласно статье 2 Протокола № 1.

¹¹ Например, Фельдек против Словакии (*Feldek v. Slovakia*); Ван ден Дунген против Нидерландов (*Van den Dungen v. the Netherlands*).

¹² Например, Партия благоденствия и другие против Турции (*Refah Partisi (the Welfare Party) and others v. Turkey*), постановление БП.

Обе эти гарантии играют важную роль в содействии защиты и развития личностной индивидуальности. Здесь логичнее рассмотреть вопросы, поднятые заявителем, в рамках Статьи 9 с учетом одной из указанных правовых норм¹³. Кроме того, аспекты пользования правом на свободу мысли, совести и религии могут подпадать под другие гарантии, например, предусмотренные Статьей 6, когда речь идет о праве на доступ к правосудию для определения гражданских прав религиозной общины¹⁴ или когда на карту поставлены имущественные права, гарантированные статьей 1 Протокола №1¹⁵. Следовательно, необходимо убедиться в том, что Статья 9 является *lex specialis* для разрешения конкретного дела.

Применение Статьи 9: перечень ключевых вопросов

Гарантия не является абсолютной. П. 1 Статьи 9 провозглашает свободу мысли, совести и религии, а п. 2 признает, что допустимы обоснованные ограничения при реализации данных прав. П. 1 вдохновлен текстом Всеобщей декларации о правах человека, п. 2 в значительной степени отражает формулу, используемую для установления баланса между индивидуальными правами и теми гарантиями, которые содержатся в других статьях Европейской конвенции о защите прав человека, прежде всего, в Статьях 8, 10 и 11. Данный подход можно усмотреть и в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (как отмечалось выше).

¹³ Например, дело ХOFFMAN против Австрии (*Hoffman v. Austria*), обсуждаемое на стр.141

¹⁴ Например, Католическая церковь Канеи против Греции (*Canea Catholic Church v. Greece*).

¹⁵ Святые монастыри против Греции (*Holy Monasteries v. Greece*).

Опираясь на текстовые формулировки, необходимо получить ответы на пять ключевых вопросов:

- ✧ 1. Каковы границы конкретной гарантии?
- ✧ 2. Имело ли место вмешательство в право, гарантированное Конвенцией?
- ✧ 3. Преследует ли вмешательство законную цель?
- ✧ 4. Является ли вмешательство «предусмотренным законом»?
- ✧ 5. Является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе»?

Другими словами, ввиду п. 1 следует определить, применима ли Статья 9, и если так, то имело ли место *вмешательство* в право, гарантированное Конвенцией; далее, с учетом п. 2, следует оценить, насколько вмешательство было оправданным, и, как следствие, имело ли место *нарушение* статьи. Следует помнить, что жалоба в Страсбургский Суд должна быть признана *приемлемой*, и если гражданин желает прибегнуть к механизму исполнения решений, предусмотренному Европейской Конвенцией, необходимо, чтобы жалоба отвечала ряду критериев приемлемости, в частности, должны быть исчерпаны все средства судебной защиты на национальном уровне.

Обсуждение критериев приемлемости, по большому счету, выпадает за рамки данного пособия, хотя ниже приведены краткие положения, касающиеся того, в каких случаях и в какой степени такие объединения, как церкви или религиозные организации, могут считаться «жертвами», правомочными подать жалобу¹⁶.

На эти пять вопросов следует отвечать, опираясь на существующую судебную практику по Статье 9. Обсуждение общего применения этих тестовых вопросов дает понимание взаимосвязи

¹⁶ См. стр. 42 ниже.

между данной статьей и другими гарантиями, предусмотренными Конвенцией, а также оценку ключевых аспектов, выработанную Страсбургским Судом при толковании данной статьи. Затем рассматриваются более конкретные, то есть тематические, аспекты защиты, рассматриваемые данной статьей, включая такие вопросы, как права заключенных, регистрация религиозных организаций и культовых сооружений или форма одежды (дресс-код). Поскольку судебная практика и обсуждение сводятся, в основном, к религиозным убеждениям, следует напомнить, что те же принципы применяются в отношении других философских убеждений, не основанных на религиозной вере.

Вопрос 1. Подпадает ли жалоба под действие Статьи 9?

Сфера действия Статьи 9 потенциально обширна. Статья охватывает не только частные или личные убеждения, но и совокупное проявление этого мнения или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими. Таким образом, Статья 9 охватывает как внутренние, так и внешние аспекты гарантии, а, в свою очередь, внешний аспект может включать в себя религиозные обряды как в частной, так и в публичной сфере.

Принуждение частных лиц к действиям или поведению, противоречащим их личным убеждениям, как, например, принуждение дать религиозную клятву¹⁷ или принять участие в религиозном обряде¹⁸, приводит, таким образом, к вопросам, подпадающим под действие Статьи 9. С другой

¹⁷ Бускарини и другие против Сан-Марино (*Buscarini and others v. San Marino*), пп. 34-41, в п. 34.

¹⁸ Вальсамис против Греции (*Valsamis v. Greece*), пп. 21-37, отсутствие вмешательства в права, предусмотренные Статьей 9, рассмотрено ниже, на стр. 49.

стороны, ограничения на действия или поведение лица, обусловленные религиозной верой, такие как запрет на ношение религиозной одежды на публике¹⁹ или попытки склонить других лиц следовать той или иной религиозной вере²⁰, будут также подпадать под действие гарантии, предусмотренной данной статьей.

Создание препятствий в осуществлении членами религиозной группы права на свободу вероисповедания, таких как ограничения на сооружение мест для богослужения²¹, отказ в регистрации религиозных групп²² или ограничения на свободу передвижения, мешающие членам группы собираться для богослужения²³, будут также подпадать под действие этой статьи. Государство должно воздерживаться от неоправданного вмешательства в деятельность религиозных групп, и несоблюдение этого требования может привести к разрешению вопросов, подпадающих под действие Статьи 9²⁴.

В центре внимания гарантии, таким образом, находится личная вера и ее индивидуальное и коллективное проявление. Тем не менее, термин «исповедовать» в тексте Статьи 9 не

¹⁹ Ахмет Арслан и другие против Турции (*Ahmet Arslan and others v. Turkey*), пп. 44-52.

²⁰ Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), пп. 31-33.

²¹ Мануссакис и другие против Греции (*Manoussakis and others v. Greece*), пп. 36-53.

²² См. с. 98 ниже.

²³ Кипр против Турции (*Cyprus v. Turkey*), постановление БП, пп. 242–246.

²⁴ См. с. 113 ниже.

распространяется на каждый акт, мотивированный или вызванный религией или убеждением²⁵. Захоронение человеческих останков в соответствии с религиозными пожеланиями затрагивает не свободу мысли, совести и религии, а, скорее, связано с уважением частной и семейной жизни в соответствии со Статьей 8²⁶. Не существует также обязательств, требующих от государства, чтобы оно согласовывало с налогоплательщиками, на какие цели²⁷ должны расходоваться уплаченные налоги, или чтобы был разрешен определенный язык для осуществления права на свободу мысли²⁸. За рамки статьи выходят такие вопросы, как невозможность разводов²⁹, заявления о дискриминации в области применения налогового законодательства³⁰ либо лишение религиозной организации материальных ресурсов³¹. Однако если государство выйдет за рамки своих основных обязательств в соответствии со Статьей 9 и создаст дополнительные права, подпадающие под более широкую

²⁵ Сержес против Венгрии (*Cserjés v. Hungary*), реш..

²⁶ Х против Германии (*X v. Germany*), 1981г., вопрос может подпадать под Статью 8; Сабанчиева и другие против России (*Sabanchiyeva and others v. Russia*), реш., отказ вернуть тела «террористов», убитых сотрудниками правоохранительных органов: приемлемо в соответствии со Статьями 3, 8 и 9, взятых отдельно или в совокупности со Статьями 13 и 14.

²⁷ С. против Соединенного Королевства (*C. v. the United Kingdom*), квакер противился, чтобы уплаченные им налоги шли на военные цели; Комиссия отметила, что Статья 9 не всегда гарантирует право вести себя в публичной сфере (другими словами, отказываться платить налоги) так, как диктует вера; Алухер Фернандес и Кабальеро Гарсия против Испании (*Alujer Fernández and Caballero García v. Spain*), реш., невозможность для членов церкви отложить часть налоговых средств на поддержку собственной церкви (как это допустимо для членов Римско-католической церкви) не послужила нарушением Статьи 9 в совокупности со Статьей 14, т.к. государство имело право на свои границы усмотрения по данному вопросу, не имеющему в Европе общей практики.

²⁸ Жители Синт-Питерс-Леу против Бельгии (*Inhabitants of Leeuw-St. Pierre v. Belgium*).

²⁹ Джонстон и другие против Ирландии (*Johnston and others v. Ireland*), пп. 62-63, вопросы изучались в рамках Статей 8, 12 и 14.

³⁰ Дарби против Швеции (*Darby v. Sweden*), пп.28-35, жалоба, рассмотренная в соответствии со статьей 1 Протокола №1 в совокупности со Статьей 14; Суд счел, что создание конкретной церкви в государстве не подпадало под действие Статьи 9, если вступление в члены этой церкви было добровольным (п. 35).

³¹ Святые монастыри против Греции (*Holy Monasteries v. Greece*), пп. 86-87, вопросы изучались в рамках статьи 1 Протокола №1, поскольку жалоба не касалась «объектов, предназначенных для церковной службы».

сферу свободы мысли, совести и религии, то защита таких прав будет предусмотрена Статьей 14 в совокупности со Статьей 9 с учетом практики дискриминационного применения внутреннего законодательства³². Этот вопрос будет рассматриваться ниже³³.

Защита, предоставляемая Статьей 9, по сути, является вопросом, решение которого европейские государства должны обеспечить в пределах своей юрисдикции. Соответственно, Статья как таковая может предоставить слишком ограниченную защиту, когда человек находится под угрозой высылки в другую страну, где, по его утверждению, существует реальная угроза того, что в праве на свободу религии ему будет отказано, если он будет возвращен или выслан³⁴. С другой стороны, несмотря на то, что иммиграционный контроль, как правило, выпадает за рамки сферы применения гарантий, предусмотренных Конвенцией, отказ в разрешении въехать в страну на основании религиозных убеждений может в конкретных случаях быть отнесен к вопросам, подпадающим под Статью 9³⁵.

³² Союз церквей «Слово жизни» и другие против Хорватии (*Savez Crkava "Riječ Života" and others v. Croatia*), пп.55-59 и 85-93, невозможность обеспечения реформистскими церквями религиозного обучения в школах и заключения официально признаваемых религиозных браков: нарушение Статьи 14 в совокупности со Статьей 9, запрещающей дискриминацию в осуществлении любых прав, гарантированных законом.

³³ На стр. 134.

³⁴ Z и T против Соединенного Королевства (*Z and T v. the United Kingdom*), реш., пакистанские христиане столкнулись с депортацией в Пакистан, хотя Суд не исключал возможности того, что лишь только Статья 9 может быть задействована в делах о высылке за пределы страны, также было сложно представить себе обстоятельства, в которых это не повлекло бы ответственности по Статье 3; см. также дело Аль-Нашиф и другие против Болгарии (*Al-Nashif and others v. Bulgaria*), депортация на основании того, что обучение исламской религии осуществлялось без надлежащего разрешения: ввиду того, что депортация противоречила Статье 8, не было необходимости рассматривать ее в свете Статьи 9.

³⁵ Нолан и К против России (*Nolan and K v. Russia*), пп.61-75, изгнание резидента-иностранца за деятельность в качестве члена Церкви объединения (Unification Church): нарушение; см. также дело Перри против Латвии (*Perry v. Latvia*), пп.51-66, приведенное ниже, на стр. 70, и дело Эль Маджауи и Фонд Туба Моск против Нидерландов (*El Majaoui and Stichting Toubas Moskee v. the Netherlands*), постановление БП, пп.27-35, исключение дела из списка: отказ в выдаче разрешения на работу в должности имама был отменен из-за успешной подачи следующего заявления.

Что подразумевается под «мыслью, совестью и религией»?

Использование терминологии «мысль, совесть и религия» (и «религия или убеждения» в п. 2) предполагает потенциально широкие рамки применения Статьи 9, однако в действительности судебная практика указывает на несколько более узкий подход. К примеру, «осознание» принадлежности к меньшинству (и, как следствие, стремление защитить культурную самобытность группы)³⁶ не служит основанием для применения Статьи 9. «Убеждения» не равнозначны «мнению», чтобы подпадать под Статью 9. Личные убеждения должны отвечать двум критериям: во-первых, убеждения должны «иметь определенную степень убедительности, серьезности, последовательности и важности», и, во-вторых, сами убеждения не должны противоречить уважению человеческого достоинства. Другими словами, убеждения должны «соотноситься с важностью и сущностным аспектом человеческой жизни и поведения», а также они должны стоять того, чтобы их защищали в европейском демократическом обществе³⁷. Убеждения в таких вопросах, как эвтаназия³⁸, языковые предпочтения³⁹ или захоронения человеческих останков после смерти⁴⁰ не относятся к «убеждениям» в понимании Статьи 9.

³⁶ Сидиropулос и другие против Греции (*Sidiropoulos and others v. Greece*), п. 41.

³⁷ Кэмпбелл и Козанс против Соединенного Королевства (*Campbell and Cosans v. the United Kingdom*), п. 36.

³⁸ Претти против Соединенного Королевства (*Pretty v. the United Kingdom*).

³⁹ Бельгийское лингвистическое дело (*Belgian Linguistic case*), раздел «Право», п.6.

⁴⁰ X против Германии (*X v. Germany*), 1981г., вопрос может подпадать под действие Статьи 8.

С другой стороны, пацифизм⁴¹, атеизм⁴² и веганизм⁴³ являются системами ценностей, четко подпадающими под Статью 9, также как и политические идеологии, такие как коммунизм⁴⁴. Но важно отметить, что вмешательства в ситуации публичного обнародования мыслей или выражение убеждений часто будут расцениваться как вопросы, входящие в рамки гарантий свободы выражения мнения по Статье 10 или права на свободу собраний и объединений в рамках Статьи 11⁴⁵.

Значительная часть судебной практики сфокусирована на религиозных убеждениях. Но для начала, тем не менее, важно заметить, что право «не веровать», также как и нерелигиозные убеждения, тоже защищены Статьей 9:

«Как закреплено в Статье 9, свобода мысли, совести и религии является одним из фундаментов «демократического общества» в понимании Конвенции. Эта свобода, в ее религиозном аспекте, является одним из жизненно важных элементов самоидентификации верующих и их концепции жизни, но также имеет значительную ценность для атеистов, агностиков, скептиков и тех, кто не определился. Демократическое общество основывается на плюрализме, который был завоеван ценой больших потерь на протяжении веков».

Несмотря на то, что религиозная свобода является в первую очередь вопросом свободы совести индивидуума, она также подразумевает *inter alia* свободу «исповедовать свою религию».

⁴¹ Эрроусмит против Соединенного Королевства (*Arrowsmith v. the United Kingdom*).

⁴² Анжелени против Швеции (*Angeleni v. Sweden*).

⁴³ С. W. против Соединенного Королевства (*C.W. v. the United Kingdom*).

⁴⁴ Хазар, Хазар и Асик против Турции (*Hazar, Hazar and Acik v. Turkey*).

⁴⁵ См., например, дело Фогт против Германии (*Vogt v. Germany*).

Свидетельствование словами и делами неразрывно связано с существованием религиозных убеждений. В соответствии со Статьей 9, свобода исповедовать свою религию может быть осуществлена не только сообща с другими, в публичном порядке и в кругу тех, кто разделяет эту же веру, но также «единолично» и «в частном порядке». Кроме того, эта свобода включает в себя право убедить своего знакомого, например, через «обучение», в противном случае «свобода менять свою религию или убеждения», которая гарантируется Статьей 9, будет лишь мертвой нормой⁴⁶.

До определенного времени не возникало необходимости дать четкое определение термину «религия». Суд же особым образом указал на то, что

«в его задачу, разумеется, не входит обязанность решать *in abstracto*, можно ли считать некий свод убеждений и связанных с ними обычаев религией»⁴⁷.

В деле *Кимля и другие против России* (*Kimlya and others v. Russia*), например, возник вопрос, является ли Саентологическая церковь «религией». В тех случаях, когда европейский консенсус относительно религиозного характера какой-либо организации (в настоящем деле саентологии) не достигнут, Суд, «осознавая свою субсидиарную роль», опирается на позицию, выработанную национальными властями. В настоящем деле Саентологический центр, изначально зарегистрированный как нерелигиозная организация, был ликвидирован исключительно на основании религиозного характера его деятельности. Использование этого довода для закрытия центра было достаточным, чтобы Суд счел, что настоящее дело должно

⁴⁶ Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), п.31.

⁴⁷ Кимля и другие против России (*Kimlya and others v. Russia*), п. 79.

быть рассмотрено в свете Статьи 9⁴⁸. Конечно, то, что считается «мировыми» религиями, сразу воспринимается, как системы убеждений, подпадающие под защиту⁴⁹, и аналогично рассматриваются другие разновидности этих вероисповеданий⁵⁰. Более древние религии, такие как друидизм, квалифицируются таким же образом⁵¹, равно как и религиозные движения более позднего происхождения, такие как Свидетели Иеговы⁵², секта Муна⁵³, движение Ошо⁵⁴ и «Миссия Божественного Света»⁵⁵. Однако, оказалось, что вопрос о том, является ли движение Викка «религией», так и остался открытым в одном из более ранних дел, и поэтому в случаях, когда возникают сомнения в отношении этого вопроса, заявителя могут попросить доказать, что конкретная «религия» действительно существует⁵⁶.

⁴⁸ Кимля и другие против России (*Kimlya and others v. Russia*), пп. 79 – 81.

⁴⁹ См., напр., дело ISKCON и 8 других против Соединенного Королевства (*ISKCON and 8 others v. the United Kingdom*), реш..

⁵⁰ Например, Чааре Шалом Ве Цедек против Франции (*Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France*), постановление БП.

⁵¹ Чаппелл против Соединенного Королевства (*Chappell v. the United Kingdom*).

⁵² Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*).

⁵³ X против Австрии (*X v. Austria*), реш., 1981г..

⁵⁴ Компания Лиля Фёрдеркрайс и другие против Германии (*Leela Förderkreis e.V. and others v. Germany*).

⁵⁵ Омкарананда и Центр Божественного Света против Швейцарии (*Omkarananda and the Divine Light Zentrum v. Switzerland*).

⁵⁶ X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш., 1977 г..

Внутренние убеждения (*forum internum*)

По своей сути Статья 9 нацелена на предотвращение идеологической обработки человека со стороны государства, предоставляя ему возможность придерживаться, развивать, совершенствовать и даже полностью менять личные мысли, убеждения и религию. Все это касается того, что принято называть *forum internum*⁵⁷.

Например, намерение проголосовать за определенную партию, по сути, является мыслью, ограниченной *forum internum* избирателя, и ее существование нельзя ни доказать ни опровергнуть до тех пор, пока она не проявится посредством акта голосования⁵⁸.

Толкование Статьи 9 указывает на то, что право иметь и менять свои идеи является абсолютным, поскольку в п. 2 предусмотрено, что «свобода исповедовать свою религию или убеждения» подлежит ограничению только при определенных обстоятельствах, предусмотренных внутренним законодательством. Очевидный вывод, следующий из текста Статьи, сводится к тому, что свобода мысли, совести и религии, невлекущая ее проявление, не может быть подвергнута вмешательству со стороны государства. Определенно, для индивидуума должно быть возможным оставить религиозную веру или сообщество⁵⁹. В любом случае сложно представить себе обстоятельства

⁵⁷ Ван ден Дунген против Нидерландов (*Van den Dungen v. the Netherlands*).

⁵⁸ Лейбористская партия Грузии против Грузии (*Georgian Labour Party v. Georgia*), п. 120.

⁵⁹ См. дело Дарби против Швеции (*Darby v. Sweden*), упомянутое выше, на стр.23.

(даже в случае войны или чрезвычайного положения)⁶⁰, при которых государство могло бы пытаться воспрепятствовать самой сути права иметь и менять личные убеждения. Тем не менее такая ситуация не настолько уж невообразима, и хотя в судебной практике имеется лишь единственный случай, касающийся незаконного лишения свободы индивидуумов с тем, чтобы попытаться «распрограммировать» убеждения, полученные ими во время пребывания в секте, Страсбургский Суд счел, что признание нарушения Статьи 5 отменило необходимость рассматривать данный вопрос в рамках Статьи 9⁶¹.

Принуждение человека к разглашению своих убеждений может, таким образом, подорвать аспект гарантии, предусмотренной Статьей 9, поскольку «никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору»⁶². Таким образом, требование озвучить свои религиозные убеждения к людям, обязанным сделать официальное заявление, но не желающим давать клятву в суде, – противоречит Статье 9⁶³.

Результаты переписи населения, направленные на выявление религиозных убеждений или принадлежности к религии, вызывают вопрос, преследованию каких законных целей может

⁶⁰ Более того, Статья 15 Европейской конвенции о защите прав человека предусматривает, что любая из Высоких Договаривающихся Сторон «в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву».

⁶¹ Рьера Блюм и другие против Испании (*Riera Blume and others v. Spain*), пп. 31-35.

⁶² Комитет по правам человека ООН, Общий комментарий 22, статья 18, CCPR/C/21/Rev. 1/Add (1993), в п. 3 (в части, касающейся статьи 18 Международного Пакта о гражданских и политических правах).

⁶³ Димитрас и другие против Греции (*Dimitras and others v. Greece*), пп. 76-78; см. похожее дело Александридис против Греции (*Alexandridis v. Greece*), пп. 33-41.

служить сбор этих данных⁶⁴. Требование указать вероисповедание в документах, удостоверяющих личность, противоречит праву человека на неразглашение своих религиозных убеждений⁶⁵.

Однако существует два типа обстоятельств, когда такое требование может быть оправданным. Во-первых, государство может пытаться выяснить ценности и убеждения, которых придерживаются кандидаты на государственные должности, по причине того, что они могут разделять взгляды, противоречащие должности⁶⁶. Несмотря на то, что такое требование само по себе правомочно, отказ в назначении какого-либо лица на должность по причине его убеждений может, в свою очередь, представлять вмешательство в право на свободу выражения мнения в соответствии со Статьей 10. Например, в деле *Ломбарди Валлаури против Италии (Lombardi Vallauri v. Italy)* преподавателю университета было отказано в продлении контракта на должность преподавателя в университете с определенной религиозной направленностью, поскольку было решено, что его взгляды противоречат религиозной доктрине университета, в котором он проработал более 20 лет. Суд счел, что имело место нарушение Статьи 10, поскольку ни университет, ни национальные суды не смогли представить разъяснений, как взгляды заявителя могли повлиять на интересы университета⁶⁷. Во-вторых, если человек желает воспользоваться особой привилегией на основании убеждений, имеющейся во внутригосударственном законе, от него могут потребовать разглашения и подтверждения его религиозных убеждений. Это может иметь место, например, при подаче

⁶⁴ См. Харрис, Д. Джей., М. О. Бойл и С. Уорбрик. Право Европейской конвенции о защите прав человека. - 2-е изд., 2009. – стр. 429.

⁶⁵ Синан Ишик против Турции (*Sinan Işık v. Turkey*), пп. 37-53, где удостоверение личности содержало поле «религия», которое, однако, могло и не заполняться.

⁶⁶ Фогт против Германии (*Vogt v. Germany*), пп. 41-68, подпадает под действие Статей 10 и 11

⁶⁷ Ломбарди Валлаури против Италии (*Lombardi Vallauri v. Italy*), пп.43-56.

заявления об отказе от воинской службы по идейным соображениям, если такое освобождение предусмотрено внутригосударственным правом⁶⁸. Это может иметь место и при иных обстоятельствах. В деле *Костески против бывшей югославской Республики Македония (Kosteski v. “the former Yugoslav Republic of Macedonia”)* на заявителя были наложены штрафные санкции за невыход на работу в день религиозного праздника. Европейский Суд отметил следующее:

«Поскольку заявитель жаловался, что имело место вмешательство во внутреннюю сферу убеждений в том, что ему потребовалось доказывать свою веру, Суд напоминает, что в решениях национальных судов по жалобе заявителя против дисциплинарного наказания, наложенного на него, отражены верные выводы о том, что заявитель не обосновал истинность своего утверждения о том, что он мусульманин, а его поведение, наоборот, ставило под сомнение эту жалобу, так как не было никаких внешних признаков того, что он исповедует мусульманскую веру или что он принимает участие в коллективных мусульманских богослужениях. В то время как позиция государства, осуществляющего суд в отношении состояния внутренних и личных убеждений граждан, отвратительна и может, к несчастью, отдавать прошлыми гонениями, имеющими дурную репутацию, Суд обращает внимание, что в данном деле заявитель пытался воспользоваться особым правом, предоставленным внутригосударственным законом, которое предусматривало, что мусульмане могут брать выходные по определенным дням».

«... В контексте трудовых взаимоотношений, где в контракте предусмотрены конкретные обязанности и права работодателя и работника, Суд счел разумным, что работодатель может рассматривать отсутствие работника без разрешения или без уважительной причины как

⁶⁸ N. против Швеции (*N. v. Sweden*) и Ранинен против Финляндии (*Raninen v. Finland*), см. далее: стр. 79.

дисциплинарный вопрос. В случае же, если работник пытается сослаться на особое исключение, то требование представить некоторые доказательства не будет считаться жестокостью или фундаментальным образом противоречить свободе совести, если речь идет о привилегии или праве, которые не общедоступны, и если эти доказательства не слишком откровенны, чтобы привести к отрицательным последствиям...»⁶⁹.

Оговорка «привилегия или право, которые не общедоступны» предполагает, однако, ограниченное применение данного принципа. К примеру, в отношении родителей, которые хотят, чтобы их философские убеждения были приняты в расчет при получении образования их детьми, руководство образовательного учреждения не должно заходить слишком далеко в выяснении убеждений этих родителей. Подобная ситуация возникла в деле *Фолгеро и другие против Норвегии* (*Folgerø and others v. Norway*), в котором Суд счел внутренние меры, вызывающие у родителей возражения против определенных аспектов образования их детей, противоречащими статье 2 Протокола № 1:

«... условием для предоставления частичных льгот было изложение родителями веских причин для такого прошения. Суд отмечает, что сведения о личных религиозных и философских убеждениях касаются одного из самых сокровенных аспектов частной жизни. <...> Возложение на родителей обязанности представить подробную информацию об их религиозных и философских убеждениях школьному руководству может содержать в себе нарушение Статьи 8 Конвенции и, вполне возможно, также и Статьи 9. Подобное требование представляло опасность, поскольку родители могли почувствовать, что их принуждают раскрыть перед

⁶⁹ Костески против бывшей югославской Республики Македония (*Kosteski v. "the former Yugoslav Republic of Macedonia"*), п. 39.

школьным руководством сокровенные аспекты их религиозных или философских убеждений. Опасность такого принуждения была еще более очевидной в свете описанных выше сложностей для тех родителей, которые считали, что некоторые аспекты обучения сводились к исповеданию другой религии или принадлежности к другой жизненной философии. К тому же решение о разумности прошения о предоставлении льгот являлось потенциальной основой для порождения конфликтных ситуаций, которых родители предпочтут избежать, просто не подав прошение о предоставлении льгот»⁷⁰.

Поскольку в тексте Статьи 9 не содержится открытой ссылки на запрет принуждения к исповеданию или принятию какой-либо религии или верования (как, например, имеет место в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах), вопросы, подпадающие под Статью 9, могут возникнуть, когда от человека требуют поступить против своей совести или веры. К примеру, в деле *Бускарини и другие против Сан Марко* (*Buscarini and others v. San Marino*) от двоих кандидатов, избранных в парламент, требовали принести религиозную клятву на Библии как условие их назначения на пост. Государство-ответчик пыталось отстаивать мнение, что формулировка используемых слов («Клянусь на святом Евангелии, что всегда буду верен и буду соблюдать Конституцию Республики...»), по существу, была больше исторического и социального, нежели религиозного значения. Выразив согласие с доводом Комиссии о том, что «будет противоречивым использовать мандат, направленный на представление различных общественных взглядов в Парламенте, при этом подчиняясь данной ранее клятве следовать определенной системе

⁷⁰ Фолгеро и другие против Норвегии (*Folgero and others v. Norway*), постановление БП, п. 98.

религиозных убеждений», Страсбургский Суд счел, что требование принести клятву не было «необходимым в демократическом обществе»⁷¹.

Аналогично внутригосударственный закон не может налагать обязательства поддерживать религиозные организации за счет налогоплательщиков, не признавая за человеком права выйти из церкви и получить освобождение от данного обязательства⁷². Однако данный принцип не распространяется на общеустановленные обязательства, относящиеся исключительно к общественной сфере, а, следовательно, налогоплательщики не могут требовать, чтобы их выплаты не шли на определенные цели⁷³.

Защита от принуждения или от идеологической обработки может осуществляться разными способами. Например, национальный закон может посчитать подходящим защищать лиц, являющихся в некоторой степени уязвимыми (с точки зрения незрелости, статуса или по иной причине), от «незаконного прозелитизма», а именно от побуждения или принуждения изменить религиозные убеждения, что при определенных обстоятельствах конкретного дела может рассматриваться как недопустимое⁷⁴.

⁷¹ Бускарини и другие против Сан-Марино (*Buscarini and others v. San Marino*), пп.34-41, в п. 39.

⁷² Дело Дарби против Швеции (*Darby v. Sweden*), упомянутое выше, на стр.23.

⁷³ С. против Соединенного Королевства (*C. v. the United Kingdom*)

⁷⁴ Дело Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), обсуждаемое ниже на стр. 59.

Далее, как уже отмечалось, в соответствии со статьей 2 Протокола № 1, философские и религиозные убеждения родителей должны учитываться государством при обучении их детей таким образом, чтобы родитель мог предотвратить идеологическую обработку своего ребенка в школе⁷⁵.

Исповедание религии или убеждений

Статья 9 также защищает действия, тесным образом связанные с *forum internum* личных убеждений⁷⁶. Особая ссылка в формулировке статьи на «свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов» подчеркивает, что исповедание религии является неотъемлемой частью защиты, предусмотренной данной гарантией. Например, «свидетельствование словами и делами неразрывно связано с существованием религиозных убеждений⁷⁷. Поскольку «исповедание» убеждений временами трудно отличить от выражения мыслей или свободы совести, подпадающих под свободу выражения мнения, предусмотренную Статьей 10, то необходимо соблюдать осторожность при определении того, гарантии какой статьи Конвенции должны применяться.

Термин «исповедовать» подразумевает понимание со стороны верующих, что религией предусмотрено или даже требуется определенное поведение. Как уже говорилось, формулировка

⁷⁵ Кьелдсен, Буск Мадсен и Педерсен против Дании (*Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark*), обсуждаемое ниже на стр. 83; см. также дело Анжелени против Швеции (*Angelini v. Sweden*); дело С.Д., Д.Д. и Е.Д. против Польши (*C.D., D.D. and E.D. v. Poland*), реш.; см. далее: стр. 118.

⁷⁶ Дело С.Д., Д.Д. и Е.Д. против Польши (*C.D., D.D. and E.D. v. Poland*), реш..

⁷⁷ Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*).

п. 1 ссылается на свободу исповедовать свою религию посредством «богослужения, учения и отправления религиозных и ритуальных обрядов». То, что квалифицируется как «исповедание» религии или убеждений, требует тщательного анализа, поскольку, как отметила Комиссия в более раннем деле *Эрроусмит против Соединенного Королевства* (*Arrowsmith v. the United Kingdom*), данное понятие «не распространяется на каждый поступок, мотивированный или спровоцированный религией или убеждениями»⁷⁸. Судебная практика ясно показывает, что такие вопросы, как прозелитизм, общее участие в жизни религиозной общины, а также заботой животных в соответствии с религиозными обычаями, безусловно, охватываются этим понятием.

Тем не менее должно быть проведено различие между деятельностью, которая является руководящей для выражения вероисповедания или убеждений, и теми действиями, на которые она всего лишь побуждает или к которым даже поощряет. В деле *Эрроусмит против Соединенного Королевства* заявительница, которая была пацифисткой, была осуждена за распространение листовок среди солдат. Содержание листовок было направлено не на мирное урегулирование политических проблем, а наоборот включало в себя критику политики государства в связи с гражданскими беспорядками в одном из регионов страны. Комиссия выразила согласие с тем, что любые публичные заявления, пропагандирующие идею пацифизма и призывающие к ненасилию, рассматривались бы как «исповедание» убеждений в соответствии со Статьей 9, даже если они были продиктованы пацифистскими убеждениями⁷⁹.

⁷⁸ Эрроусмит против Соединенного Королевства (*Arrowsmith v. the United Kingdom*).

⁷⁹ Эрроусмит против Соединенного Королевства (*Arrowsmith v. the United Kingdom*), пп. 71-72.

Однако аналогичное распространение материалов против абортотв возле клиники не будет считаться проявлением религиозных или философских убеждений, так как это связано главным образом с попытками убедить женщин не делать абортотв⁸⁰. Таким образом, необходима осмотрительность в определении того, что понимается под термином «исповедание», но в этих случаях вмешательство в право распространять подобные материалы затронет вопросы, подпадающие под действие гарантии, предусмотренной Статьей 10, а именно свободы выражения мнения.

Вывод о том, что «богослужение, обучение и отправление религиозных и культовых обрядов» предусмотрено или просто мотивировано религиозными убеждениями, не всегда лежит на поверхности. Отказ от выхода на работу в определенный день не может считаться исповеданием религиозной веры, даже если отсутствие на рабочем месте было мотивировано подобными убеждениями⁸¹. Отказ вручить письмо о разводе бывшему супругу, с точки зрения еврейского закона, не является исповеданием религиозных убеждений⁸², не является таковым и выбор имен для детей (хотя это может подпадать под понятие «мысли» в рамках значения Статьи 9)⁸³. Очевидно, что на практике ситуации, однозначно представляющие собой вмешательство в право исповедовать свои убеждения, касаются «исповедания» в публичной, а не частной сфере (например, посредством наложения санкций за попытку обратить других в свою веру или за ношение религиозной

⁸⁰ Ван ден Дунген против Нидерландов (*Van den Dungen v. the Netherlands*); см. также дело Кнудсен против Норвегии (*Knudsen v. Norway*), реш..

⁸¹ X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш., 1981 г.; Костески против бывшей югославской Республики Македония (*Kosteski v. "the former Yugoslav Republic of Macedonia"*), п. 38.

⁸² D против Франции (*D. v. France*), 1983 г..

⁸³ Салонен против Финляндии (*Salonen v. Finland*).

символики в университете). Но на данном этапе важно понимать, что не каждое действие, относимое к личным убеждениям, будет обязательно подпадать под действие Статьи 9⁸⁴.

Большая часть этих дел указывает на главную дилемму в данном аспекте судебной практики: определить, является ли конкретное деяние «исповеданием» или просто мотивировано совестью или убеждениями. Это может потребовать очень тщательного изучения убеждений человека и повлечь за собой вторжение в *forum internum*. В качестве отступления следует отметить, что подход, выработанный в деле *Эрроусмит*, не является безупречным. Сейчас признается, что запрет на ношение в школах символов религиозного характера должен рассматриваться как ограничение свободы исповедовать религию⁸⁵, — подход, который дает возможность избежать опасности быть втянутым в богословские споры.

Коллективный аспект Статьи 9

Наряду с вышеуказанными элементами гарантии, имеющими отношение к *forum internum* и единоличному проявлению свободы мысли, совести и религии, Статья 9 также защищает исповедание убеждений сообща с другими, частным или публичным порядком, поскольку в тексте п.1 прямо указывается, что «исповедание» религии или убеждений может быть как «единоличным», так и «сообща с другими», и может иметь место как в частной, так и в публичной сферах.

⁸⁴ Ван ден Дунген против Нидерландов (*Van den Dungen v. the Netherlands*).

⁸⁵ См., например, дело Актас против Франции (*Aktas v. France*), реш., исключение из школы за отказ снять различную религиозную символику, см. далее: стр. 89.

Богослужение сообща с другими является самой очевидной формой коллективного исповедания. Однако последнее может затрагивать и другие статьи Конвенции. Тогда Статья 9 трактуется либо в свете данных статей, либо как самая подходящая для решения конкретного вопроса.

К примеру, доступ к местам богослужения и ограничение возможности для верующих принять участие в церковных службах будут подпадать под действие Статьи 9⁸⁶, а значит, в подобных случаях Статья 9 должна трактоваться в свете защиты, предусмотренной Статьей 11. К тому же, поскольку религиозному сообществу должно быть гарантировано право доступа к судебной защите его интересов, Статья 6 также может быть чрезвычайно важна. Тесная взаимосвязь трех этих статей Конвенции была отмечена Судом в деле *Бессарабская митрополия против Молдовы (Metropolitan Church of Bessarabia v. Moldova)*:

«... поскольку религиозные сообщества существуют в форме организованных структур, Статья 9 должна трактоваться в свете Статьи 11 Конвенции, которая защищает существование сообществ от неправомерного вмешательства государства. С этой точки зрения право верующих на свободу религии, которое включает свободу исповедовать религию сообща с другими, включает в себя ожидание, что верующим будет позволено свободно объединяться, без произвольного вмешательства государства.

Действительно, автономное существование религиозных сообществ обязательно для поддержания плюрализма в демократическом обществе, и таким образом, это вопрос самой сути защиты, которую предоставляет Статья 9.

⁸⁶ Кипр против Турции (*Cyprus v. Turkey*), постановление БП, пп.241-247, ограничение движения к местам богослужения лишило верующих возможности соблагоденствования религиозные обычаи.

Кроме того, одним из способов осуществления права исповедовать свою религию, особенно для религиозного сообщества, в его коллективном аспекте, является возможность обеспечить судебную защиту сообщества, его членов и имущества, так что Статью 9 следует рассматривать не только в свете Статьи 11, но также и в свете Статьи 6»⁸⁷.

Защита, соответствующая этому коллективному аспекту свободы мысли, совести и религии, может быть проиллюстрирована, прежде всего, делами, в которых государство пыталось вмешаться во внутреннюю организацию религиозных сообществ. Подобные дела приведены ниже⁸⁸.

Там, где индивидуальный и коллективный аспекты Статьи 9 вступают в конфликт между собой, как правило, уместно будет полагать, что должно преобладать коллективное, а не индивидуальное вероисповедание по причине того, что «церковь является организованным религиозным сообществом, основанным на одинаковых или по меньшей мере схожих убеждениях», и, таким образом, «она сама защищена в своих правах исповедовать религию, организовывать и осуществлять богослужение, обучение, отправление религиозных и культовых обрядов и она (церковь) свободна в выражении вероисповедания и в обеспечении единообразия в этих вопросах».

В результате члену духовенства будет сложно отстаивать позицию, что у него есть право исповедовать свои собственные личные убеждения способами, противоречащими общепринятой практике его церкви⁸⁹. В любом случае обжалуемое действие должно включать в себя действия

⁸⁷ Бессарабская митрополия против Молдовы (*Metropolitan Church of Bessarabia v. Moldova*), п. 118.

⁸⁸ На стр. 112 ниже.

⁸⁹ X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш., 1981г.; см. также дело Кнудсен против Норвегии (*Knudsen v. Norway*), реш..

государственной власти, а не действия, предпринятые церковью. Таким образом, если конфликт затрагивает такие вопросы, как использование установленного порядка богослужения (литургии), то он не повлечет ответственности государства, поскольку он связан с внутренними вопросами самой церковной организации⁹⁰. Этот принцип верен даже в тех случаях, когда церковь, вовлеченная в конфликт, имеет статус официально признанной государством церкви⁹¹.

Коллективный аспект Статьи 9 и признание статуса «жертвы»

Коллективный аспект Статьи 9, действительно, подтверждается признанием того, что церковь или иная религиозная организация может получить статус «жертвы» в рамках значения Статьи 34 Конвенции. Другими словами, чтобы отвечать критериям приемлемости, церковь может быть признана как имеющая право оспаривать вмешательство, затрагивающее религиозные убеждения, если сможет доказать, что она бросает вызов, осуществляя представительскую функцию от лица своих членов⁹². Однако признание за церковью права представлять интересы своих членов не распространяется на коммерческую организацию.

В деле *Издательский дом свободных мыслителей и другие против Финляндии (Kustannus OY, Vapaa ajatteliija AB and others v. Finland)* первым заявителем было общество с ограниченной ответственностью, вторым — зарегистрированная Ассоциация («свободных мыслителей»), а

⁹⁰ Финская община в Стокгольме и Теуво Хаутаними против Швеции (*Finska församlingen i Stockholm and Teuvo Hautaniemi v. Sweden*).

⁹¹ X против Дании (*X v. Denmark*), реш., 1976 г..

⁹² См. например, дело X и Церковь саентологии против Швеции (*X and Church of Scientology v. Sweden*), реш. и дело Католическая церковь Канен против Греции (*Canea Catholic Church v. Greece*), п. 31.

третьим заявителем был менеджер общества-заявителя и член одного из филиалов Ассоциации. Компания-заявитель была создана с главной целью издания и продажи книг, отражающих и продвигающих цели определенного философского движения. Компания должна была платить церковный налог – это требование было признано законным национальными судами, так как компания представляла собой коммерческую организацию, а не религиозное сообщество или общественную организацию.

В мотивировочной части решения о необоснованности жалобы по Статье 9 Комиссия отметила следующее:

«Комиссия напоминает, что согласно второй части п. 1 Статьи 9 общее право на свободу религии включает *inter alia* свободу исповедовать религию или «убеждения» единолично или «сообща с другими», частным или публичным порядком. Следовательно, Комиссия не исключает, что Ассоциация-заявитель, в принципе, может обладать и пользоваться правами, предусмотренными в п. 1 Статьи 9. Однако настоящая жалоба, рассматриваемая Комиссией, касается лишь вопроса уплаты налогов на церковную деятельность. Организационная форма была осознанным выбором со стороны Ассоциации-заявителя и ее филиалов для осуществления деятельности свободных мыслителей. Тем не менее, в соответствии с внутригосударственным правом, заявитель был зарегистрирован как общество с ограниченной ответственностью. А если так, то согласно внутригосударственному праву организация должна платить налоги как любое юридическое лицо, независимо от цели ее деятельности, связи с Ассоциацией-заявителем и с филиалами, и независимо от конечного получателя доходов от налогов, собираемых с нее. В конечном счете не было доказано, что Ассоциации-заявителю препятствовали в осуществлении коммерческой деятельности от собственного имени»⁹³.

⁹³ Издательский дом свободных мыслителей и другие против Финляндии (*Kustannus OY, Vapaa ajatteliija AB and others v. Finland*).

Более того, следует признать, что статус представителя в отношении члена ассоциации распространяется только на религиозные убеждения, а не на заявления о предполагаемом вмешательстве в права на свободу мысли или совести.

В деле *Центр «Контакт-Информация-Терапия» и Зигфрид Хаген против Австрии (Verein «Kontakt-Information-Therapie» (KIT) and Siegfried Hagen v. Austria)* организация-заявитель была частной некоммерческой организацией, которая управляла реабилитационными центрами для наркозависимых. Причиной конфликта послужило требование, чтобы врачи сообщили информацию о своих клиентах, что заявители сочли вопросом, затрагивающим свободу совести. Что касается вопроса приемлемости, то эта часть жалобы была признана Комиссией неприемлемой по критерию *ratione personae*:

«...организация не может заявлять о том, что является жертвой собственных прав, предусмотренных Конвенцией. К тому же затронутые права, а именно право на свободу совести в соответствии со Статьей 9 Конвенции и право не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (Статья 3) по своей сути не допускают их применения к юридическим лицам, таким как частная организация. Что же касается применения Статьи 9, то Комиссия считает, что следует разграничить свободу совести и свободу религии, которой может воспользоваться лишь церковь...»⁹⁴.

⁹⁴ Центр «Контакт-Информация-Терапия» и Зигфрид Хаген против Австрии (*Verein “Kontakt-Information-Therapie” and Hagen v. Austria*), реш..

Ограничения сферы действия Статьи 9

Область применения Статьи 9 не может простирается слишком далеко. Она не включает, к примеру, такие вопросы, как невозможность развода⁹⁵, распространение информации, убеждающей женщин не делать аборты⁹⁶, или установление того, включала ли продажа муниципального жилищного фонда, направленная на поднятие рейтинга политической партии среди избирателей, преднамеренное неправомерное поведение со стороны какого-нибудь политика⁹⁷. Не подпадают под эту статью также случаи, когда помощь в осуществлении самоубийства была обусловлена религиозными или философскими убеждениями, – это, скорее, приверженность принципу автономии личности, который подпадает под действие Статьи 8, как четко определил Страсбургский Суд в деле *Претти против Соединенного Королевства* (*Pretty v. the United Kingdom*):

«Европейский Суд не сомневается в твердости убеждений заявительницы относительно эвтаназии, однако, отмечает, что не все взгляды или мнения являются убеждениями, на которые распространяется действие п. 1 Статьи 9 Конвенции. Жалоба заявительницы не относится к какой-либо форме исповедания религии или убеждений через богослужение, обучение, отправление религиозных и культовых обрядов, как сказано во втором предложения п. 1 Статьи 9. <...> Что же касается того, что взгляды заявительницы отражают ее приверженность

⁹⁵ Джонстон и другие против Ирландии (*Johnston and others v. Ireland*), п. 63.

⁹⁶ Ван ден Дунген против Нидерландов (*Van den Dungen v. the Netherlands*), реш..

⁹⁷ Портер против Соединенного Королевства (*Porter v. the United Kingdom*), реш..

принципу автономии личности, ее жалоба, касающаяся Статьи 9 Конвенции, — это та же жалоба на предполагаемое нарушение Статьи 8 Конвенции, только по-другому сформулированная»⁹⁸.

Далее, как уже отмечалось, во многих случаях необходимо решить, не будет ли жалоба подпадать в большей степени под действие других положений Конвенции. Лишение религиозной организации материальных ресурсов, например, было решено рассматривать не в рамках Статьи 9, а, скорее, решать эти вопросы как защиту права собственности по статье 1 Протокола №1⁹⁹. Аналогично отказ освободить какое-либо лицо от уплаты церковного налога по причине отсутствия регистрации целесообразнее будет рассмотреть с точки зрения права на собственность в совокупности с запретом дискриминации в реализации прав, гарантированных Конвенцией, а не как вопрос совести и религии¹⁰⁰. Требование признать, что отказ зарегистрировать брак с несовершеннолетней девушкой, как это допускается исламскими законами, представляет собой вмешательство в исповедание религиозных убеждений, Суд счел правомочным не в рамках значения Статьи 9, а в рамках значения Статьи 12¹⁰¹.

⁹⁸ Претти против Соединенного Королевства (*Pretty v. the United Kingdom*), п. 82.

⁹⁹ Святые монастыри против Греции (*Holy Monasteries v. Greece*).

¹⁰⁰ Дарби против Швеции (*Darby v. Sweden*), пп. 30-34; см. также примечание на стр. 23 выше.

¹⁰¹ Хан против Соединенного Королевства (*Khan v. the United Kingdom*), реш..

Вопрос 2. Имело ли место вмешательство в права, предусмотренные Статьей 9?

Как только будет установлено, что оспариваемые вопросы подпадают под сферу действия Статьи 9, заявителю предстоит доказать, что имело место «вмешательство» в его права, предусмотренные Статьей 9. Как уже отмечалось выше, следует отличать «вмешательство» от «нарушения»: вывод о том, что имело место «вмешательство» в права человека, ведет к рассмотрению вопроса в соответствии с п. 2, а именно: было ли «вмешательство» оправданным в конкретных обстоятельствах дела.

«Вмешательство» в личные права обычно включает в себя принятие мер со стороны государства, а в тех случаях, где признается позитивное обязательство со стороны государственных властей, «вмешательство» также может касаться неспособности властей осуществить необходимые действия.

Как уже говорилось ранее, важно, чтобы оспариваемое действие было совершено *государством*, а не церковным органом¹⁰². Однако, даже если оспариваемая мера предпринята религиозной организацией, национальные суды будут обязаны отразить в своем решении оценку Конвенции, как это случилось в деле, которое приводится ниже¹⁰³. Более того, общим принципом является то, что государство должно занимать нейтральную позицию в отношении религий, вероисповеданий и убеждений¹⁰⁴. Это обязательство лежит в основе плюралистического демократического общества.

¹⁰² См. стр. 41 выше.

¹⁰³ Далее на стр. 56.

¹⁰⁴ См. также дело Иванова против Болгарии (*Ivanova v. Bulgaria*), обсуждаемое на стр 56 ниже.

В частности, любая оценка законности религиозных убеждений или способов, которыми они выражаются, противоречит Статье 9:

«если не считать исключительных случаев, право на свободу религии, в том виде, как оно гарантировано Конвенцией, не допускает какую-либо возможность со стороны государства определять допустимость религиозных убеждений или способов, используемых для их выражения»¹⁰⁵.

Вопрос о том, имело ли место «вмешательство» в права отдельного человека или религиозной организации, несложно установить на практике. Санкции, наложенные на отдельных лиц за прозелитизм¹⁰⁶ или за ношение различных элементов религиозной одежды¹⁰⁷, будут «вмешательством», как и лишение доступа к местам богослужения, ограничение возможности верующих принять участие в отправлении религиозных обрядов¹⁰⁸ или отказ официально признавать церковь¹⁰⁹. Следует исходить из того, что отнесение религиозной организации к «секте» может пагубно сказаться на ней¹¹⁰. Однако не каждая ситуация, затрагивающая конфликт между государством и искренними и твердыми убеждениями отдельного человека, автоматически

¹⁰⁵ Хасан и Чауш против Болгарии (*Hasan and Chaush v. Bulgaria*), постановление БП, п. 8.

¹⁰⁶ Дело Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), обсуждаемое ниже, на стр.86.

¹⁰⁷ См. далее: стр.83.

¹⁰⁸ Кипр против Турции (*Cyprus v. Turkey*), постановление БП, пп.241-247, ограничение движения к местам богослужения лишило верующих возможности соборности религиозные обычаи.

¹⁰⁹ Дело, обсуждаемое далее на стр.100.

¹¹⁰ Компания Лиля Фёрдеркрайс и другие против Германии (*Leela Förderkreis e.V. and others v. Germany*), п. 84, обсуждаемое далее на стр.102.

приводит к выводу, что имело место «вмешательство» в права, предусмотренные Статьей 9. В деле *Валсамис против Греции (Valsamis v. Greece)* и *Ефстратиу против Греции (Efstratiou v. Greece)*, к примеру, ученики – Свидетели Иеговы – были наказаны за нежелание участвовать в парадах, посвященных празднованию национального праздника, потому что по их убеждениям (и убеждениям членов их семей) подобные события противоречат их пацифистским взглядам.

Страсбургский Суд счел, что характер этих парадов подразумевал публичное празднование демократии и прав человека, и даже учитывая, что в проведение парадов были вовлечены военные, все это не могло считаться оскорбительным для пацифистских убеждений заявителей¹¹¹. Подобные дела иллюстрируют возможную сложность при определении того, имело ли место «вмешательство» на самом деле. Оценка также может быть спорной: в настоящем деле судьи, высказавшие особое мнение, не смогли привести доводов в подтверждение того, что участие в публичном мероприятии, направленном на проявление солидарности с использованием символики, осуждаемой религиозными убеждениями, можно считать «необходимым в демократическом обществе».

Позитивные обязательства

Согласно Статье 1 Европейской конвенции о защите прав человека Договаривающиеся Государства «обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией», права и свободы, изложенные в настоящей Конвенции и Протоколах к ней. Как следствие этого, государство в первую очередь имеет негативное обязательство воздерживаться от вмешательства в охраняемые права. Это

¹¹¹ Валсамис против Греции (*Valsamis v. Greece*), пп. 37-38 и дело Ефстратиу против Греции (*Efstratiou v. Greece*), пп. 38-39.

негативное обязательство отражено, к примеру, в формулировке Статьи 9, которая гласит, что «свобода исповедовать свои религию и убеждения подлежит лишь таким ограничениям, которые...». Однако общее обязательство обеспечить права не сводится к требованию, чтобы государства воздерживались от вмешательства в охраняемые права, оно также должно обязывать государства предпринимать активные шаги. Гарантии, содержащиеся в Европейской конвенции о защите прав человека, должны быть практическими и эффективными. Поэтому в практике Страсбургского Суда содержится понятие «позитивных обязательств», а именно обязательств со стороны государства принимать определенные меры с целью защитить права каждого человека.

Основополагающим принципом, направляющим судебную практику по пути позитивных обязательств, является обязательство со стороны государственных властей гарантировать, чтобы религиозная свобода существовала в духе плюрализма и взаимной терпимости. К примеру, от государства может потребоваться «нейтральное посредничество», чтобы помочь группировкам внутри религиозных сообществ разрешить внутренние конфликты¹¹².

Можно также ожидать, что государственное устройство позволяет верующим исповедовать свою веру в соответствии с требованиями религиозной диеты, хотя обязательство может быть ограничено обеспечением того, чтобы в первую очередь был предоставлен разумный доступ к продуктам питания, изготовленным в соответствии с требованиями религии, а не обеспечение возможностей для ритуального приготовления мяса¹¹³. Более того, государство должно адекватно защищать верующих от религиозно-мотивированных нападок, и, если такие нападки имели место, сделать все возможное в конкретных

¹¹² Высший духовный совет мусульманской общины против Болгарии (*Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria*).

¹¹³ Дело Чааре Шалом Ве Цедек против Франции (*Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France*), постановление БП, обсуждаемое ниже, на стр.59.

обстоятельствах, чтобы собрать и закрепить доказательства, изучить все практические способы установления истины и принять обоснованные, беспристрастные и объективные решения без попустительства к подозрительным фактам, которые могут указывать на насилие на религиозной почве¹¹⁴. Тем не менее, как правило, не считается необходимым предпринимать какие-либо меры для того, чтобы предоставить возможность работнику делать приготовления для участия в религиозных обрядах¹¹⁵. Даже если бы это обязательство было возложено на нанимателя (если такое обязательство признано), это вряд ли было бы обременительным в большинстве случаев.

Таким образом, не всегда очевидно существование позитивного обязательства защищать свободу мысли, совести и религии. При определении того, возникает ли в целом позитивное обязательство, Европейский Суд стремится «учитывать справедливый баланс, который необходимо установить между общим интересом сообщества и конкурирующими частными интересами отдельного человека или группы лиц»¹¹⁶. Более того, Страсбургский Суд не всегда четко разграничивал *обязательство* принимать меры и одобрение действий государства, предпринятых на внутригосударственном уровне с целью защиты религиозных убеждений. Другими словами, имеется существенное различие между одобрением Страсбургским Судом внутригосударственных мер, предпринятых с целью содействия религиозным убеждениям, и случаями, когда бездействие в отношении защиты свободы убеждений расценивается как вмешательство в права.

¹¹⁴ 97 членов Глданской конгрегации Свидетелей Иеговы и 4 других против Грузии (*97 members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and 4 others v. Georgia*), пп. 138-142, групповое нападение на конгрегацию Свидетелей Иеговы православными верующими, включая физическое насилие и разрушение религиозных артефактов, нежелание полиции вмешаться или провести следствие и скромная попытка возбудить уголовное дело: нарушение Статьи 14 в совокупности со Статьями 3 и 9.

¹¹⁵ См. также стр. 53 ниже.

¹¹⁶ Например, дело Дубовска и Скуп против Польши (*Dubowska and Skup v. Poland*).

Вопрос о том, должны ли меры носить обязательный или только рекомендательный характер, будет всегда зависеть от конкретных обстоятельств. Ситуация, когда государство активно вмешивается во внутреннюю структуру религиозного сообщества с целью разрешить конфликт между верующими, может повлечь уклонение от позитивного обязательства, вытекающего из смысла Статьи 9. Если оно сводится к «нейтральному посредничеству» в конфликтах между различными соперничающими религиозными группами, то не будет иметь место вмешательство в права, предусмотренные Статьей 9, как было установлено в деле *Высший духовный совет мусульманского сообщества против Болгарии* (*Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria*). Однако характер такого вмешательства должен быть внимательно изучен, поскольку действия, выходящие за рамки «нейтрального посредничества», будут представлять вмешательство в права, предусмотренные Статьей 9. Настоящее дело касалось усилий, прилагаемых государством-ответчиком, для разрешения издавна существующего и продолжающегося раскола внутри мусульманского религиозного сообщества, вызванного политическими и личными конфликтами. Главный вопрос заключался в том, была ли последующая смена религиозного руководства результатом давления со стороны государства или следствием свободного решения, принятого сообществом:

«Правительство настаивало, чтобы государство лишь наблюдало за оппозиционными группами и содействовало процессу объединения, поскольку на него была возложена конституционная обязанность обеспечить религиозную толерантность и мирные взаимоотношения между группами верующих. Суд согласен, что на государства возложена такая обязанность, и ее соблюдение может вовлечь государство в посредничество. Нейтральное посредничество между группами верующих, в принципе, не будет считаться вмешательством в права верующих в соответствии со Статьей 9 Конвенции, хотя государство должно соблюдать осторожность в столь деликатной сфере».

Однако в данном случае Европейский Суд счел, что государство активно стремилось к воссоединению разрозненного сообщества и предпринимало активные шаги, чтобы назначить единое руководство против воли одного из двух соперничающих лидеров. Это вышло за рамки «нейтрального посредничества» и поэтому повлекло вмешательство в права, предусмотренные Статьей 9¹¹⁷. Подобные случаи также демонстрируют взаимосвязь между свободой религии и свободой ассоциаций: Статья 9, толкуемая в свете Статьи 11, подразумевает ожидаемый результат, что этому сообществу будет позволено мирно функционировать без произвольного вмешательства со стороны государства¹¹⁸.

Трудовые отношения и свобода мысли, совести и религии

В сфере трудовых отношений защита, предусмотренная Статьей 9, несколько ограничена. Страсбургский Суд в целом неохотно признавал за работодателем позитивное обязательство принимать меры по содействию своим работникам исповедовать религию, например, путем освобождения их от обязанностей, чтобы сотрудники имели возможность участвовать в богослужении в определенное время или определенным образом. Сотрудники обязаны соблюдать правила трудового распорядка, и увольнение за неявку на работу из-за исполнения религиозных

¹¹⁷ Высший духовный совет мусульманской общины против Болгарии (*Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria*), пп.76-86, в п.79 и 80, обсуждаемое далее на стр.115.

¹¹⁸ Высший духовный совет мусульманской общины против Болгарии (*Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria*), п. 73.

обрядов не подпадает под применение Статьи 9¹¹⁹. Оправданием для такого подхода служит добровольный характер трудовых отношений и принцип, что работник, увольняющийся с места работы, может совершать любые религиозные обряды, которые он считает необходимыми.

Это правило распространяется и на трудовые отношения в государственном секторе. В деле *Калач против Турции (Kalaç v. Turkey)* Европейский Суд счел, что военнослужащий добровольно принял на себя ограничения в возможности исповедовать свои религиозные убеждения, когда поступил на военную службу (хотя, так или иначе, в этом деле Суд не был удовлетворен тем, что заявителю препятствовали в совершении религиозных обрядов):

«При выборе карьеры военнослужащего заявитель добровольно выразил согласие с системой военной дисциплины, которая в силу самой своей природы подразумевала возможность наложения на некоторые из прав и свобод членов Вооруженных Сил ограничений, неприменимых в отношении гражданских лиц. Государства могут установить для своих армий дисциплинарные правила, запрещающие тот или иной вид поведения, в частности враждебное отношение к установленному порядку, отражающему реалии военной службы.

Нельзя отрицать, что заявитель в рамках, установленных требованиями жизни военнослужащих, имел возможность исполнять обязательства, которые представляют собой обычные формы исповедания мусульманской религии. Ему, в частности, разрешалось молиться пять раз в день и выполнять другие религиозные обязанности, такие как соблюдение поста Рамадана и посещение пятничных богослужений в мечети. К тому же приказ Верховного военного совета был вызван

¹¹⁹ Конттинен против Финляндии (*Konttinen v. Finland*), реш.; см. дело Стедман против Соединенного Королевства (*Stedman v. the United Kingdom*), реш.; см. также дело Свидетели Иеговы Москвы против России (*Jehovah's Witnesses of Moscow v. Russia*), пп.170-182, отказ в повторной регистрации религиозной организации и ее частичная ликвидация по причине ограничений, возложенных на верующих их верой, несмотря на заверения, что они сами могли определять место своей работы: нарушение, Суд также отметил, что волонтерская работа или миссионерская деятельность не противоречили Европейской конвенции о защите прав человека.

не религиозными взглядами и убеждениями заявителя или тем, каким образом он выполнял свои религиозные обязанности, а его поведением и выражаемыми воззрениями. По мнению турецких властей, такое поведение нарушало военную дисциплину и принцип секуляризма. Соответственно, Суд пришел к выводу, что принудительная отставка заявителя не являлась вмешательством в право, гарантированное Статьей 9, поскольку не была связана с тем, как заявитель исповедовал свою религию»¹²⁰.

Одним словом, если в деле нет каких-то особенностей, имеющих существенное значение, несовместимость между контрактными и другими обязательствами и личными верованиями и принципами обычно не поднимает вопрос применения Статьи 9, и, таким образом, меры, предпринятые в ответ на намеренное несоблюдение профессиональных обязанностей, не являются вмешательством в личные права¹²¹. Действительно, в отношении определенных должностей в государственном секторе применимы следующие два ограничения на свободу мысли, совести и религии.

Во-первых, «чтобы исполнить свою роль как нейтрального и беспристрастного организатора реализации религиозных убеждений», государство вправе возложить на государственных служащих (действительных или будущих), которые будут обязаны использовать часть его суверенной власти, обязательство воздерживаться от участия в деятельности религиозных движений¹²².

¹²⁰ Калач против Турции (*Kalaç v. Turkey*), пп. 28-31.

¹²¹ Сержес против Венгрии (*Cserjés v. Hungary*), реш..

¹²² Партия благоденствия и другие против Турции (*Refah Partisi (the Welfare Party) and others v. Turkey*), постановление БП, п. 94.

Во-вторых, государство вправе выяснить ценности и убеждения кандидатов на государственные должности и уволить их на основании, что их взгляды противоречат занимаемой должности¹²³. Однако следует соблюдать определенную осторожность. Подобное действие может повлечь за собой необоснованное вмешательство в другие права, предусмотренные Конвенцией, как, например, в свободу выражения мнения в соответствии со Статьей 10¹²⁴. Оно может также являться косвенной дискриминацией на почве религиозных убеждений¹²⁵. Более того, государство должно сохранять нейтралитет.

В деле *Иванова против Болгарии (Ivanova v. Bulgaria)* причиной для увольнения заявительницы из школы, хотя она и не была учителем, стало ее членство в Евангелической христианской группе, которой было отказано в государственной регистрации и которая тайно вела свою деятельность, преследуемая государством и СМИ. Таким образом, Суд счел, что имело место нарушение Статьи 9. На заявительницу оказывали серьезное давление, чтобы она уволилась, но, в конечном счете, ее уволили под мнимым предлогом, что она не соответствовала занимаемой должности, так как требованием школы было, чтобы все сотрудники имели высшее образование. Однако Суд счел, что реальной причиной для ее увольнения послужила политика нетерпимости в отношении данной Евангелической группы, а значит, имело место нарушение гарантии, предусмотренной Конвенцией¹²⁶.

¹²³ Дело Фогт против Германии (*Vogt v. Germany*), пп. 41-68, рассмотрено в рамках Статей 10 и 11.

¹²⁴ См., например, дело Ломбарди Валлаури против Италии (*Lombardi Vallauri v. Italy*), обсуждавшееся на стр 31.

¹²⁵ Дело Тлимменос против Греции (*Thlimmenos v. Greece*), обсуждаемое далее на стр.144.

¹²⁶ Иванова против Болгарии (*Ivanova v. Bulgaria*), пп. 81-86.

Европейский Суд также изучал дела, касающиеся увольнения сотрудников, работающих в религиозных организациях. Здесь применим общий принцип: поскольку член духовенства официально признаваемой церкви должен выполнять не только религиозные, но и мирские обязанности, он не может жаловаться, что последнее противоречит его религиозным убеждениям, так как его право оставить свой пост будет максимальной гарантией его права на свободу совести¹²⁷. Однако другие статьи Конвенции могут быть применимы в случае, если человек был уволен из религиозной организации по причине несовместимости его деятельности с принятыми убеждениями церкви. Здесь следует внимательно изучить, выполнило ли государство возложенное на него позитивное обязательство обеспечить право на уважение частной и семейной жизни в соответствии со Статьей 8. В этом случае ожидается, что национальные суды обеспечат соблюдение принципов и гарантий, предусмотренных Конвенцией и имеющих «практический и эффективный» характер, и отразят это в своих решениях.

Несмотря на то, что независимость религиозных сообществ защищена от неправомерного вмешательства со стороны государства Статьей 9, толкуемой в свете защиты свободы собраний и объединений по Статье 11, национальные суды и трибуналы, тем не менее, должны убедиться, что основания для увольнения должным образом изучены в свете Статьи 8, особенно тогда, когда уволенный религиозной организацией работник имеет ограниченные возможности найти новое место работы. Соответствующие дела *Обст против Германии* (*Obst v. Germany*) и *Шютт против Германии* (*Schüth v. Germany*) иллюстрируют этот вывод.

¹²⁷ Кнудсен против Норвегии (*Knudsen v. Norway*), реш.; см. также дело Роммельфангер против Германии (*Rommelfanger v. Germany*), реш., увольнение врача Римского католического госпиталя за выражение мнения касательно аборт, противоречащее учению Церкви: неприемлемость по Статье 10; и дело Зибенхаар против Германии (*Siebenhaar v. Germany*), пп. 36-48, в трудовом договоре на должность воспитателя детского сада для протестантской церкви было четко оговорено, что религиозная деятельность, противоречащая церкви, будет означать несоответствие занимаемой должности: нарушения Статьи 9 не установлено.

В деле *Обст против Германии* европейский директор по связям с общественностью мормонской церкви потерял работу из-за того, что сознался в прелюбодеянии; в деле *Шют против Германии* органист и хормейстер прихода Римско-католической церкви был уволен после того, как стало известно, что он ушел от жены и что он и его сожительница ждут ребенка.

В деле *Обста* Суд выразил согласие с решением национального суда, что увольнение заявителя было основано на его личном решении признаться в неверности и должно рассматриваться как необходимая мера, направленная на сохранение доверия к церкви, поскольку заявитель понимал значимость супружеской верности как важного условия трудового договора и неприемлемость внебрачных отношений в свете тех обязанностей, которые влекла за собой занимаемая должность. В настоящем деле национальные суды получили возможность применения менее жесткой меры, что в значительной степени повышало вероятность найти новую работу¹²⁸.

В деле *Шют против Германии* Суд, напротив, счел, что имело место нарушение Статьи 8 в связи с тем, что суды не установили надлежащий баланс между интересами церкви, как работодателя, и правом заявителя на уважение его частной и семейной жизни. В решениях национальных судов не было даже упоминания о семейной жизни заявителя, в них просто было воспроизведено мнение церкви о том, что доверие к ней было бы подорвано, если бы заявителя не уволили. Это имело место несмотря на то, что национальные суды также признали, что занимаемая заявителем должность была не настолько значимой, чтобы этот серьезный проступок послужил поводом для однозначного прекращения трудовых отношений (как, например, это было бы правомерно в отношении работников, занимающихся наставничеством или религиозным обучением). Несмотря

¹²⁸ Обст против Германии (*Obst v. Germany*), пп. 39-53.

на то, что трудовые отношения в некоторой степени ограничивали право заявителя на уважение частной жизни, поскольку влекли обязанность сохранять преданность по отношению к церкви, все же нельзя считать, что трудовой договор однозначно обязывал жить в воздержании в случае раздельного проживания или развода супругов. К тому же в этом деле шансы заявителя найти новое место работы были незначительными¹²⁹.

Обеспечение должного признания религиозных обрядов

В большинстве случаев можно сравнительно просто установить, что вмешательство в права по Статье 9 имело место.

Ограничение доступа к местам богослужения и ограничение возможности приверженцев участвовать в религиозных обрядах будет приравниваться к «вмешательству», так же как отказ предоставить необходимое официальное признание церкви. В других делах, однако, вновь нужно будет тщательно изучить факты. К примеру, лишение религиозного сообщества доступа к мясу жертвенных животных может повлечь вмешательство в Статью 9.

Однако, как разъясняется Судом в постановлении по делу *Чааре Шалом Ве Цедек против Франции* (*Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France*), важное значение имеет вопрос о *доступности* мяса, а не разрешение властей на проведение ритуального забоя животных. В настоящем деле религиозная

¹²⁹ Шют против Германии (*Schüth v. Germany*), пп. 53-75.

организация пыталась обжаловать отказ властей выдать необходимое разрешение на ритуальный забой животных для употребления мяса в соответствии с их ультраортодоксальными убеждениями.

Другая еврейская организация получила разрешение на забой животных в соответствии с ее ритуалами, которые лишь незначительно отличались от ритуалов организации-заявителя. Организация утверждала, что отказ являлся нарушением как Статьи 9, так и Статьи 14, трактуемой в совокупности со Статьей 9. Сторонами не оспаривалось, что ритуальный забой животных являлся религиозным обрядом, цель которого — предоставить евреям мясо животных, убитых в соответствии с религиозными законами, что являлось важным аспектом исповедания религии.

«Организация-заявитель может сослаться на Статью 9 Конвенции в связи с отказом французских властей дать разрешение на проведение ритуального забоя, поскольку последний должен расцениваться, как подпадающий под право, гарантированное Конвенцией, а именно право исповедовать свою религию посредством отправления религиозных и ритуальных обрядов, в рамках значения Статьи 9 ...».

В первую очередь Суд отмечает, что, сделав исключение для принципа, что животные должны быть оглушены перед тем, как их забьют, французское законодательство дало ход позитивному обязательству со стороны государства обеспечить уважение права на свободу религии. Внутригосударственное право, далекое от ограничения данной свободы, наоборот, рассчитано на то, чтобы предусматривать и регулировать свободное осуществление данного права.

Далее Суд пришел к выводу, что наличие особых правил, регулирующих практику совершения ритуального забоя животных и признающих только те ритуальные забои, которые разрешены

утвержденными религиозными организациями, не говорит о вмешательстве в право исповедовать свою религию. Суд согласен с мнением Правительства о том, что в общих интересах следует избегать несанкционированного забоя животных, осуществляемого в условиях сомнительной гигиены, поэтому будет целесообразнее, если ритуальный забой животных будет проводиться в скотобойнях, контролируемых государственными властями. Однако, если другая религиозная организация, исповедующая такую же религию, позднее подаст заявку на разрешение проведения ритуального забоя животных, следует выяснить, является ли способ забоя животных, который она хочет применить, осуществлением права на свободу исповедовать свою религию, гарантированную Статьей 9 Конвенции.

По мнению Суда, вмешательство в свободу исповедовать свою религию будет налицо, если нелегальность проведения ритуального забоя животных сделает недопустимой возможность употребления ультраортодоксальными евреями мяса животных, убитых в соответствии с религиозными ритуалами, которые они считают приемлемыми. Но это не тот случай.

В данном деле организация-заявитель просила разрешение на забой животных, осуществляемый сходным (но не тем же самым) способом другой религиозной группой, но получила отказ. Европейский Суд пришел к выводу, что отказ не являлся «вмешательством» в соответствие со Статьей 9: во-первых, способ забоя, используемый ритуальными забойщиками скота этой организации, был схож со способом, используемым другой религиозной организацией, за исключением тщательного осмотра животного после того, как его забили; во-вторых, мясо, приготовленное способом, который отвечал религиозным убеждениям организации-заявителя, можно было получить у других поставщиков из соседней страны. На этих основаниях

Страсбургский Суд определил, что вмешательства в права организации не было, поскольку верующие не были лишены возможности получить мясо животных, убитых приемлемым для них способом. В любом случае, даже если и имело место вмешательство в права, предусмотренные Статьей 9, Суд счел, что нарушения гарантии не будет, поскольку разница в подходе к двум организациям преследовала законную цель и соответствовала принципу пропорциональности между используемыми способами и целями, которых стремились достичь¹³⁰.

Это решение, возможно, не полностью исследует вопрос о степени позитивных обязательств государства уважать религиозный плюрализм. Из постановления не ясно, к примеру, может ли государство запретить ритуальный забой животных для благополучия животных, и если так, должно ли оно способствовать импорту мяса из других стран. Становится очевидна приверженность Страсбургского Суда в своей практике принципу, что любое социальное противоречие, вызванное различиями в религиозных убеждениях, должно разрешаться не через уничтожение плюрализма, а путем содействия взаимной терпимости и пониманию между отдельными лицами и группами. Но плюрализм не подразумевает абсолютное право групп настаивать на признании и защите их требований: сохранение плюрализма отличается от его активного продвижения.

¹³⁰ Чааре Шалом Ве Цедек против Франции (*Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France*), постановление БП, п. 74, пп. 76-78, п.80 и п.81.

Вопрос 3. Преследует ли законную цель ограничение права на свободу исповедовать религию или убеждения?

Свобода мысли, совести и религии не является абсолютной. В п. 2 Статьи 9 предусмотрено, что государство вправе вмешиваться в исповедание мысли, совести и религии в определенных обстоятельствах. Как уже обсуждалось, сначала необходимо определить, подпадает ли оспариваемое решение под действие Статьи 9 и касается ли оно свободы «исповедовать» свою религию и убеждения. Затем необходимо установить, имело ли место «вмешательство» в данную гарантию. Затем Суд должен определить, имело ли место нарушение Статьи 9.

Как только будет установлено «вмешательство», на государстве будет лежать обязанность доказать его обоснованность.

Она оценивается при ответе на три тестовых вопроса: преследовало ли вмешательство законную цель, было ли вмешательство «предусмотрено законом» и было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе». Первый из этих тестовых вопросов обычно простой. Следует доказать, что данная ситуация затрагивает один или более государственных интересов, перечисленных в п. 2 Статьи 9. Формулировка этих признанных законных интересов – «интересов общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц» – более узкая по сравнению с интересами, предусмотренными Статьями 8, 10 и 11 (в частности, национальная безопасность не признана такой целью в Статье 9). Однако в любом случае эта тестовая проверка не представляет сложности для государств-

ответчиков, поскольку всегда есть возможность доказать, что вмешательство было направлено на содействие одному (или более) из перечисленных интересов.

В принципе, государство само должно определять, какой цели оно хочет достичь. На практике вмешательство, претендующее иметь законную цель, будет однозначно рассматриваться как подпадающее по действие одной из перечисленных целей, предусмотренных гарантией.

Так, в деле *Сериф против Греции* (*Serif v. Greece*) осуждение за незаконное присвоение функций служащего «известной религии» было признано вмешательством, которое преследовало законную цель защиты общественного порядка¹³¹, в то время как в деле *Коккинакис против Греции* (*Kokkinakis v. Greece*) Страсбургский Суд сразу согласился, что запрет прозелитизма преследовал цель защиты прав и свобод других лиц¹³². В деле *Бессарабская митрополия и другие против Молдовы* (*Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova*) Европейский Суд изучил доводы государства-ответчика о том, что отказ зарегистрировать религиозную организацию преследовал цель содействовать определенным интересам, перечисленным в п. 2:

«отказ в удовлетворении просьбы о признании, поданной заявителями, имел цель защитить общественный порядок и общественную безопасность. Молдавское государство, территория которого ранее неоднократно переходила от Румынии к России и наоборот, имеет смешанное население в языковом и этническом отношении. В таких обстоятельствах молодая Республика Молдова, получившая независимость в 1991 году, располагает лишь немногими факторами,

¹³¹ Сериф против Греции (*Serif v. Greece*), пп. 49-54.

¹³² Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), п. 44.

способными обеспечить ее устойчивость. Одним из таких факторов является религия, поскольку большинство населения исповедует православное христианство. Следовательно, признание Молдавской православной церкви, подчиняющейся Московскому Патриархату, позволило бы всему населению объединиться в рамках одной церкви. Если бы церковь-заявительница была признана, эта связь, несомненно, была бы разрушена, и православное христианское население рассеялось бы среди множества церквей. Более того, за церковь-заявительницей, подчиняющейся Бухарестскому патриархату, могут действовать политические силы, выступающие в интересах Румынии за воссоединение Бессарабии и Румынии. Таким образом, признание церкви-заявительницы вызвало бы среди населения русско-румынское противостояние, подвергая опасности социальную стабильность и даже территориальную целостность Молдовы.

Заявители отрицали то, что оспариваемая мера имела в виду защиту общественного порядка и безопасности. Они утверждали, что правительство не доказало, что церковь-заявительница представляет собой угрозу для общественного порядка и безопасности.

Суд считает, что государства располагают властью контролировать, осуществляет ли движение или объединение, созданное с предположительно религиозными целями, деятельность, наносящую вред населению или общественной безопасности. Учитывая обстоятельства данного дела, Суд считает, что оспариваемое вмешательство преследовало законную цель в соответствии с пунктом 2 Статьи 9, а именно: защиту общественного порядка и государственной безопасности»¹³³.

¹³³ Бессарабская митрополия и другие против Молдовы (*Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova*), пп. 111-113.

Кажется, это дает основания полагать, что определение, преследовало ли вмешательство «законную цель», не является таким уж и сложным. Это все же не означает, что у государства не возникнет проблем с доказыванием законности преследуемой цели вмешательства при определенных обстоятельствах¹³⁴. Важно отметить, что цель вмешательства в рамках первого критерия теста отличается от оценки «насущной общественной потребности» в рамках определения критерия «необходимости в демократическом обществе».

Вопрос 4. Является ли ограничение права на свободу «исповедовать» религию или убеждения «предусмотренным законом»?

Дальше государство должно доказать, что вмешательство было «предусмотрено законом». Данное понятие раскрывает значение правовой определенности, широкое толкование которой означает способность действовать в установленных рамках без страха произвольного и непредсказуемого вмешательства со стороны государства. Таким образом, оспариваемая мера должна быть общедоступна, предсказуема и основана на правовой норме и, более того, должна содержать достаточную защиту от произвольного применения закона. Эти вопросы лишь изредка, но все-таки фигурируют в практике по Статье 9. В любом случае, Страсбургский Суд может уклониться от четкого ответа, было ли вмешательство «предусмотрено законом», если будет уверен в нехватке доказательств того, что вмешательство было «необходимо в демократическом обществе»¹³⁵.

¹³⁴ Баятян против Армении (*Bayatyan v. Armenia*), постановление БП, пп.112-128, аргумент, что тюремное заключение заявителя за отказ от прохождения воинской службы был обусловлен защитой общественного порядка и прав других лиц: аргументы правительства были неубедительны, особенно учитывая заверения властей о вводе альтернативной гражданской службы и, в частности, намерения воздерживаться от уголовного преследования лиц, отказывающихся от военной службы по убеждениям.

¹³⁵ Например, дело Высший духовный совет мусульманской общины против Болгарии (*Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria*), п. 90

Там, где вмешательство в права по Статье 9 касается назначения уголовного наказания, заявитель вполне может дополнительно ставить вопрос о нарушении Статьи 7 Конвенции, которая предусматривает принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* («без закона нет ни преступления, ни наказания»). В этих случаях Страсбургский Суд склонен к тому, чтобы обратиться к проблемам, поднятым по Статьям 7 и 9, используя аналогичный подход¹³⁶.

Классическая формулировка применяемого теста может быть найдена в постановлениях по делам, затрагивающим свободу выражения мнения, но она одинаково применима к делам, затрагивающим Статью 9:

«По мнению Суда, из выражения «предусмотрены законом» вытекают следующие два требования. Во-первых, право должно быть в адекватной мере доступным: граждане должны иметь соответствующую обстоятельствам возможность ориентироваться в том, какие правовые нормы применяются к данному случаю. Во-вторых, норма не может считаться «законом», пока она не будет сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность, пользуясь при необходимости советами, предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие».

Но следует отметить степень ограничений, приведенных Страсбургским Судом:

«Эти последствия не обязательно предвидеть с абсолютной определенностью: опыт показывает, что это недостижимо. Более того, хотя определенность весьма желательна, она может сопровождаться чертами окаменелости, тогда как право должно обладать способностью идти в

¹³⁶ См. например, дело Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), пп. 32-35 и дело Лариссис и другие против Греции (*Larissis and others v. Greece*), пп. 39-45.

ногу с меняющимися обстоятельствами. Соответственно, во многих законах неизбежно используются более или менее расплывчатые термины: их толкование и применение – задача практики...»¹³⁷.

Некоторые примеры применения данного теста в судебной практике по Статье 9 помогают показать его требования. В деле *Коккинакис против Греции (Kokkinakis v. Greece)* заявитель сетовал на то, что термину «прозелитизм» не было дано четкое определение во внутригосударственном праве. Поэтому любая беседа или обсуждение религиозной тематики могли подпадать под запретительную норму о прозелитизме, и гражданин был лишен возможности регулировать свое поведение соответствующим образом. Несмотря на то, что Страсбургский Суд отметил неизбежность того, что формулировка многих законов не носит предельно четкого характера, он согласился с государством-ответчиком, что наличие значительной части установленной и опубликованной судебной практики, подкрепляющей правовую норму, было достаточным в настоящем деле, чтобы требование «предусмотрено законом» было соблюдено¹³⁸.

С другой стороны, в деле *Хасан и Чауш против Болгарии (Hasan and Chaush v. Bulgaria)* Суд счел, что требование теста соблюдено не было. В настоящем деле исполнительная власть заняла сторону одной из двух группировок в дебатах по поводу назначения религиозного лидера. Здесь несовершенство внутригосударственного права натолкнуло Европейский Суд на вывод об имеющем место нарушении Статьи 9:

¹³⁷ «Санди Таймс» против Соединенного Королевства №1 (*Sunday Times v. the United Kingdom*) (no.1), п. 49.

¹³⁸ Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), пп. 37-41; см. также дело Лариссис и другие против Греции (*Larissis and others v. Greece*), пп. 40-42.

«Чтобы национальный закон отвечал требованию «предусмотрено законом», он должен предоставлять меры защиты от произвольного вмешательства со стороны государства в осуществление прав, предусмотренных Конвенцией. В вопросах, затрагивающих фундаментальные права, принцип господства права – один из основных принципов демократического общества, охраняемый Конвенцией, – будет нарушен, если свобода усмотрения, предоставленная исполнительной власти, будет трактоваться на языке неограниченной власти. Следовательно, закон должен достаточно четко указывать на границы такой свободы усмотрения, предоставленной компетентным органам, а также способ ее осуществления. Степень определенности, требуемая от национального законодательства, которое в любом случае не может предусматривать каждое конкретное дело, значительным образом зависит от содержания рассматриваемого инструмента, сферы, которую он охватывает, а также численности и социального статуса тех, кого он затрагивает.

Суд отмечает, что в настоящем деле соответствующая правовая норма не предусматривала реальных критериев, на основании которых Совет Министров или Управление по делам религиозных конфессий регистрировали конфессии и смену их руководства в ситуации внутреннего раскола и взаимных жалоб по поводу легитимности, предъявляемых сторонами в конфликте. К тому же не были предусмотрены процессуальные гарантии, как, например, рассмотрение дела независимым органом, защищающим от произвольного осуществления свободы усмотрения со стороны исполнительной власти. Более того, национальный закон и решение Управления не были доведены до сведения тех, кого они непосредственно затрагивали. Эти действия не были обоснованы и оставались до того неясными, что даже не упоминалось имя первого заявителя, хотя предполагалось его смещение с поста Главного муфтия, что и было сделано».

Отсутствие существенных критериев и процессуальных гарантий означало, что вмешательство было «произвольным и основанным на правовых нормах, допускающих неограниченную свободу усмотрения со стороны органов исполнительной власти, а также противоречащих требованиям ясности и предсказуемости»¹³⁹.

Этот довод послужил основанием для вынесения решения о нарушении в ряде других дел. К примеру, в деле *Перри против Латвии* (*Perry v. Latvia*) запрет для евангелического пастора выполнять свои обязанности после продления вида на жительство не был основан на правовых нормах латвийского законодательства, действующих на момент рассмотрения дела, поэтому не был «предусмотрен законом»¹⁴⁰.

А в деле *Кузнецов и другие против России* (*Kuznetsov and others v. Russia*) совершенно мирное религиозное собрание было прервано председателем регионального Комитета по правам человека, двумя офицерами полиции и гражданским лицом. По мнению Страсбургского Суда, «правового основания для прерывания религиозного мероприятия, проводимого в помещении, арендованном законным путем для этой цели, не было»; и далее, «сотрудник Комитета действовал недобросовестно и нарушил обязанность государства сохранять нейтралитет и беспристрастность *vis-à-vis* к религиозной конгрегации заявителей»¹⁴¹.

¹³⁹ Хасан и Чауш против Болгарии (*Hasan and Chaush v. Bulgaria*), постановление БП, пп.84-85; см. дело Баятян против Армении (*Bayatyan v. Armenia*), постановление БП, пп.112-128, вопрос законности обвинения в уклонении от воинской повинности остался открытым.

¹⁴⁰ Перри против Латвии (*Perry v. Latvia*), пп. 51-66.

¹⁴¹ Кузнецов и другие против России (*Kuznetsov and others v. Russia*), пп. 69-75.

В деле *Свято-Михайловский приход против Украины (Svyato-Mykhaylivska Parafiya v. Ukraine)* отказ зарегистрировать поправки в устав религиозной организации после решения, принятого ее руководством, изменить название своей организации с Русской Православной Церкви на Украинскую Православную Церковь был основан на норме внутригосударственного права, которая хоть и была общедоступной, все же не была достаточно «предсказуемой». Это привело к другим выводам: «отсутствие гарантий от произвольных решений регистрирующего органа не было исправлено в ходе судебного разбирательства, проводимого внутригосударственными судами, которые не могли прийти к другому решению из-за отсутствия последовательности и предсказуемости в законодательстве». При таких обстоятельствах имеет место нарушение Статьи 9 Конвенции¹⁴².

Вопрос 5. Является ли ограничение права на свободу «исповедовать» религию или убеждения «необходимым в демократическом обществе»?

Очевидно, что право на свободу исповедовать свою религию и убеждения должно, при необходимости, подлежать ограничению в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Но возможность доказать *в конкретных обстоятельствах*, является ли вмешательство в права, предусмотренные Статьей 9, «необходимым в демократическом обществе», зачастую вызывает сложности.

¹⁴² Свято-Михайловский приход против Украины (*Svyato-Mykhaylivska Parafiya v. Ukraine*), пп.121-152.

По пятому, и последнему, критерию оспариваемое вмешательство должно:

- ✧ Отвечать насущной общественной потребности.
- ✧ Быть соразмерным преследуемой законной цели.
- ✧ Быть обоснованным достаточными и вескими доводами.

И вновь бремя доказывания того, что вмешательство отвечает этим требованиям, лежит на государстве-ответчике. А задача Европейского Суда состоит, в свою очередь, в том, чтобы выяснить, насколько меры, принятые национальными властями и представляющие собой вмешательство в права, предусмотренные Статьей 9, были оправданными и пропорциональными. Однако зачастую могут возникнуть сложности в определении этого, поскольку Страсбургский Суд может быть не в лучшем положении для пересмотра национальных решений. Впоследствии Суд может признать определенную «свободу усмотрения» у национальных органов, принимающих решения. На практике это влечет смягчение строгости исследования, применяемого Европейским Судом, при оценке качества представленных доводов по вмешательству в права, предусмотренные Статьей 9. Для дальнейшего рассмотрения необходимо совместное обсуждение определенных ключевых понятий общего применения в толковании Европейской конвенции о защите прав человека.

Необходимость и пропорциональность, и природа «демократического общества»

Концепция «необходимости» затронута, прямо или косвенно, в нескольких статьях Европейской конвенции о защите прав человека, но ее значение имеет тонкие смысловые различия в разных контекстах. Существует большое различие между теми статьями (такими, как Статья 9), которые

гарантируют права преимущественно гражданского и политического характера и подвергаются широко сформулированным ограничениям, и теми, которые гарантируют права (в первую очередь касающиеся физической неприкосновенности и человеческого достоинства), которые либо вообще не содержат ограничений, либо подвержены только точно сформулированным ограничениям.

При решении вопроса, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе», важно иметь в виду оба компонента: «необходимо» и «в демократическом обществе». В контексте Статьи 10, например, Страсбургский Суд указал на то, что поскольку прилагательное «необходимый» в рамках значения данной статьи не является синонимом прилагательного «обязательный», но в то же время не обладает гибкостью таких прилагательных, как «допустимый», «обычный», «полезный», «разумный» или «желательный», то оно скорее указывает на наличие «насуточной общественной потребности»¹⁴³.

Бремя устанавливать обоснованность вмешательства и его пропорциональность также лежит на государстве. Что же касается трактовки необходимости вмешательства государства в другие права, предусмотренные Конвенцией, то будет целесообразным изучить другие международные и европейские стандарты и практику. Таким образом, Страсбургский Суд сослался в данной области на доклады таких организаций, как, к примеру, Всемирный совет церквей¹⁴⁴.

¹⁴³ Хендисайд против Соединенного Королевства (*Handyside v. the United Kingdom*), п. 48.

¹⁴⁴ Как в деле Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), обсуждаемом на стр. 84.

Требование обосновать вмешательство зависит на практике от конкретного контекста. В целом, чем сильнее выражена «насуточная общественная потребность», тем легче будет обосновать вмешательство. Например, национальная безопасность – очень весомый довод. Однако простое приведение данного довода не освобождает государство от указания обоснования, подтверждающего подобное заявление¹⁴⁵. Общественная безопасность также является насущной общественной потребностью, поэтому правовое требование надевать защитные шлемы, применимое ко всем водителям мотоциклов, было однозначно воспринято как оправданное, когда его попытались обжаловать сикхи¹⁴⁶.

В любом случае применение критерия «необходимости» и, таким образом, рассмотрение степени свободы усмотрения также должно учитывать вопрос о том, может ли вмешательство быть оправданным как необходимое в демократическом обществе. Крайняя важность этого понятия очевидна из судебной практики по Статье 9. Страсбургский Суд, в частности, привел характеристики европейского «демократического общества», которому присущи плюрализм, толерантность и либеральность. В деле *Коккинакис против Греции (Kokkinakis v. Greece)*, например, Суд отметил:

«Свобода мысли, совести и религии, защита которой предусмотрена Статьей 9, является одной из основ «демократического общества» в значении Конвенции. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов,

¹⁴⁵ См. дело Бессарабская митрополия и другие против Молдовы (*Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova*), обсуждавшееся выше, на стр. 65.

¹⁴⁶ X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш., 1978 г..

агностиков, скептиков и безразличных. Демократическое общество неотделимо от плюрализма, завоеванного ценой больших потерь на протяжении веков, и основывается на нем»¹⁴⁷.

Таким образом, эти ценности говорят о том, что государство должно считать необходимым защищать религиозные убеждения верующих от неправомерных нападений через высказывания (как в деле *Институт Отто Премингера (Otto-Preminger-Institute)*, приведенном ниже)¹⁴⁸. Статья 9 может также потребовать, чтобы проблема предполагаемой угрозы беспорядков разрешалась путем содействия, а не подрывания плюрализма, даже если именно плюрализм послужил причиной возникновения ситуации, затрагивающей общественный порядок и требующей вмешательства государства.

Свобода усмотрения

Определение того, являются ли меры необходимыми и пропорциональными, нельзя осуществить механически, поскольку, даже если все факты известны, остается оценочное суждение, которое необходимо высказать при ответе на вопрос, «было ли вмешательство необходимым в демократическом обществе». Однако на уровне Европейского Суда любая оценка необходимости вмешательства в права, предусмотренные Статьей 9, тесно связана с вопросом субсидиарного характера системы защиты, установленной в Страсбурге, поскольку основная ответственность за обеспечение того, чтобы права в соответствии с Конвенцией носили практический и эффективный характер, лежит на национальных властях.

¹⁴⁷ Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), п. 31.

¹⁴⁸ См. стр.127.

С этой целью Страсбургский Суд может предоставить лицам, принимающим решения, определенную «свободу усмотрения». Но иногда эту концепцию сложно применить на практике. Этот термин также может породить разногласия. Признание Страсбургским Судом степени ограничения в определении того, совместимо ли решение, принятое национальными судами, с обязательствами государства по Конвенции, таким образом, есть главное средство, при помощи которого Страсбургский Суд признает свою субсидиарную роль в защите прав человека. За демократиями признается право (хотя и в рамках границ, установленных Конвенцией) самим выбирать степень и объем процессуальных норм по правам человека, которые наилучшим образом отвечают их требованиям.

Однако очевидно, что если бы объем этих норм был слишком обширным, Страсбургский Суд могли бы раскритиковать за отказ от своих обязанностей. В выдающемся решении по делу *Хендисайд против Соединенного Королевства (Handyside v. the United Kingdom)*, деле о свободе выражения мнения, Суд отметил, что Конвенция:

«...не предоставляет Высоким Договаривающимся Сторонам неограниченную свободу усмотрения. Суд ... несет ответственность за гарантию соблюдения этими государствами своих обязательств, наделен полномочиями вынесения окончательного решения по вопросу о соответствии какого-либо «ограничения» или «санкции» гарантиям Конвенции. Границы свободы усмотрения государственных органов идут рука об руку с европейским контролем. Этот контроль касается как цели, которую данная мера преследует, так и ее «необходимости». Европейский контроль распространяется не только на основные законы, применившие их, но и на решения, даже если они были вынесены независимым судебным органом»¹⁴⁹.

¹⁴⁹ Хендисайд против Соединенного Королевства (*Handyside v. the United Kingdom*), пп. 49-50.

Таким образом, пределы свободы усмотрения не являются отрицанием контролирующей функции Страсбургского Суда, поскольку Суд прилагает все усилия, чтобы подчеркнуть, что любая признанная свобода усмотрения имеет ограничения и что Суд сам выносит окончательное решение, когда он пересматривает оценку, данную национальными властями. В отношении свободы слова, касающейся нападок на религиозные убеждения, Страсбургский Суд, например, разъяснял, что пределы свободы усмотрения зависят от контекста и, в частности, от природы высказывания, о котором идет речь, и обоснованности такого ограничения:

«Бесспорно, что п. 2 Статьи 10 почти не оставляет возможностей для ограничения свободы слова в сфере политических дискуссий или обсуждения вопросов, имеющих общественный интерес. Значительно более широкая возможность усмотрения обычно предоставляется Договаривающимся Государствам при регулировании свободы выражения мнения, когда затрагивается личная сфера, а равно сфера морали и особенно религии. В сфере морали и, возможно, еще в большей степени в сфере религиозных убеждений не существует общепринятой европейской концепции требований, призванных обеспечить «защиту прав других лиц» в случае нападок на их религиозные убеждения. То, что может всерьез оскорбить людей определенных религиозных представлений, существенно меняется в зависимости от места и времени, особенно в эпоху, характеризующуюся постоянно растущим числом религий и вероисповеданий. Благодаря прямым и непрерывным контактам с общественной жизнью своих стран, государственные власти, в принципе, находятся в лучшем положении, чем международный судья, при определении требований, необходимых для защиты глубинных чувств и убеждений от оскорбительных высказываний»¹⁵⁰.

¹⁵⁰ Уингроув против Соединенного Королевства (*Wingrove v. the United Kingdom*), п. 58.

Таким образом, Страсбургский Суд признает, что его компетенция в изучении вопроса, связанного с принятием решений в сфере религии, носит ограниченный характер. И это очевидно. Ситуация внутри государства отражает исторические, культурные и политические вопросы деликатного свойства, а международное обсуждение – не лучший вариант для разрешения этих споров¹⁵¹. Подобные соображения, конечно, не применяются на внутригосударственном уровне, поскольку национальные суды имеют более глубокое представление о ситуации на месте и потенциально большую легитимность, чем Страсбургский Суд. Национальные суды, в частности, должны изучать контекст, в котором свободы, гарантированные Конвенцией, могли бы функционировать на национальном уровне.

Специфические аспекты свободы мысли, совести и религии, возникающие в связи со Статьей 9

Судебная практика Страсбургского Суда по делам Статьи 9 иллюстрирует применение этих критериев и ожидание от государств нейтралитета, плюрализма и толерантности в ситуациях, когда реальностью является враждебность чиновников, скрытая или явная дискриминация и произвол в принятии решений со стороны официальных лиц. Эта часть руководства рассматривает главные проблемы, которые возникли в контексте этой гарантии, в первую очередь, в отношении того вопроса, можно ли доказать, что вмешательство было «необходимо в демократическом обществе». Как уже отмечалось, однако, некоторые аспекты как индивидуального, так и коллективного осуществления свободы мысли, совести и религии остаются неосвещенными в страсбургской судебной практике.

¹⁵¹ См. также дело Мерфи против Ирландии (*Murphy v. Ireland*), обсуждаемое ниже, на стр.124

Вмешательство в «исповедание» личных убеждений: отказ от прохождения обязательной воинской службы

Вопрос о том, в какой степени Статья 9 налагает на государственные власти позитивную обязанность признавать освобождение от общегражданских обязанностей или обязанностей по закону, до недавнего времени оставался отчасти открытым.

В свете п. 3б Статьи 4 Европейской конвенции о защите прав человека, конкретно указывающей на «службу военного характера», долгое время считалось, что Статья 9 как таковая не может подразумевать какого-либо права на признание отказа от обязательной военной службы в силу убеждений, если оно не признается национальным законодательством¹⁵². Хотя практически все европейские государства, все еще сохраняющие обязательную воинскую повинность, сейчас признают альтернативную гражданскую службу¹⁵³, остается открытым вопрос о том, может ли Статья 9 потребовать от государства признать такую альтернативную гражданскую службу в случаях, когда человек вынужден действовать вразрез со своими фундаментальными религиозными убеждениями¹⁵⁴.

¹⁵² Йохансен против Норвегии (*Johansen v. Norway*), реш., п.3б Статьи 4 не требует от государств обеспечения возможности альтернативной гражданской службы для лиц, отказывающихся служить в армии в силу убеждений.

¹⁵³ См. также Рекомендации Комитета министров Совета Европы №. R (87) 8 и Rec. (2010) 4.

¹⁵⁴ X против Германии (*X v. Germany*), реш., 1977 г.

В самом деле, некоторые недавние жалобы, поданные в Страсбургский Суд, результатом которых стало мировое соглашение или которые были вычеркнуты из списка вследствие военных реформ на национальном уровне, наводят на мысль о пересмотре отношения Суда к данному вопросу. Конечно, признавалось, что ввиду обязательной военной службы могут возникать и другие, связанные с Конвенцией соображения, в частности, в случаях, когда может быть доказано, что санкции за отказ от военной службы могут применяться дискриминационным образом¹⁵⁵ либо влечь за собой унижающее достоинство обращение в смысле Статьи 3¹⁵⁶.

В деле *Ульке против Турции* (*Ülke v. Turkey*) Страсбургский Суд, например, определил, что заявитель, антивоенный активист, неоднократно наказываемый за отказ от военной службы из-за своих убеждений, был подвергнут обращению с нарушением Статьи 3 из-за «постоянного чередования судебного преследования и отбывания сроков лишения свободы» и теоретической возможности продолжения этой ситуации до конца жизни: это превысило неизбежную степень унижения, неотъемлемо связанную с лишением свободы, следовательно, было квалифицировано как «бесчеловечное» обращение, ввиду преднамеренного, накапливающегося и долгосрочного воздействия многократным осуждением и лишением свободы. Национальное законодательство, в котором не предусмотрено положение о лицах, отказывающихся от военной службы в силу

¹⁵⁵ Например, дело Тлименос против Греции (*Thlimmenos v. Greece*), постановление БП; см. также дело Тсирлис и Кулумпас против Греции (*Tsirlis and Kouloumpas v. Greece*), нарушение Статьи 5, но вопросов по Статье 9 не поднято; но ср. Отчет Комиссии от 7 марта 1996 (мнение о факте нарушения Статьи 14 при толковании в совокупности со Статьей 9). См. также дело Аутио против Финляндии (*Autio v. Finland*), более длительный период гражданской альтернативной службы в сравнении с военной входит в пределы свободы усмотрения государства: неприемлемо.

¹⁵⁶ Таштан против Турции (*Taştan v. Turkey*), пп.27-31, обязанность военной службы, наложенная на человека в возрасте 71 года, которому пришлось выполнять те же работы и физические упражнения, что и 20-летним новобранцам, что составляло унижающее достоинство обращение.

убеждений, было «очевидно недостаточным в плане предоставления адекватных средств решения проблем, возникающих вследствие отказа от несения военной службы из-за убеждений»¹⁵⁷.

В Страсбург продолжали поступать заявления, в ряде случаев приводя к мировым соглашениям¹⁵⁸, однако, в деле *Баятян против Армении (Bayatyan v. Armenia)* Большая палата Суда постановила, что отсутствие разрешения на альтернативную гражданскую службу в определенных обстоятельствах может квалифицироваться как нарушение Статьи 9. Заявитель принадлежал к Свидетелям Иеговы и был приговорен к лишению свободы сроком на 30 месяцев за отказ от несения военной службы. Его просьба об альтернативной гражданской службе неоднократно повторялась во время судебного процесса, однако, новый закон о разрешении гражданской службы и принятый государством-ответчиком при вступлении в Совет Европы за несколько месяцев до того, вступил в силу только через год после условно-досрочного освобождения заявителя и после того, как он провел более 10 месяцев в заключении. Большая палата Суда сочла, что теперь неуместно рассматривать Статью 9 в совокупности со Статьей 4 п. 3б в свете эволюции законодательства и правоприменительной практики европейских государств, а также международных соглашений. Конвенция, по мнению Суда, является «живым инструментом» и должна отражать такие изменения. Несмотря на то, что из Статьи 9 нельзя извлечь явного указания о праве на отказ от военной службы в силу убеждений,

«... Суд считает, что неприятие военной службы в тех случаях, когда оно мотивировано серьезным и непреодолимым конфликтом между обязанностью служить в армии и совестью

¹⁵⁷ Ульке против Турции (*Ülke v. Turkey*), пп.61 и 62.

¹⁵⁸ Например, дело Стефанов против Болгарии (*Stefanov. v. Bulgaria*), мировое соглашение.

человека либо его глубокими и искренними религиозными или иными убеждениями, представляет собой убеждение или верование неоспоримое, серьезное, цельное и важное, чтобы подпадать под гарантии Статьи 9. ...

Заявитель в настоящем деле является членом организации Свидетелей Иеговы – религиозной группы, чьи верования включают в себя убеждение в том, что службе, даже невооруженной, в воинских формированиях необходимо сопротивляться. У Суда, таким образом, нет основания сомневаться в том, что отказ заявителя от военной службы был мотивирован его религиозными убеждениями, являющимися искренними и вступающими в серьезный и непреодолимый конфликт с его обязанностью нести военную службу».

Важно различать положение заявителя и ситуацию, «касающуюся обязанности, которая сама по себе не затрагивает вопросов совести, такую, как общая обязанность платить налоги». В отказе от прохождения военной службы проявилось «исповедание» религиозных убеждений заявителя, таким образом, осуждение за уклонение от призыва представляло собой вмешательство в его свободу исповедовать свою религию. Требуются веские и убедительные причины для обоснования вмешательства в право лица на свободу религиозных убеждений. Кроме того, почти все европейские государства, когда-либо имевшие или до сих пор имеющие всеобщую воинскую повинность, уже ввели альтернативы воинской службе. Соответственно,

«система, существовавшая в рассматриваемое время, налагала на граждан обязанность, связанную с потенциально серьезными негативными последствиями для отказывающихся от ее исполнения в силу своих убеждений, не допуская при этом никаких исключений по мотивам совести и наказывая тех, кто, как заявитель, отказывались от несения военной службы Наложение наказания на заявителя в обстоятельствах, не допускавших удовлетворения

требований его совести и убеждений, невозможно считать мерой, необходимой в демократическом обществе. Ее необходимость особенно неубедительна, если принять во внимание наличие жизнеспособных и эффективных альтернатив, способных примирить конфликтующие интересы, как показывает опыт подавляющего большинства европейских государств.

Суд также снова заявляет, что плюрализм, терпимость и непредвзятость являются существенными признаками «демократического общества». Хотя индивидуальные интересы должны порой подчиняться групповым, демократия не означает простого и непременного превалирования взглядов большинства. Должен достигаться баланс, обеспечивающий справедливое и разумное обращение с людьми, принадлежащими к меньшинствам, и исключающий злоупотребления господствующим положением. Так, уважение государством убеждений членов находящейся в меньшинстве религиозной группы, к каковому принадлежал и заявитель, и предоставление возможности служить обществу так, как диктует им совесть, отнюдь не создает несправедливого неравенства или дискриминации, как утверждает правительство, а обеспечивает последовательный и стабильный плюрализм и поощряет религиозное согласие и терпимость в обществе»¹⁵⁹.

¹⁵⁹ Баятян против Армении (*Bayatyan v. Armenia*), постановление БП, пп. 124 и 126.

Вмешательство в «исповедание» личных убеждений: прозелитизм

Текст п.1 Статьи 9 конкретно говорит об «обучении» как о признанной форме «исповедания» убеждений. Право на попытки убедить других лиц в истинности своих воззрений также неявным образом поддерживается указанием в тексте на право «менять собственные религию или убеждение». Право на прозелитизм через попытки побудить других лиц к обращению в свою религию, таким образом, несомненно, охватывается сферой Статьи 9. Однако это право не абсолютно и может быть ограничено в тех случаях, когда государство может доказать, что вмешательство обосновано соображениями общественного порядка или охраной уязвимых лиц от неправомерной эксплуатации. Прецедентное право Суда различает «правомерный» и «неправомерный» прозелитизм, и это различие отражено и в других документах, принятых органами Совета Европы. Так, например, Рекомендация 1412 (1999) Парламентской Ассамблеи о незаконной деятельности сект призывает государства к принятию мер против «незаконной практики от имени групп религиозного, эзотерического или духовного характера», к предоставлению и межгосударственному обмену информацией о таких сектах и обращает внимание на важность включения истории и философии религии в школьные программы с целью защиты детей и молодежи.

В деле *Коккинакис против Греции* (*Kokkinakis v. Greece*) член организации Свидетелей Иеговы был приговорен к лишению свободы за прозелитизм – правонарушение, прямо запрещенное Конституцией и конкретным законом Греции. Страсбургский Суд с самого начала признал, что право на попытки обратить других в свою веру включено в сферу гарантии Статьи 9, в отсутствие чего ... «свобода менять свою религию или убеждения», вероятно, «осталась бы мертвой буквой».

Отмечая, что запрет предусмотрен законодательством и имеет законной целью защиту прав других лиц, Страсбургский Суд, однако, не смог согласиться с тем, что в конкретных обстоятельствах вмешательство было оправдано как «необходимое в демократическом обществе». По мнению Суда, необходимо различать «несение христианской веры», или евангелизм, и «неправомерный прозелитизм», включающий элементы неправомерного влияния или даже насилия.

«Первое соответствует истинному евангелизму, описанному в отчете, составленном в 1956 году под эгидой Всемирного совета церквей, как миссия первостепенной важности и дело каждого христианина и каждой церкви. Последний представляет искажение или деформацию его.

«Неправомерный прозелитизм» может, как следует из того же доклада, выражаться в деятельности, связанной с предложением материальных или социальных выгод, с целью привлечения в церковь новых членов или в оказании неуместного давления на людей, находящихся в нужде или в бедственном положении. Он может даже повлечь за собою использование насилия или «промывания мозгов»: в целом, он несовместим с уважением свободы мысли, совести и религии других лиц».

Однако, поскольку национальные судебные инстанции не назвали конкретных причин осуждения, показать наличие насущной общественной потребности осуждения было невозможно. Национальные суды определили меру уголовной ответственности заявителя путем простого повторения положений закона, не пояснив, почему средства, использовавшиеся заявителем в попытках убеждения других лиц, были неправомерны:

«Внимательное изучение соответствующего положения закона показывает, что критерии, применяемые греческими законодателями, совместимы с вышеприведенными лишь при условии и в той мере, в которой они предназначены только для наказания «неправомерного

прозелитизма», в абстрактном определении которого в настоящем деле нет необходимости. Суд, однако, отмечает, что в обоснование своих решений греческие судебные инстанции установили ответственность заявителя путем простого текстуального повторения положений законодательства и недостаточно конкретизировали, каким образом обвиняемый попытался убедить своего соседа в истинности своих верований. Ни один из приведенных ими фактов не обосновывает этого вывода. Ввиду этого не доказано, что осуждение заявителя оправдывалось в обстоятельствах дела насущной общественной потребностью. Таким образом, оспариваемая мера не выглядит соразмерной преследуемой законной цели и, следовательно, не была «необходима в демократическом обществе <...> для защиты прав и свобод других лиц»¹⁶⁰.

В отличие от вышеизложенного, в деле *Лариссис и другие против Греции (Larissis and others v. Greece)* Суд не считал нарушением Статьи 9 осуждение являвшихся членами секты пятидесятников старших офицеров ВВС за прозелитизм в отношении трех подчиненных. По признанию суда, в военной иерархической структуре был заложен потенциальный риск притеснения подчиненных в случае попытки уклонения от бесед, инициированных старшими офицерами. Доводы правительства-ответчика о том, что старшие офицеры злоупотребили своим влиянием и что их осуждение было оправдано необходимостью защиты престижа и эффективного функционирования Вооруженных сил, а также защиты отдельных военнослужащих от идеологического принуждения, были приняты Страсбургским Судом в следующих словах постановления:

«Суд считает установленным, что Конвенция, в принципе, применяется к военнослужащим так же, как и к гражданским лицам. Тем не менее, интерпретируя и применяя ее установления в случаях, подобных настоящему, необходимо иметь в виду особый характер военной жизни и его

¹⁶⁰ Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), пп.48-49.

влияние на положение отдельных членов Вооруженных сил... В связи с этим Суд отмечает, что характерная для Вооруженных сил иерархическая структура затрудняет для подчиненного необходимость отвечать отказом на обращение со стороны старшего по званию или уклоняться от инициированной им беседы. Таким образом, то, что в гражданской среде выглядело бы безобидным обменом идеями, которые адресат вправе принять либо отвергнуть, в рамках военной жизни может рассматриваться как форма преследования или оказания недопустимого давления и злоупотребления властью. Необходимо подчеркнуть, что не всякая дискуссия на религиозные или иные деликатные темы между лицами разного звания подпадает под эту категорию. Тем не менее, когда этого требуют обстоятельства, может быть оправдано принятие государствами мер для защиты прав и свобод военнослужащих».

Национальные судебные инстанции действительно заслушали свидетельские показания о том, что подчиненные чувствовали себя обязанными вступать в беседы или являлись объектами назойливых попыток своих начальников вовлечь их в разговоры о религии, хотя никакие угрозы или обещания вознаграждения при этом не применялись. Таким образом, было выяснено, что военнослужащие в некоторой степени подвергались давлению со стороны старших по званию и чувствовали себя в какой-то мере стесненно. Суд заключил, что в данном случае нарушения Статьи 9 не было:

«... Суд считает, что греческие власти, в принципе, оправданно применили некоторые меры в защиту младших чинов ВВС от неправомерного давления, примененного к ним заявителями, в их стремлении к распространению своих религиозных убеждений. Суд отмечает, что принятые меры не были особенно строгими и носили скорее профилактический, чем карательный характер, поскольку наложенные наказания должны были быть приведены в исполнение, только

если бы заявители совершили новые преступления в течение трех лет. <...> Учитывая все обстоятельства дела, Суд не считает эти меры несоразмерными».

С другой стороны, Европейский Суд в том же деле отверг утверждение правительства-ответчика о том, что судебное преследование за прозелитизм гражданских лиц было «необходимо в демократическом обществе» даже в тех случаях, когда оно аргументировалось наличием недопустимой эксплуатации лиц, испытывающих затруднения личного или психологического характера. «Решающее значение» имеет то, что эти гражданские лица не подвергались давлению и ограничениям такого же рода, как военнослужащие, при попытках заявителей обратить их в свою веру. Здесь Суд не проявил такого же понимания решений национальных судов. Даже в отношении женщины (гражданского лица), находившейся в состоянии некоторого стресса из-за распада ее брака, не было доказано ни то, что ее психологическое состояние требовало «какой-либо особой защиты от проповеднической деятельности заявителей, ни то, что они подвергали ее недопустимому давлению, что опровергается тем фактом, что в конечном итоге она смогла принять решение о разрыве всех связей с церковью пятидесятников»¹⁶¹.

Данные дела показывают, что государствам позволено в некоторых случаях принимать меры, препятствующие праву отдельных лиц пытаться убедить других в истинности их вероисповедания даже несмотря на то, что такое право часто считается основным священным долгом верующих. Эти же прецеденты, однако, ясно показывают, что любое вмешательство в право обращаться в свою веру должно быть обосновано доказуемой необходимостью в данных обстоятельствах.

¹⁶¹ Лариссис и другие против Греции (*Larissis and others v. Greece*), пп.50, 54 и 59.

Вмешательство в «исповедание» индивидуальных убеждений: санкции против ношения религиозной символики

Запреты на ношение религиозных символов породили ряд жалоб в адрес Страсбургского Суда по Статье 9. Эти дела требуют тщательной оценки. Из судебной практики явствует, что подобные запреты на ношение предметов одежды или иных видимых знаков религиозной веры сейчас обычно признаются вмешательством в защищаемые Статьей 9 права исповедовать свою религию или убеждения¹⁶². Оценка же смещается на причины, выдвигаемые в пользу таких запретов. В этой области, однако, Страсбургский Суд склонен признавать некоторую «свободу усмотрения» за государственными органами, особенно там, где государство выдвигает такие основания, как общественная безопасность¹⁶³ или недопустимость давления со стороны некоторых фундаменталистских религиозных движений на лиц, принадлежащих к другому вероисповеданию либо вовсе не отправляющих религиозные культы¹⁶⁴.

Так, в деле *Дахлаб против Швейцарии* (*Dahlab v. Switzerland*) отказ разрешить учительнице начальных классов носить исламский головной платок был сочтен обоснованным ввиду того,

¹⁶² Актас против Франции (*Aktas v. France*), реш..

¹⁶³ Например, Фулл против Франции (*Phull v. France*), реш., требование снять тюрбан во время досмотра в аэропорту: жалоба признана неприемлемой.

¹⁶⁴ Карадуман против Турции (*Karaduman v. Turkey*), требование о том, что на официальной фотографии выпускника не может представлять в исламском головном платке, а должна быть с непокрытой головой; дело Кёсэ и 93 других против Турции (*Köse u 93 others v. Turkey*), реш., запрет на ношение головного платка в пределах религиозно-ориентированной школы – общая мера, наложенная на всех учащихся независимо от вероисповедания: неприемлемо; дело Куртулмуш против Турции (*Kurtulmuş v. Turkey*), реш., университетскому преподавателю отказано в разрешении носить головной платок; дело Догру против Франции (*Dogru v. France*), пп.47-78, недопущение учащихся-девушек к занятиям в государственных школах за отказ снять религиозную одежду на уроках физподготовки и спорта: нарушения нет; аналогично дело Керванчи против Франции (*Kervanci v. France*), пп.46-78.

«ношение ею платка представляло собой действенный внешний символ: ношение этого предмета не только может восприниматься в некоем прозелитическом плане, поскольку оно, по-видимому, возложено на женщин как религиозная обязанность, с трудом совместимая с принципом равенства полов, но его также нелегко совместить и с идеями терпимости, уважения к другим, равенства и исключения дискриминации, которые все учителя в демократическом обществе должны передавать своим ученикам¹⁶⁵.

Аналогично дело *Актас против Франции (Aktas v. France)* об отстранении учениц от школьных занятий за их отказ снять с себя различные предметы религиозной символики (мусульманские головные платки и сикхские тюрбаны-кески) на время уроков не было принято к рассмотрению, так как Страсбургский Суд счел, что это вмешательство в право на исповедание убеждений можно считать соразмерным законным целям защиты прав и свобод других лиц и охраны общественного порядка; в любом случае отстранение от занятий не мотивировалось какими-либо возражениями против религиозных убеждений как таковых, а запрет так или иначе преследовал цель защиты конституционного принципа секуляризма¹⁶⁶.

Этот вопрос довольно подробно рассматривался Большой палатой Суда в деле *Лейла Шахин против Турции (Leyla Şahin v. Turkey)*. В этом деле заявительница жаловалась на то, что запрет на ношение ею исламского платка в университете, а впоследствии отказ допускать ее к занятиям, нарушили ее права по Статье 9. Страсбургский Суд исходил из того, что имело место

¹⁶⁵ Дахлаб против Швейцарии (*Dahlab v. Switzerland*), реш.

¹⁶⁶ Актас против Франции (*Aktas v. France*), реш..

вмешательство в право исповедовать религию, а также согласился с тем, что первоначально вмешательство преследовало законные цели защиты прав и свобод других лиц и охраны общественного порядка. Также Суд посчитал доказанным, что вмешательство было «предусмотрено законом». Соответственно, наиболее важный вопрос заключался в том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе». Большинство голосов Суд постановил, что рассматриваемое вмешательство было как обоснованным в принципе, так и пропорциональным преследуемым целям, с учетом «свободы усмотрения», оставляемой за государством в таких случаях:

«Там, где решаются вопросы взаимоотношений государства и религий, по которым мнения в демократическом обществе, естественно, могут сильно различаться, роль национального органа, принимающего решения, должна считаться особенно важной. Главным образом это касается вопросов ношения религиозных символов в учебных заведениях, особенно ... учитывая разнообразие подходов, применяемых национальными властями к этой проблеме. В целом в Европе не прослеживается единая концепция значимости религии в обществе, и значение или воздействие публичного выражения религиозных убеждений зависит от времени и контекста. Правила в этой сфере, следовательно, варьируются от страны к стране в соответствии с национальными традициями и требованиями, принимаемыми в связи с необходимостью защиты прав и свобод других лиц и поддержания общественного порядка. Соответственно, выбор объема и формы такого регулирования неизбежно должен быть до определенной степени оставлен за конкретным государством, поскольку это будет зависеть от контекста внутри данной страны».

В данном деле определенное значение имели принципы секуляризма и равенства, заложенные в основу турецкой Конституции. Конституционный Суд определил, что свобода исповедовать свою религию может ограничиваться для защиты той роли, которую играет секуляризм как гарант демократических ценностей в государстве: секуляризм является точкой пересечения свободы и равенства и необходимо влечет за собой свободу религии и совести, и не позволяет государственным органам оказывать предпочтение какой-либо отдельной религии или убеждению, утверждая себя в роли беспристрастного арбитра. Более того, секуляризм помогает защищать отдельных людей от внешнего давления со стороны экстремистских движений. Эта роль государства как независимого арбитра также согласуется с прецедентным правом Страсбургского Суда по Статье 9.

Кроме того, Страсбургский Суд обратил особое внимание на защиту прав женщин в турецкой конституционной системе, что согласуется также и с ключевым принципом равноправия мужчины и женщины, лежащим в основе Европейской конвенции о защите прав человека. При любом рассмотрении вопроса о запрете на ношение исламского женского платка необходимо учитывать воздействие, которое такой символ может оказать на тех, кто не желает его носить, если ношение его преподносится или воспринимается как непреложный религиозный долг. Это особенно актуально для такой страны, как Турция, где большинство населения исповедует ислам. На фоне экстремистских политических движений в Турции, стремящихся навязать окружающим свою религиозную символику и концепцию общества, основанного на религиозных предписаниях, Большая палата Суда убедилась в том, что в основе запрета на ношение религиозной символики в университетах лежит принцип секуляризма. В контексте таких ценностей, как плюрализм, уважение прав других людей и, в частности, равенство мужчин и женщин перед законом, понятна позиция

национальных властей, считающих, что разрешение носить в зданиях университета такие предметы религиозной одежды, как исламский головной платок, противоречило бы этим ценностям. Наложение ограничения на свободу ношения головного платка может, таким образом, считаться отвечающим настоятельной общественной необходимости, поскольку именно этот религиозный символ в последние годы приобрел в стране политическое значение. Отметив, что Статья 9 не всегда гарантирует право на поведение, предписанное религиозными убеждениями, и не наделяет лиц, ведущих себя таким образом, правом игнорировать правила, обоснованность которых доказана, Страсбургский Суд также отметил, что студенты-мусульмане, отправляющие религиозные обряды в турецких университетах, в любом случае имеют свободу исповедовать свою религию в соответствии с привычными формами мусульманского поведения в пределах ограничений, принятых в системе образования.

В жалобе также поднимался вопрос о том, имело ли место вмешательство в право заявителя на образование в терминах статьи 2 Протокола № 1. По аналогии с основаниями, применяемыми к рассмотрению жалобы по Статье 9, Большая палата Суда также признала, что отказ в разрешении посещать различные лекции и экзамены из-за ношения исламского головного платка был предсказуемым, преследовал законные цели, а использованные средства были соразмерными. Примененные меры никоим образом не препятствовали отправлению студентами религиозных обрядов, при этом руководство университета благоразумно изыскивало возможности избежать отказа в допуске к занятиям носивших головные платки студенток с одновременной защитой прав других лиц и интересов системы образования. Ввиду этого запрет на ношение платка не являлся вмешательством в осуществление права на образование¹⁶⁷.

¹⁶⁷ Лейла Шахин против Турции (*Leyla Şahin v. Turkey*), пп.104-162, в п.109.

Вмешательство в «исповедание» личных убеждений: требование уплаты «церковного налога»

П. 1 Статьи 9 предоставляет защиту от принуждения к непрямому участию в религиозной деятельности против воли лица. Такая ситуация может возникнуть, например, при требовании уплаты церковного налога. Государства должны уважать религиозные убеждения тех, кто не желает принадлежать ни к одной церкви, и обеспечивать таким лицам возможность освобождения от обязанности делать взносы на финансирование религиозной деятельности церкви¹⁶⁸. При этом отмечается, что эту ситуацию следует отличать от той, когда утверждается, что общие налоговые сборы с лица в бюджет органов власти не должны выделяться на определенные цели¹⁶⁹. Для этого государства могут на законных основаниях требовать от лиц указания их религиозных убеждений либо уведомления об изменении религиозных убеждений в целях обеспечения эффективного сбора церковных налогов¹⁷⁰.

В любом случае необходимо разбираться, не взимается ли церковный налог частично для оплаты расходов на светские, а не церковные цели.

В деле *Бруно против Швеции (Bruno v. Sweden)* Страсбургский Суд провел различие между налогообложением для осуществления общественных функций и функций, связанных

¹⁶⁸ Дарби против Швеции (*Darby v. Sweden*), мнение Комиссии, п.51; см. сноску: стр.23 выше.

¹⁶⁹ С. против Соединенного Королевства (*C. v. the United Kingdom*).

¹⁷⁰ См., например, дело Готтесманн против Швейцарии (*Gottesmann v. Switzerland*).

исключительно с религиозной верой. Законодательство здесь предусматривало освобождение от большей части церковного налога, однако, требовало уплаты некоего сбора (налога с диссентеров – инославных) для покрытия расходов на выполнение задач нерелигиозного характера, таких как похороны, содержание церковных зданий и иного имущества, имеющего историческую ценность, и хранение старых записей демографического учета. Страсбургский Суд подтвердил, что государственные органы имеют широкую свободу усмотрения при определении способа организации исполнения таких обязанностей, и, таким образом, отверг аргумент заявителя о том, что эти функции по праву должны быть обязанностью светских органов власти, а не религиозных организаций.

«Суд согласен с правительством в том, что осуществление похорон, содержание и ремонт церковного имущества и зданий, имеющих историческую ценность, и хранение старых записей демографического учета могут обоснованно считаться задачами нерелигиозного характера, выполняемыми в интересах общества в целом. Решение о том, кому следует доверить ответственность за выполнение этих задач и каким образом следует их финансировать, должно оставаться за государством. Хотя оно и обязано уважать право человека исповедовать свою религию, государство имеет широкую свободу усмотрения при принятии таких решений...».

Однако Страсбургский Суд все же подчеркнул, что данное положение требует гарантий против принуждения к взиманию денежных взносов через налогообложение на цели религиозного, в сущности, характера. В данном деле, однако, часть полной суммы церковного налога, взимаемая с лиц, не принадлежащих к церкви, была доказуемо пропорциональна расходам на выполнение гражданских обязанностей церкви. Таким образом, нельзя утверждать, что заявитель принуждался к денежным взносам на финансирование религиозной деятельности церкви. Имело значение и то, что

расходы контролировались, а суммы налогообложения определялись государственными, а не церковными органами:

«Заявитель, не принадлежавший к государственной лютеранской церкви Швеции, был обязан платить не полный церковный налог, а лишь часть его – 25 процентов полной суммы – в качестве налога с диссентеров на том основании, что лица, не принадлежащие к церкви, должны вносить средства на финансирование нерелигиозной деятельности церкви. Эта сниженная ставка налога была определена на основе данных хозяйственной отчетности церкви Швеции, указывавших на то, что стоимость похорон усопших составляла около 24 процентов общих расходов церкви.

По всей видимости, ясно, что суммы налога, уплаченные заявителем в бюджет церкви Швеции, были пропорциональны расходам на выполнение ее гражданских обязанностей. Таким образом, нельзя утверждать, что он принуждался к денежным взносам на цели религиозной деятельности церкви.

Далее, тот факт, что церкви Швеции доверены задачи, о которых идет речь, не может сам по себе считаться нарушением Статьи 9 Конвенции. В отношении этого следует отметить, что церковь отвечала за ведение учета населения долгие годы, и ее забота о сохранности этих записей до их окончательной передачи в государственные архивы является естественной. Также и отправление похорон, и содержание старой церковной собственности являются задачами, которые обоснованно могут быть доверены официальной церкви страны. Суд также учитывает то, что уплата налога с диссентеров и осуществление гражданской деятельности церкви

находились под надзором публичных властей, включая налоговые органы и окружные административные правления».

Страсбургский Суд, таким образом, заключил, что обязанность уплаты «налога с диссентеров» не противоречила праву заявителя на свободу вероисповедания, и объявил эту часть его жалобы явно необоснованной¹⁷¹.

Индивидуальное «исповедание» убеждений: заключенные и их религиозные убеждения

От тюремной администрации ожидают признания религиозных потребностей тех, кто лишен свободы, позволяя заключенным принимать участие в отправлении религиозных обрядов. Так, если религия или убеждения диктуют определенную диету, власти должны пойти этому навстречу, при условии что требование не является неразумным, а его выполнение не слишком обременительно. Этот принцип, вновь повторенный в постановлении по делу *Якубский против Польши (Jakóbski v. Poland)* об отказе обеспечить заключенного-буддиста вегетарианским питанием, чего требовали предписания его веры, был сочтен нарушением Статьи 9¹⁷². Кроме того, должны предусматриваться адекватные меры, позволяющие лицам, содержащимся под стражей, принимать участие в богослужении или общаться с духовным наставником.

¹⁷¹ Бруно против Швеции (*Bruno v. Sweden*), реш..

¹⁷² Якубский против Польши (*Jakóbski v. Poland*), пп.42–55; см. также дело X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш., март 1976 г..

В связанных друг с другом делах *Полторацкий против Украины (Poltoratskiy v. Ukraine)* и *Кузнецов против Украины (Kuznetsov v. Ukraine)* приговоренные к смертной казни заключенные жаловались на то, что им было отказано в визитах священника и в участии в богослужении, что разрешалось другим заключенным. Жалобы заявителей в этих делах были удовлетворены на том основании, что вмешательство в их права не соответствовало закону, так как надлежащая тюремная инструкция не удовлетворяла этому критерию с точки зрения Конвенции¹⁷³.

Однако поддержка надлежащего порядка и безопасности в местах заключения обычно признается как законные государственные интересы. Статья 9 не может, например, быть применена для обоснования требования признать особый статус заключенных, заявляющих, что ношение тюремной формы и принудительный труд противоречат их убеждениям¹⁷⁴. Кроме того, отдавая должное такой заинтересованности в поддержании порядка и безопасности, Суд признает за властями довольно широкую свободу усмотрения. Так, например, необходимость идентификации заключенных может дать основание для отказа в разрешении заключенному отрастить бороду, а соображения безопасности могут обосновать отказ в выдаче заключенному молитвенных четок¹⁷⁵ или книги, содержащей сведения о боевых искусствах, даже в тех случаях, когда можно установить, что доступ к таким предметам необходим для правильного отправления религиозного культа¹⁷⁶.

¹⁷³ Полторацкий против Украины (*Poltoratskiy v. Ukraine*) и Кузнецов против Украины (*Kuznetsov v. Ukraine*).

¹⁷⁴ Макфили и другие против Соединенного Королевства (*McFeeley u others v. the United Kingdom*), реш.

¹⁷⁵ X против Австрии (*X v. Austria*), реш., 1965 г.

¹⁷⁶ X против Соединенного Королевства (*X v. the United Kingdom*), реш., май 1976 г..

Эти обязательства государств по Европейской конвенции о защите прав человека отражены также и в Европейских пенитенциарных правилах. Эти правила представляют собой необязательные к исполнению стандарты, направленные на обеспечение содержания заключенных в материальных и моральных условиях, не ущемляющих их достоинства, и такого обращения с ними, которое исключает дискриминацию, признает религиозные убеждения и поддерживает здоровье и самоуважение. Так, в этих правилах говорится, что

«внутренний режим, насколько это возможно, должен быть организован таким образом, чтобы давать заключенным возможность исповедовать свою религию и убеждения, посещать службы или собрания, проводимые получившими соответствующее разрешение представителями таких религий или верований; такие представители должны иметь возможность посещать заключенных и общаться с ними в конфиденциальной обстановке; заключенным следует разрешать иметь у себя книги или литературу, относящиеся к их религии и убеждениям».

Однако, «заключенные не могут принуждаться к исповеданию религии или убеждений, к посещению богослужений или собраний, к участию в отправлении религиозных культов или к приему посещающего их представителя какой-либо религии или веры»¹⁷⁷. Эти правила могут цитироваться Судом в его решениях¹⁷⁸.

¹⁷⁷ Европейские пенитенциарные правила, Рекомендация Комитета министров Совета Европы Res (2006) 2, Правила 29 (2-3).

¹⁷⁸ Правила 29 (2-3), цитируются в деле Якубский против Польши (*Jakóbski v. Poland*), 7 декабря 2010 г..

Требование нейтральности государства: регистрация религиозных объединений и прочее

Статья 11 в целом защищает право отдельных лиц объединяться с целью дальнейших коллективных действий в сфере взаимных интересов. При прочтении Статьи 9 совместно со Статьей 11 можно сделать вывод о высокой степени защиты права учреждать религиозные объединения:

«Поскольку религиозные общины традиционно существуют в форме организованных структур, Статья 9 должна толковаться в свете Статьи 11 Конвенции, которая гарантирует защиту объединений от необоснованного государственного вмешательства. С этой точки зрения, право верующих на свободу религии, которое включает право исповедовать религию сообща с другими, включает в себе ожидание того, что верующим будет позволено собираться свободно, без произвольного вмешательства государства. Действительно, автономное существование религиозных общин важно для плюрализма в демократическом обществе и, таким образом, является вопросом самой сути защиты, предоставляемой Статьей 9 Конвенции»¹⁷⁹.

Таким образом, взаимодействие между гарантиями свободы исповедовать свою религию или убеждения в Статье 9 и защитой свободы собраний и объединений в Статье 11 вместе с запрещением дискриминации при использовании конвенционных гарантий по Статье 14 имеет большое значение при решении вопросов, связанных с отказом в предоставлении официального признания. Необходимость в этом может возникать для получения привилегий, таких как освобождение от налогообложения или получение статуса благотворительной организации, что в национальном законодательстве может ставиться в зависимость от предварительной регистрации

¹⁷⁹ Бессарабская митрополия и другие против Молдовы (*Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova*), п.118.

или признания государством. Договоренности, оказывающие предпочтение определенным религиозным общинам, в принципе, не противоречат требованиям Конвенции (и, в частности, Статьям 9 и 14) «при условии, что существуют объективные и разумные основания для избирательного отношения и что в подобные договоренности могут вступить и другие церкви, если пожелают»¹⁸⁰.

Однако национальное законодательство может заходить слишком далеко, требуя официального признания для получения статуса юридического лица, необходимого для эффективного функционирования религиозной организации. Там, где для этого необходимо официальное признание, простой терпимости государства по отношению к религиозной общине, скорее всего, недостаточно¹⁸¹. При наличии подобных предписаний возникает риск, что они могут применяться дискриминационным образом в целях ограничения распространения воззрений религиозных меньшинств¹⁸².

Требование нейтральности государства, с другой стороны, не исключает оценки властями деятельности религиозных организаций или объединений с точки зрения возможного нанесения ими вреда или создания угрозы общественному порядку¹⁸³. Терпимость не подразумевает

¹⁸⁰ Алухер Фернандес и Кабальеро Гарсия против Испании (*Alujer Fernández and Caballero García v. Spain*), реш..

¹⁸¹ Бессарабская митрополия и другие против Молдовы (*Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova*), п.129.

¹⁸² См.: Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств, Статья 8: признание того, что «любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право исповедовать свою религию или выражать убеждения, а также право создавать религиозные учреждения, организации и ассоциации».

¹⁸³ Мануссакис и другие против Греции (*Manoussakis u others v. Greece*), п.40; Компания Лила Фёрдеркрайс и другие против Германии (*Leela Förderkreis e.V. u others v. Germany*), п.93.

непременного признания или предоставления таких привилегий, как освобождение от налогообложения, каждой религиозной общине. Более того, в некоторых частных случаях публичные власти могут иметь позитивную обязанность принять меры против объединений, которые они сочтут наносящими вред.

В деле *Компания Лила Фёрдеркрайс и другие против Германии (Leela Förderkreis e.V. and others v. Germany)* адепты движения Ошо утверждали, что такое определение их религиозной организации, как «молодежная секта», «молодежная религия», «секта» и «психосекта» унижает их веру и нарушает обязанность государства оставаться нейтральным в вопросах религии. Хотя Страсбургский Суд и был готов исходить из допущения, что использование таких обозначений содержало элемент «вмешательства» в права, гарантированные Статьей 9, поскольку «термины, использовавшиеся для описания движения, в котором участвовали объединения-заявители, могли привести к негативным для них последствиям», но при отсутствии необходимости в установлении степени и характера таких последствий, он тем не менее счел, что нарушение гарантии не имело места:

«Суд снова заявляет, что государства имеют право удостоверяться, не занимается ли движение или объединение, под видом преследования религиозных целей, деятельностью, наносящей вред населению либо общественной безопасности.

Суд отмечает, что в рассматриваемое время все большее число новых религиозных и идеологических движений порождают конфликты и напряженность в германском обществе, поднимая вопросы общественной значимости. Заявления сторон и другие материалы в распоряжении Суда показывают, что правительство Германии, своевременно предоставляя

людям объяснения, которые оно в это время считало полезными, преследовало цели урегулирования актуальной общественной проблемы и пыталось предупредить граждан о явлениях, которые оно считало тревожными, например, о появлении многочисленных новых религиозных движений и их привлекательности для молодежи. Публичные власти желали дать людям возможность, если возникнет необходимость, позаботиться о себе, не попасть самим и не вовлечь других в затруднительное положение из-за незнания.

Суд придерживается мнения, что такое право на превентивное вмешательство со стороны государства также согласуется с позитивными обязательствами Договаривающихся Сторон по Статье 1 Конвенции гарантировать права и свободы лиц, находящихся в их юрисдикции. Эти обязательства относятся не только к любому вмешательству в результате действия или бездействия, которое может быть вменено представителям государства или служащим государственных учреждений, но также и к вмешательству, которое вменяется частным лицам в негосударственных организациях.

Изучение оспариваемых действий правительства, кроме того, выявило, что они никоим образом не были равносильны запрету на свободу объединений-заявителей исповедовать свою религию или убеждения. Национальные судебные инстанции тщательно проанализировали оспариваемые заявления и запретили использование прилагательных «деструктивный» и «псевдорелигиозный», а также голословные утверждения о манипулировании участниками движения как нарушающие принцип нейтральности в религиозных вопросах. Остальные термины, употребляемые в отношении групп объединений-заявителей, такие как «секта», «молодежная секта» или «психосекта», даже если и имели уничижительный оттенок, то использовались в рассматриваемое время достаточно неизбирательно в отношении любой

нетрадиционной религии. Суд далее отмечает, что правительство, несомненно, воздерживалось от дальнейшего использования термина «секта» в своей информационной кампании, выполняя рекомендацию, содержащуюся в отчете экспертов по «так называемым сектам и психокультам» Суд считает, что в этих обстоятельствах заявления правительства, по крайней мере в то время, когда они были сделаны, не влекли за собой выхода за рамки того, что демократическое государство может считать общественным интересом.

В этих обстоятельствах, «с учетом свободы усмотрения, оставляемой за национальными властями», данное вмешательство сочтено обоснованным и соразмерным преследуемой цели»¹⁸⁴.

Установление требования регистрации государством, таким образом, само по себе не является несовместимым со свободой мысли, совести и религии, однако, государство должно строго соблюдать нейтральную позицию и быть способным продемонстрировать правомерные основания для отказа в регистрации. При этом в процедуре регистрации должно ограничиваться право на усмотрение и должен исключаться произвол в принятии решений¹⁸⁵. Государство обязано проявлять осмотрительность при оценке сравнительной легитимности различных убеждений¹⁸⁶. В деле *Религиозная община Свидетелей Иеговы и другие против Австрии (Regionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and others v. Austria)* было установлено нарушение Статьи 9. На протяжении

¹⁸⁴ Компания Лиля Фёрдеркрайс и другие против Германии (*Leela Förderkreis e.V. u others v. Germany*), пп.84-101.

¹⁸⁵ Высший духовный совет мусульманской общины против Болгарии (*Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria*), п.33.

¹⁸⁶ Хасан и Чауш против Болгарии (*Hasan u Chaush v. Bulgaria*), постановление БП, пп.84-89 и п.78.

примерно 20 лет власти отказывались предоставить статус юридического лица общине Свидетелей Иеговы. Государство утверждало, что нарушение прав заявителей не имело места, поскольку статус юридического лица в конечном итоге был предоставлен, и в любом случае никто из членов общины не был стеснен в отправлении культовых обрядов своей религии. Более того, члены общины имели возможность сами учредить объединение со статусом юридического лица по национальному законодательству. Суд, однако, убедить не удалось:

«С одной стороны, между подачей заявления о признании и получении статуса юридического лица прошел значительный срок, и, таким образом, возникает сомнение, что его можно рассматривать просто как срок ожидания обработки административного обращения. С другой стороны, в течение этого периода заявитель не имел статуса юридического лица со всеми вытекающими отсюда последствиями, поскольку таковой статус позволил бы ему приобретать имущество и управлять им от собственного имени, иметь правовой статус перед судами и властями, организовывать места для богослужения, пропагандировать свои идеи, выпускать и распространять религиозные материалы.

Несмотря на то, что в течение этого периода не было зафиксировано примеров вмешательства в общинную жизнь Свидетелей Иеговы и что отсутствие у заявителя статуса юридического лица отчасти компенсировалось деятельностью через вспомогательные объединения, тем не менее, эти факты не стали для Суда решающими.

Учитывая важность данного права, Суд считает, что на всех государственных органах власти лежит обязанность, в контексте Статьи 9 Конвенции, сократить время ожидания заявителем

получения статуса юридического лица до разумных пределов. Суд признает, что в течение периода ожидания отсутствие у заявителя статуса юридического лица могло в некоторой степени компенсироваться созданием вспомогательных объединений, такой статус имевших, и что, по-видимому, публичные власти не осуществляли вмешательства в деятельность таких объединений. Однако, поскольку право на автономное существование является центральным для гарантий, предоставляемых Статьей 9, эти обстоятельства не могут восполнить длительную задержку в предоставлении статуса юридического лица первому заявителю»¹⁸⁷.

Даже в тех случаях, когда государство пытается обосновать отказ зарегистрировать общину соображениями национальной безопасности и территориальной целостности, необходима надлежащая оценка таких утверждений. Туманных рассуждений здесь недостаточно.

В деле *Бессарабская митрополия и другие против Молдовы (Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova)* заявителям запрещалось собираться вместе в религиозных целях, и они не смогли прибегнуть к правовой защите от причинения им беспокойства или для сохранения церковного имущества. Правительство-ответчик пыталось доказать, что регистрация, в конкретных обстоятельствах данного дела, могла привести к дестабилизации как Православной Церкви, так и общества в целом, поскольку вопрос касался спора между российским и румынским патриархатами. Кроме того, признание могло иметь негативные последствия и для самой территориальной целостности и независимости государства. В очередной раз заявив о требовании к государству оставаться нейтральным и о его роли в поощрении взаимной терпимости между соперничающими

¹⁸⁷ Религиозная община Свидетелей Иеговы и другие против Австрии (*Religionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and others v. Austria*), пп.87-99, значительное время затрачено на решение вопроса о признании Свидетелей Иеговы: нарушение Статьи 14 в совокупности со Статьей 9.

группами (вместо попыток устранить причину напряженности путем ликвидации плюрализма), Страсбургский Суд снова подчеркнул, что Статья 9 исключает оценку государством «допустимости религиозных убеждений или способов, которыми эти убеждения выражаются». Вместе с тем необходимо толковать Статью 9 в совокупности с гарантиями Статьи 11 против необоснованного вмешательства государства в свободу объединения.

«С этой точки зрения право верующих на свободу религии, включающее право на исповедание своей религии сообща с другими, предполагает, что верующим разрешается объединяться свободно, без произвольного вмешательства государства».

Приняв ту точку зрения, что церковь-заявитель не является новой деноминацией и что, поставив ее признание в зависимость от воли другой церковной инстанции, уже признанной ранее, государство не выполнило своего долга оставаться нейтральным и беспристрастным, Суд также не был убежден, в отсутствие каких-либо доказательств, ни в том, что церковь занималась (как заявляло правительство-ответчик) политической деятельностью, противоречащей государственной политике Молдовы и ее собственным заявленным религиозным целям, ни в том, что признание ее государством могло бы подвергнуть опасности национальную безопасность и территориальную целостность¹⁸⁸.

Аналогично в деле *Свидетели Иеговы Москвы против России (Jehovah's Witnesses of Moscow v. Russia)* Суд счел, что уместных и достаточных оснований для отказа в регистрации религиозного объединения, что повлекло за собой его роспуск, установлено не было. Власти утверждали, что данная организация принуждала своих членов к прекращению семейных отношений, подстрекала их

¹⁸⁸ Бессарабская митрополия и другие против Молдовы (*Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova*) пп.101-142; см. также дело Пентидис и другие против Греции (*Pentidis u others v. Greece*), п.46 и дело Московское отделение Армии Спасения против России (*Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia*), пп.71-74.

к совершению самоубийства или отказу от медицинской помощи, что она посягала на права своих членов, родителей, не являвшихся «свидетелями Иеговы», и их детей, и что она поощряла отказ своих членов от выполнения законных обязанностей. Однако надлежащей фактической основы для этих утверждений установлено не было, при этом ограничения, налагаемые на членов общины, фундаментально не отличались от аналогичных ограничений на частную жизнь верующих других религий. В любом случае одобрение отказа от переливания крови даже в ситуациях, угрожающих жизни, не могло быть основанием для такой далеко идущей меры, так как национальное законодательство предоставляло пациентам свободу выбора медицинского лечения¹⁸⁹.

Следствием отказа религиозной общине в регистрации может быть и то, что община, таким образом, лишается возможности отстаивать свои интересы в суде. Церкви могут, помимо всего прочего, владеть имуществом, и любое вмешательство в эти права, в принципе, способно породить вопросы, подпадающие под статью 1 Протокола № 1¹⁹⁰.

В деле *Католическая церковь Канеи против Греции (Canea Catholic Church v. Greece)* отказ национальных судебных инстанций признать за церковью-заявителем обладание необходимым статусом юридического лица был успешно оспорен. Страсбургский Суд счел, что в результате такого решения церковь в тот момент и в будущем лишалась возможности разрешать любой спор по поводу имущества в национальных судах¹⁹¹.

¹⁸⁹ Свидетели Иеговы Москвы против России (*Jehovah's Witnesses of Moscow v. Russia*), пп.170-182, роспуск означал нарушение Статьи 9, толкуемой в свете Статьи 11, а в отказе в повторной регистрации заключалось нарушение Статьи 11, толкуемой в свете Статьи 9; см. также дело Церковь саентологии Москвы против России (*Church of Scientology Moscow v. Russia*), пп.94-98, нарушения Статьи 11, толкуемой вместе со Статьей 9.

¹⁹⁰ См., например, дело Святые монастыри против Греции (*Holy Monasteries v. Greece*), пп.54-66.

¹⁹¹ Католическая церковь Канеи против Греции (*Canea Catholic Church v. Greece*), пп.40-42.

В деле *Бессарабская митрополия и другие против Молдовы* (*Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova*) Страсбургский Суд отметил, что Статью 9 необходимо толковать в свете Статьи 6 и гарантий доступности справедливого судебного разбирательства для защиты религиозной общины, ее членов и ее имущества. Утверждение правительства о том, что оно проявляло терпимость по отношению к церкви и ее членам, не могло заменить факта ее признания, поскольку лишь такое признание давало, по национальному законодательству, лицам, о которых идет речь, права для защиты себя от недружелюбных действий. Следовательно, отказ в признании церкви привел к таким последствиям для прав заявителей по Статье 9, которые нельзя считать необходимыми в демократическом обществе¹⁹². Таким образом, у религиозных сообществ должно быть право на справедливое судебное разбирательство для установления гражданских прав и обязанностей общины в понимании Статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека.

Требование нейтральности государства: контроль над местами богослужения

Государственное регулирование религиозных организаций может включать и такие меры, как ограничения на вход для религиозных лидеров¹⁹³ и наложение ограничений в отношении считающихся особо важными мест богослужения¹⁹⁴. И здесь необходимо тщательно следить за тем,

¹⁹² Бессарабская митрополия и другие против Молдовы (*Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova*), пп.101-142, имущество, включая предметы гуманитарной помощи; см. также дело Пентидис и другие против Греции (*Pentidis and others v. Greece*), п.46.

¹⁹³ См. дело Эль Маджауи и Фонд Туба Моск против Нидерландов (*El Mijjaoui u Stichting Touba Moskee v. the Netherlands*), реш., кандидат в имамы из страны вне Европейского союза не получил разрешения на работу: дело было признано приемлемым, но было вычеркнуто из списка после передачи в Большую Палату и после получения разрешения; и дело Нолан и К против России (*Nolan u K v. Russia*), пп.61-79, отказ в повторном въезде в страну миссионеру Церкви Объединения и его сыну по негласному распоряжению службы безопасности: нарушение Статьи 9, нет необходимости рассматривать вопросы по Статье 14 в совокупности со Статьей 9.

¹⁹⁴ Например, дело Чаппелл против Соединенного Королевства (*Chappell v. the United Kingdom*); ср. дело Логан против Соединенного Королевства (*Logan v. the United Kingdom*), реш..

чтобы законные соображения, лежащие в основе разумного обоснования таких мер, не использовались в иных целях, а именно отдания предпочтения либо препятствования деятельности той или иной определенной религии.

Градостроительный контроль дает еще один пример необходимых в общественных интересах мероприятий, которые тем не менее могут выполняться с недобросовестными намерениями. Например, в деле *Мануссакис и другие против Греции (Manoussakis and others v. Greece)* национальное законодательство требовало от религиозных организаций получения формального разрешения на использование культовых зданий. Свидетели Иеговы безуспешно пытались получить такое разрешение и затем были признаны виновными в несанкционированном использовании здания для отправления культа. Страсбургский Суд признал, что национальные власти имеют право на принятие мер, направленных на выяснение, не грозит ли деятельность религиозного объединения потенциальным ущербом другим, однако, это не означает, что государству позволено определять законность убеждений или способов выражения таких убеждений. В данном случае имел значение и контекст, в котором возникло заявление в Суд:

«Право на свободу религии в том виде, как оно гарантировано Конвенцией, исключает какую-либо свободу усмотрения со стороны государства в определении законности религиозных убеждений или способов выражения таких убеждений. Соответственно, Суд придерживается мнения, что требование получения разрешения по национальному законодательству совместимо с положениями Статьи 9 Конвенции, поскольку это позволяет министру удостовериться в выполнении формальных условий, установленных этими законодательными актами.

Из свидетельских показаний и многочисленных других дел, приведенных заявителями и не оспариваемых правительством, видно, что государство часто использовало возможности,

предоставленные национальным законодательством, для установления жестких или фактически запретительных условий на отправление религиозных культов некоторыми неправославными движениями, в частности, обществом Свидетелей Иеговы.

...В большом числе судебных прецедентов в этой области просматривается ясная тенденция использования этих положений административными и церковными властями для ограничения деятельности религиозных групп, не относящихся к православной церкви».

Знаменательным было то, что разрешение все еще ожидалось в момент вынесения решения Страсбургским Судом и что это разрешение должно было исходить не только от должностных лиц государства, но и от местного епископа. Суд определил, что такое разрешение нельзя квалифицировать как пропорциональную реакцию¹⁹⁵. Здесь требуется занять строго нейтральную позицию, поскольку вовлечение в процедуру другой церковной инстанции, пользующейся признанием государства, является неуместным».

Ситуации, в которых жесткие (или фактически запретительные) условия налагаются на последователей определенных вероисповеданий, должны, однако, рассматриваться отлично от тех, в которых заявитель стремится изменить результат градостроительных решений, принятых объективно и нейтрально.

¹⁹⁵ Мануссакис и другие против Греции (*Manoussakis u others v. Greece*), пп.44-53, в п.48; см. также дело Христианская ассоциация Свидетелей Иеговы против Болгарии (*Khristiansko Sdruzhenie "Svideteli na Iehova" (Christian Association Jehovah's Witnesses) v. Bulgaria*), приостановление регистрации объединения, за которым последовали аресты, роспуск собраний в общественных и частных местах и конфискация религиозных материалов: объявлено приемлемым по Статьям 6, 9-11 и 14 и 9 марта 1998 достигнуто мировое соглашение; дело Институт французских священнослужителей и другие против Турции (*Institute of French Priests u others v. Turkey*), мировое соглашение, решение турецких судов зарегистрировать участок земли во владении Института от имени государственных органов на том основании, что Институт больше не имеет права считаться религиозной организацией, т.к. он сдал часть недвижимости для использования в спортивных целях: достигнуто мировое соглашение после признания пожизненного владения в пользу священнослужителей, представивших Институт.

В деле *Вергос против Греции* (*Vergos v. Greece*) заявителю отказали в разрешении на строительство молитвенного дома для общины на участке земли, принадлежавшем ему по праву собственности, на том основании, что землеустроительный план не позволял строить подобные здания и что заявитель в любом случае был единственным в городе членом своей религиозной общины. В результате градостроительные власти пришли к заключению, что общественной потребности, оправдывающей изменение плана для строительства молитвенного дома, не существует. Определяя, что данное вмешательство было «необходимо в демократическом обществе», Страсбургский Суд признал, что критерий, примененный национальными властями при определении сравнительной ценности свободы исповедания своей религии заявителем и общественного интереса в рациональном градостроительном планировании, не может считаться произвольным. Учитывая свободу усмотрения государства в вопросах планировки населенных пунктов, нельзя поступаться общественным интересом в угоду богослужебной потребности единственного последователя религиозной общины, имеющей к тому же молитвенный дом в соседнем городе¹⁹⁶.

Требование нейтральности государства: вмешательство во внутренние разногласия между верующими одной религиозной общины

Дела, в которых государственные власти пытались вмешаться в вопросы внутренних разногласий между членами одной религиозной общины, иллюстрируют взаимосвязь между правом на свободу религии и правом на свободу объединений.

¹⁹⁶ Вергос против Греции (*Vergos v. Greece*), пп.36-43.

Статья 9 в свете толкований Статьи 11 содержит в себе предположения, что подобному сообществу предоставляется возможность функционировать без произвольного вмешательства государства, и, следовательно, государственные меры, позволяющие оказывать предпочтение какому-либо конкретному лидеру или группе в подверженной разногласиям религиозной общине либо преследующие цель заставить организацию или ее часть объединиться под общим руководством против своей воли, представляли бы собой посягательство на свободу вероисповедания¹⁹⁷.

В любом случае некоторая напряженность является лишь неизбежным следствием плюрализма¹⁹⁸. И для определения, имело ли место «вмешательство» в права верующих, недовольных результатом интервенции государства, не имеет значения то, что они вольны были создать новую религиозную организацию¹⁹⁹. Вмешательства во внутренние разногласия между группами верующих, вероятно, будут считаться преследующими законные цели предотвращения беспорядков и защиты прав и свобод других лиц. Несмотря на то, что некоторая степень регулирования, возможно, необходима для защиты интересов и убеждений личности, государственные власти должны заботиться о соблюдении должной нейтральности и беспристрастности, поскольку автономия религиозной общины представляет собой необходимый компонент плюралистического демократического общества, в котором сосуществуют несколько религий или деноминаций одной религии²⁰⁰.

¹⁹⁷ Высший духовный совет мусульманской общины против Болгарии (*Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria*), в п.73.

¹⁹⁸ Агга против Греции № 2 (*Agga v. Greece (no. 2)*), пп.56-61.

¹⁹⁹ Священный синод Болгарской православной церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии (*Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church (Metropolitan Inokentiy) u others v. Bulgaria*), пп.122-160.

²⁰⁰ Миролубов и другие против Латвии (*Miroļubovs u others v. Latvia*), пп.82-96.

В деле *Высший духовный совет мусульманского сообщества против Болгарии (Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria)* Страсбургский Суд призвали определить, было ли вмешательство, вызванное попытками государственных органов уладить издавна существовавшие конфликты внутри мусульманской религиозной общины, «необходимым в демократическом обществе». Суд посчитал, что доказать это не удалось:

«Суд снова заявляет, что автономное существование религиозных общин необходимо для плюрализма в демократическом обществе. Несмотря на то, что в государстве может возникать необходимость в принятии мер для примирения интересов различных религий и религиозных групп, сосуществующих в демократическом обществе, государство обязано оставаться нейтральным и беспристрастным при осуществлении своих регулирующих полномочий и в своих отношениях с различными религиями, деноминациями и конфессиями. На карту здесь поставлено сохранение принципа плюрализма и должное функционирование демократии, одной из главных характеристик которой является предоставление возможностей для разрешения даже очень болезненных проблем страны посредством диалога.

В настоящем деле примененное законодательство и практика, а также действия властей имели эффект принуждения разделенной разногласиями общины к объединению под общим руководством против воли одной из соперничающих руководящих групп. В результате одной из групп было оказано предпочтение, а другая была исключена и лишена возможности продолжать автономно управлять делами и имуществом той части общины, которая ее поддерживала. <...> Правительство не объяснило, почему в настоящем случае цель восстановления законности и справедливости не была достижима иными средствами, без принуждения разделенной общины к единению под общим руководством».

Необходимость таких мер, следовательно, установлена не была. Знаменательно и то, что в данной ситуации принятые меры в любом случае не увенчались успехом, так как конфликты в общине продолжались. Хотя у властей и была определенная «свобода усмотрения» в определении мер, которые следовало принять в таких обстоятельствах, в данном случае они вышли за пределы этой свободы. Соответственно, вмешательство со стороны властей представляло собой нарушение Статьи 9²⁰¹.

Таким образом, принятие государственными органами мер по удержанию религиозной общины под единым руководством или по объединению ее под таким руководством трудно оправдать в случае их оспаривания, причем даже тогда, когда меры, предположительно, принимаются в интересах общественного порядка. Ответственность властей за содействие плюрализму и терпимости, несомненно, имеет приоритет перед любыми аргументами об упорядочении управления или важности обеспечения эффективного духовного руководства.

В деле *Сериф против Греции (Serif v. Greece)* заявитель был избран муфтием, т.е. мусульманским религиозным руководителем, и приступил к исполнению обязанностей в этом качестве. Однако для этого он не получил требуемых государственных полномочий и против него было возбуждено уголовное дело за узурпацию функций священнослужителя «известной религии» с целью защитить авторитет другого муфтия, заручившегося необходимым официальным признанием. Страсбургский Суд признал, что последовавшее в результате этого процесса осуждение преследовало правомерную цель охраны общественного порядка. Однако Суд не был убежден в том, что государственные меры, позволяющие оказывать предпочтение какому-либо конкретному лидеру

²⁰¹ Высший духовный совет мусульманской общины против Болгарии (*Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria*), пп.93-99 и пп.93-95.

или группе в подверженной разногласиям религиозной общине либо преследующие цель заставить организацию или ее часть объединиться под общим руководством против своей воли, представляли бы собой посягательство на свободу вероисповедания.

Случаев местных беспорядков не было, а предположение правительства-ответчика о возможных международных дипломатических осложнениях касалось лишь отдаленной возможности. В любом случае функцией государства в таких ситуациях является поддержка плюрализма, а не стремление к его ликвидации:

«Хотя Суд признает, что разделение внутри религиозной или любой иной общины может создавать напряженность, он считает это одним из неизбежных следствий плюрализма. Роль властей в таких обстоятельствах заключается не в устранении причины напряженности путем искоренения плюрализма, а в обеспечении взаимной терпимости конкурирующих групп»²⁰².

Аналогичная ситуация возникла в деле *Агга против Греции № 2* (*Agga v. Greece (no.2)*). Здесь заявитель был избран верующими на пост муфтия в одной из мечетей. Результат выборов был аннулирован государственными чиновниками, которые затем назначили взамен ему другого муфтия. Заявитель отказался сложить полномочия и, вследствие этого, был осужден за правонарушение – узурпацию функций священнослужителя «известной религии», как это произошло и в деле Серифа. И здесь Суд с готовностью признал, что вмешательство было совершено в защиту считающегося законным интереса, а именно охраны общественного порядка. Применение уголовной ответственности было также предсказуемым. Однако и в этом случае Страсбургский Суд не смог убедиться в том, что вмешательство было «необходимо в

²⁰² Сериф против Греции (*Serif v. Greece*), пп.49-54.

демократическом обществе». Насущной общественной потребности во вмешательстве не было. По мнению Суда, «наказание лица только за то, что он являлся религиозным лидером группы, охотно за ним следовавшей, едва ли может считаться совместимым с требованиями религиозного плюрализма в демократическом обществе».

Хотя религиозные лидеры были признаны национальным законом как имеющие право на осуществление некоторых судебных и административных государственных полномочий, в данном случае ничто не указывало на то, что заявитель когда-либо пытался выполнять данные функции. Таким образом, меры защиты отдельных лиц от обмана, действительно, могут быть оправданы общественным интересом, поскольку действия священнослужителей в некоторой степени затрагивают правоотношения. Кроме того, поскольку напряженность в отношениях является неизбежным следствием плюрализма, в демократическом обществе не должно возникать необходимости в стремлении государства организовать единение религиозной общины под общим руководством путем оказания предпочтения одному лидеру перед другим²⁰³.

Другие гарантии Конвенции, оказывающие влияние на осуществление свободы совести и убеждений

Также будет уместно, хотя бы вкратце, рассмотреть вопросы, касающиеся свободы мысли, совести и религии, в свете других статей Европейской конвенции о защите прав человека. Особую важность приобретают положения Статьи 6 и Статьи 11 в отношении коллективного аспекта свободы вероисповедания. В частности, могут возникнуть вопросы, касающиеся родительских прав, при

²⁰³ Агга против Греции №2 (*Agga v. Greece (no. 2)*), пп.56-61.

предоставлении государственного образования в соответствии со статьей 2 Протокола №1, а в свете положений Статьи 10 вопросы об ограничении свободы самовыражения религиозных сообществ. Кроме того, необходимо отметить важность Статьи 14 о запрете дискриминации в осуществлении прав Конвенции. Дальнейшее обсуждение, однако, может быть лишь введением в эти дополнительные проблемы.

Религиозные убеждения и образование: статья 2 Протокола № 1

Вопросы, касающиеся уважения религиозных убеждений родителей при обеспечении права на образование их детей, могут возникнуть из трактовки статьи 2 Протокола № 1 Европейской Конвенции, которая гласит: «никому не может быть отказано в праве на образование», а также «государство при осуществлении функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям».

Право на уважение религиозных и философских убеждений относится к родителям ребенка, но не к самому ребенку²⁰⁴ или какой-либо школе, или религиозной ассоциации²⁰⁵. Но обязательство уважать данные убеждения родителей является вторичным по отношению к приоритетному праву ребенка на получение образования, вследствие чего это положение не может интерпретироваться таким образом, чтобы, например, в соответствии с родительским желанием для ребенка было

²⁰⁴ Эрикссон против Швеции (*Eriksson v. Sweden*), п.93.

²⁰⁵ Фонд христианских школ Ингрид Йордебо и Ингрид Йордебо против Швеции (*Ingrid Jordebo Foundation of Christian Schools and Ingrid Jordebo v. Sweden*), реш..

сделано исключение и ему было бы разрешено не посещать школу по субботам по религиозным соображениям²⁰⁶, не говоря уже о том, чтобы позволить ребенку учиться дома, а не в школе²⁰⁷.

В контексте этого положения образование предполагает «единый процесс, посредством которого в любом обществе взрослые стремятся передать свои убеждения, культуру и другие ценности молодым», в то время как «обучение или преподавание относится в основном к передаче знаний и интеллектуальному развитию». Уважение убеждений предполагает нечто большее, чем простое признание того факта, что родительские воззрения приняты во внимание, вместо этого оно «подразумевает некое положительное обязательство со стороны государства»²⁰⁸.

Понятие «религиозные и философские» убеждения значительно шире, чем понятие «вера». Таким образом, нельзя обойти стороной и такой вопрос, как дисциплинарные меры, сославшись, что это внутреннее дело администрации учебного заведения. В деле *Кэмпбелл и Козанс против Соединенного Королевства* (*Campbell and Cosans v. the United Kingdom*) родители учащихся возражали против применения телесного наказания. Европейский Суд признал, что взгляды заявителей отвечали параметрам философских убеждений в том, что они касались «важного и существенного аспекта человеческой жизни и поведения, а именно неприкосновенности личности» и, таким образом, проявление государством неуважения к этим убеждениям нарушило эту гарантию, т.к. «наложение дисциплинарных наказаний является неотъемлемой частью процесса,

²⁰⁶ Мартинс Касимиرو и Сервейра Феррейра против Люксембурга (*Martins Casimiro and Cerveira Ferreira v. Luxembourg*), реш..

²⁰⁷ Конрад и другие против Германии (*Konrad and others v. Germany*), реш., отказ в праве на домашнее образование родителям-христианам, которые были против образовательных дисциплин в частных или государственных школах в области сексуального воспитания, изучения сказок, насилия среди учеников: неприемлемо.

²⁰⁸ Кэмпбелл и Козанс против Соединенного Королевства (*Campbell and Cosans v. the United Kingdom*), пп.33 и 37; Валсамис против Греции (*Valsamis v. Greece*), п.27.

посредством которого школа стремится достичь целей, ради которых она учреждена, включая развитие и формирование характера и умственных способностей своих учащихся»²⁰⁹.

Подобные «философские убеждения» могут, очевидно, возникать в ходе планирования и осуществления учебного процесса, но заинтересованность государства в том, чтобы некая фактическая информация – включая информацию религиозного или философского характера – являлась бы частью школьной программы, может возобладать над родительскими воззрениями по этому поводу²¹⁰.

Более того, как подчеркнула Большая Палата по поводу дела *Лаутси и другие против Италии* (*Lautsi and others v. Italy*), организация образования и обучения, действительно, может отражать исторически сложившуюся и доминирующую религиозную принадлежность. Например, требование о наличии распятий в классах, обеспечивая религии большинства в Италии «преобладающую визуальность», не может само по себе обозначать процесса индоктринации, поскольку распятие является, в сущности, пассивным символом, влияние которого не сравнить с воздействием нравоучительных речей или участием в религиозных мероприятиях. Этот вывод подтверждается тем фактом, что учебная программа не включала в себя никаких обязательных уроков по христианству и, кроме того, предпринимала очевидные попытки дать общее представление о других верованиях и научить терпимости по отношению к убеждениям других²¹¹.

²⁰⁹ Кэмпбелл и Козанс против Соединенного Королевства (*Campbell and Cosans v. the United Kingdom*), пп.33-37, в п.36.

²¹⁰ Слуйс против Бельгии (*Sluijs v. Belgium*).

²¹¹ Лаутси и другие против Италии (*Lautsi and others v. Italy*), постановление БП, пп.62-77, п.71, нет нарушения статьи 2 Протокола № 1 и, таким образом, не возникает отдельной проблемы согласно Статье 9, статья 2 Протокола № 1 является *lex specialis* (специальным законом) в этой области.

Сущность гарантии заключается в «сохранении плюрализма и терпимости в государственном образовании и в запрещении идеологической обработки»²¹². Тем не менее, даже исключив индоктринацию, решения по таким вопросам оставлены на усмотрение национальных властей. В деле *Кьелдсен, Буск Мадсен и Педерсен против Дании* (*Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark*) родители воспротивились половому воспитанию своих детей. В основной части постановления, заключающей в себе подход к разрешению конфликта между интересами государства, учащихся и их родителей, Европейский Суд провел грань между передачей знаний, прямо или опосредованно религиозного или философского характера, и обучением, которое пытается привить конкретные ценности или философию без должного уважения к воззрениям родителей. Данное положение не «позволяет родителям возражать против внедрения такого обучения в школьный учебный план, поскольку иначе «всякое обучение в учебном заведении рискует оказаться неосуществимым», т.к. большинство школьных предметов содержит в себе «некие философские аспекты и выводы». Однако школа должна осуществлять образовательный процесс посредством преподавания или обучения так, чтобы информация и знания доводились «объективным, критическим и плюралистическим образом». Важнейшая гарантия направлена против преследования государством «цели индоктринации, которая может рассматриваться как неуважение к религиозным и философским убеждениям родителей», являясь «пределом, который не должен быть нарушен»²¹³.

²¹² W. и D.M., M. и H.I. против Соединенного Королевства (*W. and D.M., M. and H.I. v. the United Kingdom.*); см. также дело C.J., J.J и E.J. против Польши (*C.J., J.J. and E.J. v. Poland*) и дело Бернард и другие против Люксембурга (*Bernard and others v. Luxembourg*).

²¹³ Кьелдсен, Буск Мадсен и Педерсен против Дании (*Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark*), п.53.

Вопрос о том, имеет ли место подобная ситуация, требует тщательной оценки. По делу *Фолгеро и другие против Норвегии* (*Folgerø and others v. Norway*) Большая Палата постановила (хотя и незначительным большинством), что внедрение новой формы преподавания религии и философии в начальной школе не обеспечивает соблюдения прав родителей. Новая программа требовала уделять больше внимания знаниям о христианстве, хотя другие вероисповедания также должны были бы освещаться на уроках. Также было ограничено право родителей забирать своих детей с уроков по христианству, хотя раньше это было возможным.

У большинства членов Палаты упор на знания о христианстве сам по себе не вызывал возражений в свете той роли, которую христианство сыграло в истории и традициях страны. Однако подразумеваемая цель учебной программы – воспитание в духе христианства и морали, хотя и в сотрудничестве с семьей – предусматривала, что различия между христианством и другими религиями должны были быть не только количественными, но и качественными. Это, в свою очередь, поставило под сомнение заявленные цели учебной программы – исключение сектантского подхода и способствование плюрализму и взаимопониманию.

В этих обстоятельствах государству следовало должным образом обеспечить защиту родительских убеждений. Большинство членов Суда не были уверены в том, что эти мероприятия являлись достаточными для соблюдения требований статьи 2 Протокола № 1. Не только необходимость заблаговременно ставить родителей в известность об учебном плане с тем, чтобы они могли определить и отметить аспекты, несовместимые с их убеждениями, но и требование того, чтобы любая просьба об освобождении от занятий была убедительно обоснована, содержат в себе риск

того, что родители будут вынуждены раскрыть свои собственные религиозные и философские убеждения в неприемлемой степени.

Более того, школам было бы необходимо предоставить полномочия реагировать на просьбы о непосещении занятий путем удаления ребенка лишь с конкретного учебного мероприятия, а не из класса. На основании этих аргументов было сделано заключение о том, что организационный порядок был в высшей степени сложным и не способствовал тому, чтобы родители пользовались правом подать заявление об освобождении ребенка от занятий²¹⁴.

Вопросы, связанные с образованием, могут также возникнуть и в рамках Статьи 9, но влияние прецедентного права на принятие решений о ее применении в соответствии со статьей 2 Протокола № 1 очевидно. Требование уделять внимание моральному и социальному воспитанию в отсутствие каких-либо утверждений об индоктринации не ведет к возникновению коллизии с правами, прописанными в Статье 9²¹⁵. Отказ в разрешении не посещать школу по субботам сыновьям заявителей, адвентистов седьмого дня, по религиозным соображениям мог быть рассмотрен как воспрепятствование в проявлениях веры. Также не могло быть одобрено и общее освобождение от занятий, которое бы существенно нарушило право ребенка на образование – право, превалирующее над признанными правами родителей на уважение их религиозных убеждений²¹⁶.

²¹⁴ Фолгеро и другие против Норвегии (*Folgero and others v. Norway*), постановление БП, пп.85-102; см. также дело Хасан и Эйлем Зенгин против Турции (*Hasan and Eylem Zengin v. Turkey*), пп.58-77, программа религиозной культуры и этики не соответствует критериям объективности и плюрализма и ограничивает возможность освобождения от занятий: нарушение.

²¹⁵ Бернард и другие против Люксембурга (*Bernard and others v. Luxembourg*).

²¹⁶ Мартинс Касими́ро и Сервейра Феррейра против Люксембурга (*Martins Casimiro and Cerveira Ferreira v. Luxembourg*), реш..

Свобода выражения мнения и свобода мысли, совести и религии: Статья 10

В некоторых делах рассматривается, насколько ограничения свободы мысли, совести и религии совместимы с гарантиями свободы выражения мнения Статьи 10. Осуществление этого права группами или лицами, стремящимися убедить других, лучше рассматривать в свете гарантий Статьи 10, если только это явно не затрагивает «исповедания» веры²¹⁷. Например, ограничение на количество расходов в период предвыборной кампании было успешно оспорено неким борцом с абортами как несоразмерное ограничение свободы выражения мнения²¹⁸. Более того, высказывание, которое является коммерческой рекламой по своей сути, может быть ограничено на основании того, что это необходимо для защиты общества от вводящих в заблуждение утверждений²¹⁹.

Более сложным делом о религиозной рекламной деятельности является дело *Мерфи против Ирландии* (*Murphy v. Ireland*), в ходе которого отказ в разрешении разместить религиозную рекламу на телевидении был оспорен заявителем на основании Статей 9 и 10 Европейской Конвенции. Хотя заявитель согласился с тем, что Статья 10 может допускать ограничения свободы выражения религиозных убеждений, которые могли бы оскорбить религиозные чувства других людей, он также утверждал, что любой индивидуум не защищен от влияния религиозных высказываний лишь из-за того, что они не согласовываются с его собственными. В первую очередь Европейский Суд обратил внимание на контроль средств выражения, а не на исповедание заявителем религиозных убеждений,

²¹⁷ См. обсуждение дела Эрроусмит против Соединенного Королевства (*Arrowsmith v. the United Kingdom*) выше, на стр.37.

²¹⁸ Боуман против Соединенного Королевства (*Bowman v. the United Kingdom*), пп.35-47.

²¹⁹ X и Церковь саентологии против Швеции (*X and Church of Scientology v. Sweden*).

и поэтому дело было решено в терминах Статьи 10. Государственные власти были информированы лучше, чем международный суд, для принятия решения о необходимости действий по регулированию свободы выражения мнения в отношении вопросов, могущих оскорбить глубокие личные убеждения.

Такая «свобода усмотрения» особенно уместна в отношении ограничения свободы слова в вопросах религии, поскольку то, что может нанести серьезное оскорбление людям, придерживающимся определенных религиозных убеждений, в значительной степени зависит от времени и места, особенно в регионе, который характеризуется возрастающим разнообразием вероисповеданий и конфессий.

В результате Суд признал, что государство-ответчик, учитывая религиозные настроения в ирландском обществе, имело все основания решить, что транслирование какой-либо религиозной рекламы могло быть сочтено оскорбительным. Национальные суды отметили, что религия и прежде была предметом разногласий в обществе. Ирландцы, придерживающиеся религиозных убеждений, обычно принадлежат к одной определенной церкви, следовательно, религиозная реклама другой церкви могла быть сочтена агрессивной и интерпретирована как прозелитизм, поэтому государственные власти были вправе считать, что граждане Ирландии могут быть возмущены тем, что реклама, затрагивающая эту тему, транслировалась бы в их домах. Европейский Суд также счел важным, что запрет касался только аудиовизуальных средств коммуникации, которые оказывают «более непосредственное, навязчивое и мощное воздействие». Заявитель по-прежнему мог заниматься рекламой через местные и национальные газеты и сохранял за собой право, как и любой другой гражданин, участвовать в программах религиозного содержания, собраниях и прочих

массовых мероприятиях. Таким образом, в рамках Статьи 10 имелись в высшей степени «убедительные причины», оправдывающие полный запрет на трансляцию религиозной рекламы²²⁰.

Из таких дел становится очевидным, что контекст, в котором произносится слово, имеет особый вес. В данном случае каналом коммуникации служило телевидение. Хотя, возможно, не было бы ошибочным отнести данное судебное решение к категории таких, где «свобода усмотрения» была истолкована особенно широко, поскольку международный судебный форум должен был проявить особую осторожность, воздержавшись от вмешательства во внутригосударственные процессы принятия решений по чувствительным вопросам. С другой стороны, можно было бы возразить, что данное решение едва ли способствует утверждению ценностей плюрализма и терпимости.

С этим связан еще один вопрос – до каких пределов государство вправе принимать меры против свободы выражения мнения в целях защиты религиозных чувств приверженцев той или иной веры путем предотвращения или наказания за демонстрацию оскорбительных или агрессивных материалов, которые могут через осмеяние препятствовать верующим в отравлении культа или исповедании веры.

Объем гарантий свободы выражения мнения Статьи 10 в конечном счете охватывает и такие идеи, которые «оскорбляют, шокируют или возмущают»²²¹, но в любом случае сохранение плюралистического общества требует того, чтобы приверженцы той или иной веры были согласны с тем, что их убеждения могут стать мишенью для критики или вызывать распространение идей,

²²⁰ Мерфи против Ирландии (*Murphy v. Ireland*), пп.65-82, в п. 67.

²²¹ Хендисайд против Соединенного Королевства (*Handyside v. the United Kingdom*), п.49.

прямо оспаривающих их взгляды. Вместе с тем агрессивные высказывания, целью которых является возбуждение недобрых чувств в отношении группы в обществе, так называемые «ксенофобские высказывания», вряд ли получают защиту, в особенности в свете Статьи 17 Европейской Конвенции, которая запрещает злоупотребление правами.

Однако зачастую трудно провести различие между агрессивными и просто непопулярными высказываниями. Продолжительная кампания преследования со стороны частных лиц или организаций может стать причиной ответственности государства²²², но, с другой стороны, вполне законно то, что люди вправе подвергать критике религиозные группы, в особенности если критика затрагивает потенциально опасный характер их деятельности и звучит на политическом форуме, где открыто обсуждаются вопросы, представляющие общественный интерес²²³.

Страсбургский Суд признает, что добросовестная реализация прав, гарантированных верующим Статьей 9, по меньшей мере оправдывает действия государства против распространения высказываний, являющихся богохульными или необоснованно оскорбительными в отношении объектов религиозного культа. Но необходимо внимательно следить, чтобы цели плюрализма не пострадали в результате принятых мер. Например, в деле *Институт Отто Премингера против Австрии* (*Otto-Preminger-Institut v. Austria*) власти приказали конфисковать фильм, высмеивающий верования римских католиков. Интерпретируя свободу выражения мнения, гарантированную Статьей 10, Европейский суд по правам человека подтвердил, что национальные власти могут посчитать необходимым принять меры для защиты приверженцев религиозных верований против «провокационных изображений объектов религиозного культа», где это представляет собой

²²² Церковь саентологии против Швеции (*Church of Scientology v. Sweden*), реш..

²²³ См. дело Джерусалем против Австрии (*Jerusalem v. Austria*), пп.38-47.

«злонамеренное нарушение духа терпимости, который также должен быть признаком демократического общества».

Тесная связь между Статьей 9 и Статьей 10 состоит в следующем:

«...у тех, кто открыто выражает свою религиозную веру, независимо от принадлежности к религиозному большинству или меньшинству, нет разумных оснований ожидать, что они останутся вне критики. Они должны проявлять терпимость и мириться с тем, что другие отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере. Однако способы критики или отрицания религиозных учений и убеждений могут повлечь за собой ответственность государства, если оно не обеспечивает спокойного пользования правом, гарантированным Статьей 9, всем, кто придерживается этих учений и убеждений. В экстремальных ситуациях результат критики или отрицания религиозных убеждений может быть таким, что воспрепятствует свободе придерживаться или выражать такие убеждения»²²⁴.

Подобным же образом в деле *Уингроув против Соединенного Королевства (Wingrove v. the United Kingdom)* Европейский Суд отклонил жалобу по Статье 10, касающуюся отказа в лицензировании видеофильма, оцененного местными властями как богохульный на том основании, что не было неразумным считать, что вмешательство в право на свободу выражения мнения может быть оправдано защитой прав христиан²²⁵.

²²⁴ Институт Отто Премингера против Австрии (*Otto-Preminger-Institut v. Austria*), пп.56 и 57.

²²⁵ Уингроув против Соединенного Королевства (*Wingrove v. the United Kingdom*), п.60; см. также дело I.A. против Турции (*I.A. v. Turkey*), пп.21-32, осуждение, приведшее к умеренным санкциям за богохульство в работе, рассматривающей философские и теологические вопросы, но не без клеветнических нападок на пророка Мухаммеда: нет нарушения Статьи 10, т.к., несмотря на приверженность Турции секуляризму, для практикующих мусульман было законно расценивать эту работу как необоснованные и агрессивные нападки на них.

Эти случаи говорят в пользу того, что государство может предпринимать действия против высказываний, которые являются неоправданно оскорбительными. В обоих случаях более важен способ, которым мнения были высказаны, нежели содержание этих мнений. Другие дела, вызвавшие общественный резонанс²²⁶ или дискуссию по поводу исторических событий и роли религиозных лидеров²²⁷, повлекли за собой усиление защиты свободы выражения мнения.

Однако в таких делах, как *Мерфи против Ирландии* (*Murphy v. Ireland*), о котором речь шла выше, может показаться, что решение об ограничении свободы выражения мнения принимается даже в тех случаях, когда нелегко допустить, что оскорблением может быть сочтено простое признание самого факта существования другой религии или интерпретации религиозных убеждений²²⁸. Не все высказывания, считающиеся оскорбительными, шокирующими или беспокоящими по отношению к чувствам религиозного сообщества, могут (или должны) выпадать за пределы защиты, предоставляемой Статьей 10²²⁹. В принципе, кажется обоснованным, что защита, гарантированная

²²⁶ См., например, дело Ассоциация художников против Австрии (*Vereinigung Bildender Künstler v. Austria*), пп.26-39, в п.8: данная живописная работа «изображала коллаж из различных общественных деятелей, таких как Мать Тереза, австрийский кардинал ... и бывший глава Австрийской партии свободы ... в сексуальных позах», и в п.33: «сатира есть форма художественного выражения и общественного отклика и, в силу присущих ей свойств преувеличения и искажения, естественным образом имеет целью провоцировать и будоражить».

²²⁷ Гиниевски против Франции (*Giniewski v. France*), пп.43-56, осуждение за диффамацию христиан и, в частности, римских католиков в виде публикации критической статьи об энциклической роли Папы и Римско-католической церкви в Холокосте: нарушение, поскольку статья была написана журналистом и историком и касалась предмета бесспорного общественного интереса, и не имела целью нападки на религиозные убеждения как таковые, а ограничивалась обращением к позиции Папы.

²²⁸ См. выше: стр.124.

²²⁹ См. дело Церковь саентологии и 128 ее членов против Швеции (*Church of Scientology and 128 of its members v. Sweden*), реш.; дело Патюрель против Франции (*Paturel v. France*), пп.31-51, обвинение в диффамации по иску члена Свидетелей Иеговы: нарушение Статьи 10, т.к. рассматриваемые выражения, которые были признаны порочащими, являлись оценочными суждениями, основанными на достаточных фактических основаниях, а не простыми утверждениями о фактах; а также дело Айдин Татлав против Турции (*Aydin Tatlav v. Turkey*), пп.21-31, сильная критика религии, но не нападки на мусульманскую веру: санкции явились нарушением Статьи 10.

Статьей 9, должна ограничиваться тем, что является «злонамеренным нарушением духа терпимости».

В деле *Кляйн против Словакии*, например, осуждение журналиста за диффамацию высокопоставленного представителя Римско-католической церкви в Словакии и оскорбление тем самым группы граждан и их католической веры, было сочтено нарушением Статьи 10. Журналист написал критическую статью о попытках архиепископа помешать распространению фильма на основании его богохульного характера и образов, имеющих сексуальную коннотацию; статья также содержала намеки на предполагаемое сотрудничество архиепископа с прежним коммунистическим режимом. Однако, хотя мнение было изложено в сильных выражениях, оно было опубликовано в еженедельнике, выходящем ограниченным тиражом, статья касалась исключительно архиепископа и не содержала неуместных выпадов против права верующих выражать и исповедовать свою религию, а также не порочила содержание их вероисповедания²³⁰.

Вопросы, связанные с медицинским обслуживанием: Статья 8

Национальные суды иногда сталкиваются с ситуациями, когда отказ от необходимого лечения обосновывается соображениями совести или убеждений (например, отказ от процедур, требующих переливания крови). Большинство национальных правовых систем признают и уважают абсолютное право совершеннолетнего человека, не страдающего умственной неполноценностью, принимать решения относительно своего лечения, включая право отказаться от лечения, даже если это влечет за собой риск для жизни.

²³⁰ Кляйн против Словакии (*Klein V. Slovakia*), пп.45-55.

Подобным же образом этот принцип автономии или самоопределения признается Статьей 8. «В сфере медицины отказ от прохождения определенного курса лечения может с неизбежностью привести к фатальному исходу, тем не менее проведение лечения без согласия психически вменяемого совершеннолетнего человека нарушило бы его физическую неприкосновенность, затрагивая, таким образом, права, защищаемые п. 1 Статьи 8 Европейской конвенции»²³¹. До этой степени принятие решений индивидуумом на основании его личных убеждений и совести представляется ненарушенным. Далее, Статья 8 охватывает исполнение родительских обязанностей, включая право принимать решения относительно воспитания детей и их лечения²³². При том что эта тема недостаточно рассматривается прецедентным правом Суда, принцип, очевидно, предполагает, что такие полномочия должны подлежать соответствующим ограничениям ради защиты и благополучия детей, особенно в случаях, когда возникает угроза жизни и когда противостоящие соображения, в частности, позитивная обязанность государства стремиться к защите жизни, являются очень значимыми. Подобным же образом можно было бы допустить вмешательство государства в права тех совершеннолетних, состояние здоровья которых делает их уязвимыми для неправомерного давления, или тех, кто не может считаться вполне способным к принятию решений относительно своего лечения²³³.

²³¹ Претти против Соединенного Королевства (*Pretty v. The United Kingdom*), п.83.

²³² См. дело Нильсен против Дании (*Nielsen v. Danmark*), п.61, семейная жизнь в этом смысле и в особенности права родителей осуществлять родительскую опеку над своими детьми в сочетании с соответствующими родительскими обязанностями признаны и защищены Конвенцией, в частности, Статьей 8: несомненно, осуществление родительских прав является фундаментальным элементом семейной жизни.

²³³ См. дело Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), обсуждавшееся на стр.64, и дело Кинан против Соединенного Королевства (*Keenan v. The United Kingdom*), пп.88-101; далее дело Рьера Блюм и другие против Испании (*Riera Blume and others v Spain*), пп.31-35, жалобы по поводу того, что «депрограммирующее обращение» повлекло нарушение Статьи 9, не были рассмотрены, поскольку было установлено нарушение Статьи 5.

Признание государством решений религиозных инстанций: Статья 6

В некоторых случаях Страсбургскому Суду приходится рассматривать проблемы, возникающие в результате исполнения государственными властями решений, принятых религиозными инстанциями, относительно применения гарантии беспристрастного рассмотрения дела в соответствии со Статьей 6. При решении таких проблем применимы общие принципы толкования.

В деле *Пеллегрини против Италии (Pellegrini v. Italy)* заявитель оспаривал процессуальные действия в отношении постановления о признании брака недействительным, принятого ватиканским судом и объявленного имеющим юридическую силу итальянским судом. Ключевым был вопрос о том, должным ли образом этот национальный суд выяснил, насколько гарантии Статьи 6 были соблюдены в церковном судопроизводстве, прежде чем распорядиться об исполнении этого постановления. Поскольку Европейский Суд пришел к выводу, что итальянские суды не удостоверились в беспристрастности рассмотрения дела в церковном суде, прежде чем распорядиться об исполнении постановления церковного суда, что необходимо делать, когда решение, в отношении которого испрашивается приказ на исполнение, исходит от судебных властей страны, не применившей Конвенцию, нарушение Статьи 6 имело место²³⁴.

Дискриминация на основе религии или убеждений

Защита мысли, совести и религии подкрепляется также двумя другими положениями.

²³⁴ Пеллегрини против Италии (*Pellegrini v. Italy*), пп.40-48.

Во-первых, Статья 14 Конвенции однозначно указывает на религиозные верования в качестве примера основания, запрещенного для дискриминационного обращения:

«пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

Во-вторых, Протокол № 12 (равно как и Статья 14) указывает на недопущение дискриминации, глася, что «пользование любым правом, признанным законом, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любого иного обстоятельства».

Запрещение дискриминации, согласно Статье 14, безусловно, имеет ограничения, поскольку оно применимо только к «правам и свободам», признанным Европейской конвенцией о защите прав человека. Протокол № 12, таким образом, устанавливает дополнительную защиту против дискриминационного обращения в тех странах, которые ратифицировали этот договор. Тем самым оба положения пытаются предотвратить фактическое осуществление индивидуальных прав на основании *inter alia* убеждений.

Важность этих положений отмечена в международном правовом документе: «дискриминация людей на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности и отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций»²³⁵. Контекст, в котором применяются Статья 14 и Протокол №12, может также иметь последствия для тех, кто стремится распространять идеологии, не уважающие основополагающие ценности, так как оживление религиозного фундаментализма бросает вызов плюрализму и общественной терпимости и требует адекватного ответа со стороны национальных властей. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ и Приложение (1990), например, «четко и безоговорочно осуждают тоталитаризм, расовую и этническую ненависть, антисемитизм, ксенофобию и дискриминацию против кого бы то ни было, а также преследование по религиозным и идеологическим мотивам».

Статья 14

Как ясно из положений Статьи 14, она не предоставляет отдельных или основных прав, а, скорее, выражает принцип, применяемый в отношении гарантий. Однако Статья 14 имеет фундаментальное значение, поскольку посягательство на то или иное право, которое не было признано нарушением, может тем не менее оказаться таковым при толковании в совокупности со Статьей 14. В этом случае сфера защиты может быть шире, чем может показаться изначально.

²³⁵ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г., статья 3.

В деле *Союз церквей «Слово жизни» и другие против Хорватии (Savez Crkava “Riječ Života” and others v. Croatia)* реформаторские церкви подали жалобу на то, что они не могут, в отличие от других религий, добиться признания религиозных браков, заключенных в соответствии со своими ритуалами, наравне с гражданским браком или добиться разрешения вести религиозное воспитание в государственных школах. Государство-ответчик возразило, что Статья 9 не содержит в себе обязательств ни признавать религиозные браки, ни разрешать религиозное воспитание в государственных школах. Хотя Суд согласился с этой частью доводов, он тем не менее вывел другое заключение:

«Суд <...> повторяет, что Конвенция, включая п. 1 Статьи 9, не может трактоваться таким образом, что на государства якобы возлагается обязательство признавать юридическую силу церковных браков в той же мере, что и гражданских. Таким же образом, право исповедовать религию в обучении, гарантируемое п. 1 Статьи 9 Конвенции, по мнению Суда, не заходит настолько далеко, чтобы обязывать государства разрешать религиозное воспитание в школах или дошкольных учреждениях.

Однако Суд считает, что заключение церковного брака, которое приравнивается к исполнению религиозного ритуала, и преподавание религии представляют собой проявление вероисповедания в понимании п. 1 Статьи 9 Конвенции. Суд также отметил, что Хорватия позволяет определенным религиозным сообществам вести религиозное воспитание в государственных школах и дошкольных учреждениях и признает заключаемые ими церковные браки. Суд повторяет в этой связи, что запрет на дискриминацию, закрепленный в Статье 14 Европейской Конвенции, распространяется также и на те дополнительные права в расширенных пределах действия любой Статьи Конвенции, которые государство добровольно решит предоставить. Соответственно, в

контексте Статьи 14 государство, выходящее за пределы обязательств Статьи 9 в признании таких прав, не может, при осуществлении этих гарантий, предпринимать дискриминационные меры. Следовательно, хотя Хорватия не обязана в соответствии со Статьей 9 Европейской Конвенции разрешать религиозное воспитание в государственных школах и дошкольных учреждениях или признавать церковные браки, факты рассматриваемого дела, тем не менее, подпадают под расширенное действие этой Статьи. Соответственно, Статья 14 Конвенции, толкуемая в совокупности со Статьей 9, применима к данному случаю»²³⁶.

Заявитель в первую очередь должен определить, имеется ли ситуация, сравнимая с его ситуацией, где с заявителем обошлись бы иным образом, чем со значимым объектом сравнения. Положение лица, придерживающегося гуманистических убеждений и желающего применить приобретенные знания в отношениях с другими людьми, не идентично, например, положению священнослужителя²³⁷. Перечень запрещенных оснований для дискриминации квалифицируется фразой «такие основания, как» и не является исчерпывающим, а всего лишь иллюстративным. Дискриминация не должна основываться на личных свойствах или, например, географическом положении. «Статус», впрочем, необязательно зависит от свойства врожденного или имманентно связанного с идентичностью или личностью индивидуума (такие как пол или раса)²³⁸, но поскольку текст Статьи 14 намеренно упоминает различия в обращении на основании «религии, политических или иных убеждений», этот вопрос не представляет трудностей в отношении различий в обращении, подпадающих под действие Статьи 9.

²³⁶ Союз церквей «Слово жизни» и другие против Хорватии (*Savez Crkava "Riječ Života" and others v. Croatia*), пп.56-58.

²³⁷ Петерс против Нидерландов (*Peters v. the Netherlands*).

²³⁸ Клифт против Соединенного Королевства (*Clift v. The United Kingdom*), пп.55-62.

Так как на практике может оказаться затруднительным получить достаточные доказательства (*prima facie*) дискриминации, даже если такая дискриминация существует (если, например, недискриминационная норма применяется дискриминационным образом, представляя собой непрямую дискриминацию), то в области дискриминации должны применяться «менее строгие правила доказывания» с целью гарантировать заинтересованным лицам «эффективную защиту их прав», что недавно было признано Страсбургским Судом по делу *D.H. и другие против Чешской Республики (D.H. and others v. the Czech Republic)*. Этот случай касается помещения цыганских детей в отдельные классы, но такая же озабоченность возникает и в отношении сегрегации по признаку вероисповедания.

Суд счел, что

«уровень убедительности, необходимый для принятия определенного решения и распределения бремени доказывания, по существу, связан со спецификой фактов, характером поданного заявления и тем правом по Конвенции, которое рассматривается в данном случае».

Таким образом,

«когда дело касается оценки воздействия данной меры на лицо или группу, то для установления доказательства *prima facie* («доказательства, достаточного при отсутствии опровержения»), которое заявитель должен представить, будет достаточно статистики, при критическом рассмотрении представляющейся надежной».

В данном случае, статистика, показывающая, что более 50% цыганских детей были помещены в спецшколы для не столь способных детей по сравнению с менее чем 2% нецыганских детей,

подтвердила, что образовательные тесты, на основании которых распределялись дети, были небеспристрастны в отношении цыганских детей²³⁹.

Если установлен значимый объект сравнения, необходимо показать разницу в обращении для объективного обоснования, и это обязательство возлагается на государство. Таким образом, разница в обращении не является автоматически дискриминационной в понимании Статьи 14, но будет считаться таковой, если она не преследует законной цели или отсутствует обоснованная пропорциональная связь между употребленными средствами и поставленной целью.

Краткий обзор прецедентного права иллюстрирует применение теста. В деле *Алухер Фернандес и Кабальеро Гарсиа против Испании* (*Alujer Fernández and Caballero García v. Spain*) налогоплательщики заявили, что они не могли направить часть выплат на поддержку своих собственных религиозных сообществ, что явилось дискриминационным отношением. Европейский Суд отметил, что

«свобода религии не предполагает, что церквям или их членам должен быть присвоен налоговый статус, отличный от других налогоплательщиков».

Однако там, где такие соглашения или мероприятия существуют, они, в принципе, не противоречат требованиям Статей 9 и 14 Конвенции при условии, что имеется объективное и убедительное обоснование различия в обращении и что в подобные соглашения могут войти другие церкви, желающие это сделать.

²³⁹ Д.Н. и другие против Чешской Республики (*D.H. and others v. the Czech Republic*), пп.185-195.

«В данном случае, поскольку эти церкви никогда не высказывали желания вступить в соглашения и не стремились к таким соглашениям, жалоба была отклонена как очевидно необоснованная»²⁴⁰.

Различие в обращении с разными религиозными группами вследствие официального присвоения статуса юридического лица, ведущего к предоставлению привилегий, не является, в сущности, несовместимым с Конвенцией при условии, что существуют рамки, устанавливающие критерии для предоставления статуса юридического лица, а также при условии, что каждая религиозная группа имеет одинаковую возможность подать заявление на предоставление этого статуса²⁴¹.

В деле *Религиозная община Свидетелей Иеговы и другие против Австрии (Regionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and others v. Austria)* не обнаружилось соответствия этой последней квалификации. На протяжении примерно 20 лет власти отказывали в предоставлении статуса юридического лица Свидетелям Иеговы. Суд пришел к выводу, что имело место нарушение Статьи 14 в совокупности со Статьей 9.

«Суд вновь подтверждает, что Статья 14 не запрещает государству относиться по-разному к тем или иным группам с целью исправить «фактическое неравенство»; более того, в определенных обстоятельствах отсутствие попыток исправить неравенство через различное обращение само по себе может обусловить нарушение этой Статьи. Однако различие в обращении является дискриминационным, если оно не имеет объективного и убедительного обоснования или,

²⁴⁰ Алухер Фернандес и Кабальеро Гарсия против Испании (*Ahujer Fernández and Caballero García v. Spain*), реш..

²⁴¹ Коппи против Австрии (*Koppi v. Austria*), п.33.

другими словами, не преследует законной цели, или если отсутствует убедительная пропорциональная связь между используемыми средствами и заявленной целью. Государство-участник Конвенции пользуется свободой усмотрения при оценке того, до какой степени различия в ситуациях, которые являются схожими по другим признакам, оправдывают различие в обращении.

Суд полагает, что назначение периода ожидания перед тем, как религиозная организация, которой был предоставлен статус юридического лица, могла приобрести более значимый статус в качестве субъекта публичного права, вызывает щекотливые вопросы, поскольку долг государства – оставаться нейтральным и беспристрастным при осуществлении распорядительной власти в сфере религиозной свободы и в отношении различных религий, конфессий и убеждений. Такой период ожидания требует особенного рассмотрения со стороны Суда.

Суд допускает, что такой период ожидания может быть необходим в исключительных обстоятельствах – таких, как в случае вновь образовавшихся или неизвестных религиозных групп. Но это едва ли оправдано в отношении религиозных групп, длительное время существующих на международном уровне и давно обосновавшихся в стране, и поэтому хорошо известных компетентным властям, как в случае со Свидетелями Иеговы. В отношении такой религиозной группы власти должны были в состоянии выяснить в значительно более короткий срок, выполняются ли требования соответствующего законодательства. Кроме того, пример другой религиозной группы, приведенный заявителями, показывает, что австрийское

государство не считало необходимым применение при прочих равных основаниях такого же периода ожидания, как инструмента своей политики в этой области»²⁴².

Жалобы на дискриминационное обращение на основании религиозных или иных защищаемых убеждений или мнений требуют, таким образом, определенной осторожности при рассмотрении. На практике Европейский суд по правам человека, как правило, отказывается от рассмотрения любой жалобы о дискриминации по Статье 14, когда уже установлено, что имело место нарушение соответствующей гарантии по другой статье Конвенции. Если необходимо рассмотреть аргументы Статьи 14, так же необходимо будет и определить наиболее подходящую правовую гарантию, в свете которой будет рассматриваться жалоба, так как прецедентное право Суда указывает, что дискриминацию на основе религии или убеждений лучше решать при рассмотрении Статьи 14 не совместно со Статьей 9, а в совокупности с другим положением по другой статье.

Кроме того, некоторые дела также касаются разрешения споров об опекунстве детей и доступе к ним родителей со ссылкой на религиозные убеждения. В деле *Хоффман против Австрии (Hoffman v. Austria)*, например, заявительнице было отказано в опеке над ее ребенком из-за ее принадлежности к Свидетелям Иеговы. Несмотря на то, что Страсбургский Суд подчеркивал недопустимость для национального суда основывать решение на различиях в религии, он поступил таким образом в соответствии со Статьями 8 и 14, поскольку дело касалось назначения опеки над ребенком, то есть аспекта семейной жизни.

²⁴² Религиозная община Свидетелей Иеговы и другие против Австрии (*Religionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and others v. Austria*), пп.96-98.

В деле *Палау-Мартинес против Франции (Palau-Martinez v. France)* нарушение Статьи 8 в совокупности со Статьей 14 было подобным же образом установлено в отношении решения, касающегося опеки над детьми после расторжения брака. Решение было принято на основании обобщенного и «жесткого анализа принципов воспитания детей, якобы установленных» вероучением Свидетелей Иеговы. Это был бы существенный фактор, но и его могло оказаться недостаточно в отсутствие «прямых конкретных свидетельств, доказывающих влияние религиозных взглядов заявительницы на воспитание и повседневную жизнь двух ее детей», принимая во внимание отказ заявительнице в проведении социального расследования²⁴³. Ни одно из данных дел об опеке над детьми не кажется полностью решенным, но оба дела определенно подчеркивают, что к рассмотрению подобных дел следует подходить с осторожностью.

Там, где правоспособность церкви предпринимать процессуальные действия в своих интересах ограничена национальным законодательством, проблема может возникнуть в отношении доступа к правосудию, гарантированного Статьей 6, в особенности там, где не наложены ограничения на другие религиозные организации. В деле *Католическая церковь Канеи против Греции (Canea Catholic Church v. Greece)* церковь-заявитель не могла предпринять процессуальных действий для защиты своих прав на собственность, при том что Православная церковь и Еврейская община могли это делать. Поскольку ситуация по сути касалась права обращения в суд для определения гражданских прав и поскольку не могло быть никакого объективного и убедительного обоснования такого дискриминационного обращения, Европейский Суд установил, что имело место нарушение Статьи 6 в совокупности с нарушением Статьи 14²⁴⁴.

²⁴³ Палау-Мартинес против Франции (*Palau-Martinez v. France*), пп.29-43, пп.38 и 42.

²⁴⁴ Католическая церковь Канеи против Греции (*Canea Catholic Church v. Greece*), пп.43-47.

Религиозные убеждения могут также рассматриваться в контексте дискриминационного обращения при трудоустройстве и порождать вопросы по Статье 9 или совместно со Статьей 14. Дело *Тлимменос против Греции (Thlimmenos v. Greece)* касается отказа в приеме на работу в качестве аудитора из-за судимости. Данная судимость случилась из-за его отказа носить военную форму во время общей мобилизации только по причине его религиозных убеждений как последователя Свидетелей Иеговы. Страсбургский Суд отметил, что, хотя право на доступ к профессии не входит в сферу действия Конвенции, жалоба была рассмотрена как жалоба на дискриминацию на основании реализации права на свободу религии. Хотя государства могут на законных основаниях исключить определенные классы правонарушителей из разных профессий, данное конкретное обвинение не могло предполагать мошенничества или аморальности. Обращение с заявителем, таким образом, не имело законной цели и носило характер несоразмерной санкции в добавление к значительному сроку заключения, который тот уже отбыл. Соответственно, имело место нарушение Статьи 14 в совокупности со Статьей 9.

В самой важной части этого постановления Европейский Суд указал, что государства могут иметь позитивную обязанность обращаться с индивидуумами различным образом в определенных ситуациях, то есть дискриминация может иметь место тогда, когда одинаковое обращение предоставляется лицам, с которыми должно обращаться иным образом:

«Суд до сих пор считал, что право по Статье 14 не быть дискриминированным при пользовании правами, гарантированными Конвенцией, нарушается, когда государства обращаются с людьми по-разному в аналогичных ситуациях без объективных и убедительных обоснований. Однако Суд признает, что это не единственная сторона запрета дискриминации согласно Статье 14. Право, которое не должно дискриминироваться при осуществлении гарантированных

Конвенцией прав, нарушается, когда государства, без объективных и убедительных обоснований, обращаются одинаковым образом с людьми, чье положение существенно различается. <...>

Суд считает, что, в принципе, государство может иметь законный интерес в исключении некоторых правонарушителей из профессии аудитора. Однако Суд также считает, что в отличие от обвинений в серьезных уголовных правонарушениях, осуждение за отказ носить военную форму на религиозных или философских основаниях не предполагает мошенничества или аморальности, могущих подорвать способность правонарушителя выполнять эту работу. Недопущение заявителя к профессии как неподходящей для этого личности было поэтому неоправданным. <...>

Однако верно и то, что в соответствии с законом у властей не было иного выбора, как отказать заявителю в должности аудитора. <...> В данном случае Суд счел, что именно государство приняло законодательство, нарушившее право заявителя не подвергаться дискриминации в осуществлении своих прав согласно Статье 9 Конвенции. Государство допустило это по причине невнесения соответствующих исключений в нормы, запрещающие лицам, обвиненным в серьезных преступлениях, заниматься профессией аудитора»²⁴⁵.

²⁴⁵ Тлимменос против Греции (*Thlimmenos v. Greece*), постановление БП, пп.39-49, пп.44, 47 и 48.

Протокол № 12

Очевидно, что Протокол № 12 имеет потенциально широкую область применения. В первом постановлении по данной гарантии в деле *Сейдич и Финци против Боснии и Герцеговины (Sejdić and Finci v. Bosnia and Herzegovina)* конституционные меры, которые ограничивают право на избрание в парламент или на должность президента тех, кто заявляет о принадлежности к одной из трех доминирующих в стране этнических групп (чья идентичность в значительной степени основывается на религиозных верованиях), были признаны нарушением Статьи 14 в совокупности со статьей 3 Протокола № 1 (в отношении парламентских выборов) и Протокола № 12 (в отношении президентских выборов). Эти меры производны от Дейтонского мирного соглашения, которое привело к окончанию военных действий в стране²⁴⁶. Во втором постановлении по делу *Союз церквей «Слово жизни» и другие против Хорватии (Savez Crkava “Riječ Života” and others v. Croatia)* невозможность реформаторских церквей вести религиозное воспитание в государственных школах или заключать признаваемые государством браки была признана нарушением Статьи 14 в совокупности со Статьей 9, поэтому Суд не счел необходимым выносить решение по вопросу Протокола № 12.

Постановление тем не менее оставляло место для дискуссии о применимости Протокола. Текст указывает, что запрет дискриминации не был ограничен «любой нормой, установленной законом», но распространялся на запрет дискриминации со стороны государственного органа, а подробная

²⁴⁶ Сейдич и Финци против Боснии и Герцеговины (*Sejdić and Finci v. Bosnia and Herzegovina*), постановление БП, пп.42-56.

ссылка на пояснительный отчет предлагала четыре категории случаев, подпадающих под это положение:

- 1) при осуществлении любого права, определенно предоставленного лицу национальным законодательством;
- 2) при осуществлении права, которое может быть нарушенным по очевидной обязанности органа государственной власти в соответствии с национальным законодательством, то есть там, где государственный орган обязан, в соответствии с национальным законодательством, действовать определенным образом;
- 3) органом государственной власти при исполнении дискреционных полномочий (например, при предоставлении некоторых субсидий);
- 4) любым иным действием или бездействием органа государственной власти (например, действиями служащих правоохранительных органов при подавлении беспорядков²⁴⁷).

²⁴⁷ Союз церквей «Слово жизни» и другие против Хорватии (*Savez Crkava "Riječ Života" and others v. Croatia*), пп.103-115, решение о вступлении в договор с религиозными властями было на усмотрении государства и, таким образом, не касалось «прав, определенно предоставленных им национальным законодательством», но этот вопрос все-таки подпадал под третью категорию, обозначенную в пояснительном отчете; отмечено примечание пояснительного отчета о том, что не было необходимости указывать, какой элемент должен рассматриваться в соответствии с каким именно пунктом, поскольку пункты были добавочными, различия нечетко очерчены, и «национальные законодательные системы могут иметь разные подходы к тому, какой случай отнести к какой категории».

Заключение

Свобода мысли, совести и религии является насущно необходимым правом человека. Судебная практика Европейского суда по правам человека (и прежней Европейской комиссии по правам человека) представляет собой внушительный свод прецедентов, подтверждающих важность ценностей, заложенных в Статье 9. Важна правильная оценка указанных основных принципов и идеалов: в частности, свободу мысли, совести и религии следует рассматривать как помощь в поддержании и улучшении демократического диалога и плюрализма. Два ее аспекта – индивидуальный и коллективный – являются очень важными.

Эта свобода,

«в ее религиозном аспекте, является одним из наиболее важных элементов самоидентификации верующих и их концепции жизни, но также имеет значительную ценность для атеистов, агностиков, скептиков и тех, кто не определился. Демократическое общество неотделимо от плюрализма, завоеванного дорогой ценой на протяжении веков, и основывается на нем»²⁴⁸.

Более того,

«автономное существование религиозных общин необходимо для плюрализма в демократическом обществе. ...На карту здесь поставлено сохранение плюрализма и должное функционирование демократии, одной из главных характеристик которой является предоставление возможности разрешения даже очень болезненных проблем страны посредством диалога»²⁴⁹.

²⁴⁸ Коккинакис против Греции (*Kokkinakis v. Greece*), п.31.

²⁴⁹ Высший духовный совет мусульманской общины против Болгарии (*Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria*), п.93.

Иными словами, защита индивидуальных убеждений должна способствовать, а не препятствовать взаимному уважению и терпимости в отношении убеждений других. Таким образом, на государстве лежат обязанности, выходящие за пределы простого невмешательства в осуществление прав, защищаемых Статьей 9. Ее положения могут также требовать позитивных действий со стороны властей в обеспечение реальности существования этих прав. С другой стороны, интересы плюрализма диктуют, что лица, придерживающиеся религиозных убеждений, не могут ожидать защиты этих убеждений от всякой критики и должны «проявлять терпимость и мириться с тем, что другие отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере»²⁵⁰.

Примирение конкурирующих между собой взглядов является важнейшей целью, достижения которой требует Статья 9. Эта задача подлежит контролю со стороны Европейского суда по правам человека в Страсбурге через четко определенный перечень критериев. В частности, любое вмешательство государства должно осуществляться в соответствии с законом, предусмотренным для защиты государственного интереса, и должно быть доказано как «необходимое в демократическом обществе». Именно последний критерий часто вызывает наибольшую трудность. Его реализация требует должной оценки той ключевой роли, которую свобода мысли, совести и религии играет в либерально-демократическом обществе, и признания важности религиозных и философских убеждений для личности.

С другой стороны, у международного судебного органа может быть не настолько удобная позиция, как у национальных властей, для подобной оценки, и, таким образом, у местных органов, принимающих решения, есть относительно более широкая «свобода усмотрения», что очевидно

²⁵⁰ Институт Отто Премингера против Австрии (*Otto-Preminger-Institut v. Austria*), п.47.

следует из многих решений Страсбургского Суда. В то время как для международного суда это действительно может быть подходящей доктриной ограничения, для судов на национальном уровне эта доктрина не может быть столь же очевидной.

Только строгое и внимательное рассмотрение оснований, выдвинутых в качестве оправдания вмешательства в данное право, имеющее фундаментальное значение как для отдельных лиц, так и для общества в целом, может защитить плюрализм и многообразие, необходимые для развития осознания и понимания места человека в обществе и, в более широком смысле, расширения нравственного и духовного мироздания. Принципиальное уважение к свободе мысли, совести и религии сейчас можно считать необходимым для демократического общества условием, но в разных европейских государствах это обеспечивается совершенно различными способами. Стандартного европейского «шаблона» здесь нет. На национальном уровне все еще существует богатое разнообразие конституционных и иных правовых норм, отражающих пестроту и сложность европейской истории, национального самосознания и личных убеждений.

Секуляризм является конституционным принципом в некоторых государствах. В одних странах определенная религия может пользоваться признанным статусом «установленной» (государственной), хотя вкладываемый в такое понятие смысл может быть различным, в других некоторые религиозные общины могут пользоваться финансовыми привилегиями через получение налоговых льгот или признание за ними статуса благотворительных организаций. В этих взаимоотношениях религии и государства обычно отражаются местные традиции и требования практической целесообразности. Что касается религиозных меньшинств, то в некоторых европейских странах терпимость как политический принцип практиковалась столетиями. В другие

страны это понятие пришло сравнительно недавно. Во всех обществах, однако, члены миноритарных общин могут и сейчас чувствовать себя маргиналами из-за своих убеждений.

Подход Европейского Суда к толкованию Статьи 9 и связанных с нею гарантий в большой степени зависит от специфики рассматриваемой проблемы. Суд, по-видимому, с большей готовностью рассматривает отказы в признании правосубъектности и их последствия (включая такие вопросы, как отказ в праве обращения в суд и неспособность к подаче жалобы в защиту прав на имущество), чем иные вопросы, воспринимаемые как относящиеся к религиозным или философским обязательствам (такие, как соблюдение святых дней в религии или обязанность распространения своей веры). До недавнего времени защита Статьи 9 Судом сравнительно мало распространялась на места работы, в то время как учебным заведениям уделялось больше внимания. Внутренние убеждения (*forum internum*) являются почти неприкосновенными, в отличие от публичной сферы, вследствие ограничивающих критериев того, что признается «исповеданием» (или «проявлением») убеждений, а также из-за необходимости учитывать конкурирующие интересы.

Для государства легче обосновать ограничения на религиозную рекламу на телевидении, чем на проповедь обходящих дома и квартиры миссионеров, несмотря на то, что невольному слушателю может быть легче отключиться от телетрансляции, чем иметь дело лицом к лицу с желающими обратить его в свою веру.

Эта некоторая непоследовательность в судебной практике, скорее всего, неизбежна, поскольку в известной степени отражает замечательное разнообразие национальных норм и обычаев. В самом деле, религиозные и философские движения, сформировавшие европейскую цивилизацию, можно считать столь же мощными факторами влияния на интеллектуальную и духовную жизнь ее

народов, как силы природы, сформировавшие географические особенности континента. Несмотря на то, что ее название долгое время было синонимично термину «христианский мир», Европа в различные времена и в различной степени испытывала влияние и иных вероисповеданий, включая иудаизм и ислам. В свою очередь, вклад этого континента в историю идей и философии был значителен: и через отдельных мыслителей, таких как Платон, Аристотель, Юм и Кант, и посредством глобальных сдвигов в религиозном и философском осмыслении мира, которыми отмечены, например, эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения.

Если Европа действительно является создателем убеждений, ценностных систем и установок, то выстраивалось это веками посредством некоторых фундаментальных свобод, в частности, свободы мысли, слова и собраний. Однако плоды этих интеллектуальных упражнений не всегда были позитивными. Сейчас можно говорить о сосуществовании в европейском обществе плюрализма, терпимости, веры и секуляризма, но так было не всегда. Религия, национализм и групповое сознание, возможно, были слишком тесно переплетены: в разные времена и различным образом религиозная нетерпимость и преследования за убеждения омрачали континент, а в недалеком прошлом экстремизм, связанный с некоторыми политическими доктринами, породил серьезные и систематические нарушения прав человека. Уроки истории показывают, что эти фундаментальные свободы жизненно важны и, безусловно, необходимы, но порой нуждаются в сдерживании.

Эти уроки прошлого помогают предложить наиболее приемлемые способы решения вопросов актуальной важности, потому что, хотя Европа и стала в значительной степени секулярным обществом к концу двадцатого столетия, религиозный фундаментализм является растущим явлением в двадцать первом. Возможно, в Европе религия некоторое время и была дремлющей силой, но сейчас пробуждается снова. Национальным органам приходится регулярно решать

вопросы, связанные с проблемами примирения возрастающего разнообразия с такими вопросами, как образование, медицинское обслуживание, градостроительное планирование и занятость в государственной сфере. Проблемы современного мира, а именно: появление политических партий, выдвигающих религиозные лозунги; рост религиозной нетерпимости, частично вызванной соображениями безопасности; тревога сообществ по поводу возможного влияния религиозной символики на единство этих сообществ – все это требует некоторой оценки правомерности ответных действий государства.

Этот калейдоскоп национальных предписаний и норм сейчас нужно рассматривать через призму демократии, верховенства права и свобод человека. Но Европейская конвенция о защите прав человека не навязывает перечень твердых требований: она только дает определенные минимальные стандарты, поэтому религиозные традиции и различия в конституционных предписаниях, регулирующих церковь и государство, будут и далее составлять часть правового ландшафта Европы, конечно, при условии их совместимости с принципами Конвенции. Страсбургский Суд уважает это разнообразие, поэтому исторический и политический контекст религий и убеждений будет всегда отражаться в его постановлениях. У Европы нет общего подхода к решению вопроса о взаимоотношениях религии и государства на национально-конституционном уровне, и это делает ее только богаче. С другой стороны, теперь у Европы есть ряд обязательных для исполнения правовых гарантий, которые усиливают положение отдельных лиц и групп, таких как религиозные объединения, когда они настаивают на уважении к свободе мысли, совести и религии.

Алфавитный указатель судебных дел

Дела приведены с датой принятия постановления или, соответственно, решения (реш.). Если в тексте есть ссылка и на решение, и на постановление, дата каждого документа приводится в алфавитном указателе. Дела, не завершённые к моменту написания книги, помечены звездочкой.

За дополнительной информацией обращайтесь к электронной базе данных HUDOC на сайте: <http://hudoc.echr.coe.int/>

А, В

Agga v. Greece (no. 2) (Агга против Греции № 2), 17 октября 2002 года **1143, 116-117**

Ahmet Arslan and others v. Turkey (Ахмет Арслан и другие против Турции), 23 февраля 2010 года **22**

Aktas v. France (dec.) (Актас против Франции), реш., 30 июня 2009 года **39, 89-90**

Alexandridis v. Greece (Александридис против Греции), 21 февраля 2008 года **30**

Al-Nashif and others v. Bulgaria (Аль-Нашиф и другие против Болгарии), 20 июня 2002 года **24**

Alujer Fernandez and Caballero Garcia v. Spain (dec.) (Алухер Фернандес и Кабальеро Гарсия против Испании), реш., 14 июня 2001 года **23, 101, 138-139**

Angeleni v. Sweden (dec.) (Анжелени против Швеции), реш., 3 декабря 1986 года **26, 36**

Arrowsmith v. the United Kingdom (dec.) (Эрроусмит против Соединенного Королевства), реш., 16 мая 1977 года **26, 39, 124**

Autio v. Finland (dec.) (Аутио против Финляндии), реш., 6 декабря 1991 года **80**

Bayatyan v. Armenia (GC) (Баятрян против Армении), постановление БП, 7 июля 2011 года **10, 66, 70, 81-83**

Belgian Linguistic case (Бельгийское лингвистическое дело), 23 июля 1968 года **25**

Bernard and others v. Luxembourg (dec.) (Бернард и другие против Люксембурга), реш., 8 сентября 1993 года **121-123**

Bowman v. the United Kingdom (Боуман против Соединенного Королевства), 19 февраля 1998 года **124**

Bruno v. Sweden (dec.) (Бруно против Швеции), реш., 28 августа 2001 года **94, 97**

Buscarini and others v. San Marino (Бускарини и другие против Сан-Марино), 18 февраля 1999 **21, 34-35**

С

C. v. the United Kingdom (dec.) (С. против Соединенного Королевства), реш., 15 декабря 1983 года **23, 94**

C.J., J.J and E.J. v. Poland (dec.) (C.J., J.J и E.J. против Польши), реш., 16 января 1996 года **36, 121**

C.W. v. the United Kingdom (dec.) (C.W. против Соединенного Королевства), реш., 10 февраля 1993 года **26**

Campbell and Cosans v. the United Kingdom (Кэмпбелл и Козанс против Соединенного Королевства), 25 февраля 1982 года **25, 119-120**

Canea Catholic Church v. Greece (Католическая церковь Канеи против Греции), 16 декабря 1997 года **19, 42, 108, 142**

Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France (GC) (Чааре Шалом Ве Цедек против Франции), постановление БП, 27 июня 2000 года **28, 50, 59, 62**

Chappell v. the United Kingdom, (dec.) (Чапелл против Соединенного Королевства), реш., 14 июля 1987 года **28, 109**

Church of Scientology and 128 of its members v. Sweden (dec.) (Церковь саентологии и 128 ее членов против Швеции), реш., 14 июля 1980 года **129**

Church of Scientology Moscow v. Russia (Церковь саентологии Москвы против России), 5 апреля 2007 года **108**

Clift v. the United Kingdom (Клифт против Соединенного Королевства), 13 июля 2010 года **136**
 Cserjes v. Hungary (dec.) (Сержес против Венгрии), реш., 5 апреля 2001 года **23, 55**
 Cyprus v. Turkey (GC) (Кипр против Турции), постановление БП, 10 мая 2001 года **22, 40, 48**

D

D. v. France (dec.) (D. против Франции). реш., 6 декабря 1983 года **38**
 D.H. and others v. the Czech Republic (D.H. и другие против Чешской Республики), 13 ноября 2007 года **137-138**
 Dahlab v. Switzerland (dec.) (Дахлаб против Швейцарии), реш., 15 февраля 2001 года **89-90**
 Darby v. Sweden (Дарби против Швеции), 23 октября 1990 года **23, 29, 35, 46, 94**
 Dimitras and others v. Greece (Димитрас и другие против Греции), 3 июня 2010 года **30**
 Dogru v. France (Догру против Франции), 4 декабря 2008 года **89**
 Dubowska and Skup v. Poland (dec.) (Дубовска и Скуп против Польши), реш., 18 апреля 1997 года **51**

E, F, G

Efstathiou v. Greece (Ефстратиу против Греции), 18 декабря 1996 года **49**
 El Majjaoui and Stichting Touba Moskee v. the Netherlands (Эль Маджауи и Фонд Туба Моск против Нидерландов), реш. 14 февраля 2006 года, постановление БП 20 декабря 2007 года **24, 109**
 Eriksson v. Sweden (Эрикссон против Швеции), 22 июня 1989 года **118**
 Feldek v. Slovakia (Фельдек против Словакии), 12 июля 2001 года **18**
 Finska församlingen i Stockholm and Teuvo Hautaniemi v. Sweden (dec.) (Финская община в Стокгольме и Теуво Хаутаниеми), реш., 11 апреля 1996 года **42**

Folgerø and others v. Norway (GC) (Фолгеро и другие против Норвегии), постановление БП, 29 июня 2007 года **33-34, 122-123**

Georgian Labour Party v. Georgia (Лейбористская партия Грузии против Грузии), 8 июля 2008 года **29**

Giniewski v. France (Гиниевски против Франции), 31 января 2006 года **129**

Gottesmann v. Switzerland (dec.) (Готтесманн против Швейцарии), реш., 4 декабря 1984 года **94**

Н

Handyside v. the United Kingdom (Хендисайд против Соединенного Королевства), 7 декабря 1976 года **73, 76, 126**

Hasan and Chaush v. Bulgaria (GC) (Хасан и Чауш против Болгарии), постановление БП, 26 октября 2000 года **48, 68, 70, 104**

Hasan and Eylem Zengin v. Turkey (Хасан и Эйлем Зенгин против Турции), 9 октября 2007 года **123**

Hazar, Hazar and Acik v. Turkey (dec.) (Хазар, Хазар и Асик против Турции), реш., 10 декабря 1992 года **26**

Hoffman v. Austria (Хоффман против Австрии), 23 июня 1993 года **19, 141**

Holy Monasteries v. Greece (Святые монастыри против Греции), 9 декабря 1994 года **19, 23, 46, 108**

Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church (Metropolitan Inokentiy) and others v. Bulgaria (Священный синод Болгарской православной церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии), 22 января 2009 года **113**

I, J

I.A. v Turkey (I.A. против Турции), 13 сентября 2005 года **128**

Ingrid Jordebo Foundation of Christian Schools and Ingrid Jordebo v. Sweden (dec.) (Фонд христианских школ Ингрид Йордебо и Ингрид Йордебо против Швеции), реш. 6 марта 1987 года **118**

Inhabitants of Leeuw-St Pierre v. Belgium (dec.) (Жители Синт-Питерс-Леу против Бельгии), реш., 16 декабря 1968 года **23**

Institute of French Priests and others v. Turkey (friendly settlement) (Институт французских священнослужителей и другие против Турции), мировое соглашение, 14 декабря 2000 года **111**

ISKCON and 8 others v. the United Kingdom (dec.) (ISKCON и 8 других против Соединенного Королевства), реш., 8 марта 1994 года **28**

Ivanova v. Bulgaria (Иванова против Болгарии), 12 апреля 2007 года **47, 56**

Jakobski v. Poland (Якубский против Польши), 7 декабря 2010 года **97, 99**

Jehovah's Witnesses of Moscow v. Russia (Свидетели Иеговы Москвы против России), 10 июня 2010 года **54, 108**

Jerusalem v. Austria (Джерусалем против Австрии), 27 февраля 2001 года **127**

Johansen v. Norway (dec.) (Йохансен против Норвегии), реш., 14 октября 1985 года **79**

Johnston and others v. Ireland (Джонстон и другие против Ирландии), 18 декабря 1986 года **23, 45**

К

Kalaç v. Turkey (Калач против Турции), 1 июля 1997 года **54-55**

Karaduman v. Turkey (dec.) (Карадуман против Турции), реш., 3 мая 1993 года **89**

Keenan v. the United Kingdom (Кинан против Соединенного Королевства), 3 апреля 2001 года **131**

Kervanci v. France (Керванчи против Франции), 4 декабря 2008 года **89**

Khan v. the United Kingdom (dec.) (Хан против Соединенного Королевства), реш., 7 июля 1986 года **48**

Khristiansko Sdruzhenie "Svideteli Iehova" v. Bulgaria (Христианская ассоциация Свидетелей Иеговы против Болгарии), 3 июля 1997 года **111**

Kimlya and others v. Russia (Кимля и другие против России), 1 октября 2009 года **27-28**

- Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark (Къелдсен, Буск Мадсен и Педерсен против Дании), 7 декабря 1976 года **36, 121**
- Klein v. Slovakia (Кляйн против Словакии), 31 октября 2006 года **130**
- Knudsen v. Norway (dec.) (Кнудсен против Норвегии), реш., 8 марта 1985 года **38, 41, 57**
- Kokkinakis v. Greece (Коккинакис против Греции), 25 мая 1993 года **9, 23, 28-29, 36-37, 49, 64, 67-68, 73-75, 84, 86, 131, 147**
- Konrad and others v. Germany (dec.) (Конрад и другие против Германии), реш., 11 сентября 2006 года **119**
- Konttinen v. Finland (dec.) (Конттинен против Финляндии), реш., 3 декабря 1996 года **54**
- Korpi v. Austria (Коппи против Австрии), 10 декабря 2009 года **139**
- Köse and 93 others v. Turkey (dec.) (Кёсэ и 93 других против Турции), реш., 24 января 2006 года **89**
- Kosteski v. “the former Yugoslav Republic of Macedonia” (Костески против бывшей югославской Республики Македония), 13 апреля 2006 года **32-33, 38**
- Kurtulmuş v. Turkey (dec.) (Куртулмуш против Турции), реш., 24 января 2006 года **89**
- Kustannus OY, Vapaa ajatteliija AB and others v. Finland (dec.) (Издательский дом свободных мыслителей и другие против Финляндии), реш., 15 апреля 1996 года **42-43**
- Kuznetsov and others v. Russia (Кузнецов и другие против России), 11 января 2007 года **70**
- Kuznetsov. v. Ukraine (Кузнецов против Украины), 29 апреля 2003 года **98**

L

- Larissis and others v. Greece (Лариссис и другие против Греции), 24 февраля 1998 года **67-68, 86-88**
- Lautsi and others v. Italy (Лайтси и другие против Италии), 18 марта 2001 года **120**
- Leela Forderkreis e.V. and others v. Germany (Компания Лиля Фёрдеркрайс и другие против Германии), 6 ноября 2008 года **28, 48, 101-102, 104**

Leyla Şahin v. Turkey (GC) (Лейла Шахин против Турции), постановление БП, 10 ноября 2005 года **90, 93**
 Logan v. the United Kingdom (dec.) (Логан против Соединенного Королевства), реш., 6 сентября 1996 года **109**

Lombardi Vallauri v. Italy (Ломбарди Валлаури против Италии), 20 октября 2009 года **31, 56**

М, N, O

Manoussakis and others v. Greece (Мануссакис и другие против Греции), 26 сентября 1996 года **22, 101, 110-111**

Martins Casimiro and Cerveira Ferreira v. Luxembourg (dec.) (Мартинс Касими́ро и Сервейра Феррейра против Люксембурга), реш., 27 апреля 1999 года **119, 123**

McFeeley and others v. the United Kingdom (dec.) (Макфили и другие против Соединенного Королевства), реш., 15 мая 1980 года **98**

Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova (Бессарабская митрополия и другие против Молдовы), 13 декабря 2001 года **41, 65-66, 75, 100-101, 106-107, 109**

Mīroļubovs and others v. Latvia (Миролюбов и другие против Латвии), 15 сентября 2009 года **113**

Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia (Московское отделение Армии Спасения против России), 5 октября 2006 года **107**

Murphy v. Ireland (Мерфи против Ирландии), 10 июля 2003 года **78, 124, 126, 129**

N. v. Sweden (dec.) (N. против Швеции), реш., 11 октября 1984 года **32**

Nielsen v. Denmark (Нильсен против Дании), 28 ноября 1988 года **131**

97 members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and 4 others v. Georgia (97 членов Глданской конгрегации Свидетелей Иеговы и 4 других против Грузии), 3 мая 2007 года **51**

Nolan and K v. Russia (Нолан и К против России), 12 февраля 2009 года **24, 109**

Obst v. Germany (Обст против Германии), 23 сентября 2010 года **57-58**
Omkarananda and the Divine Light Zentrum v. Switzerland (dec.) (Омкарананда и Центр Божественного Света против Швейцарии), реш. 19 марта 1981 года **28**
Otto-Preminger-Institut v. Austria (Институт Отто Премингера против Австрии), 20 сентября 1994 года **75, 127-128, 148**

P, Q, R

Palau-Martinez v. France (Палау-Мартинес против Франции), 16 декабря 2003 года **142**
Paturel v. France (Патюрель против Франции), 22 декабря 2005 года **129**
Pellegrini v. Italy (Пеллегрини против Италии), 20 июля 2001 года **132**
Pentidis and others v. Greece (Пентидис и другие против Греции), 9 июня 1997 года **107, 109**
Perry v. Latvia (Пеппи против Латвии), 8 ноября 2007 года **24, 70**
Peters v. the Netherlands (Петерс против Нидерландов), 30 ноября 1994 года **136**
Phull v. France (dec.) (Фулл против Франции), 11 января 2005 года **89**
Poltoratskiy v. Ukraine (Полторацкий против Украины), 29 апреля 2003 года **98**
Porter v. the United Kingdom (dec.) (Портер против Соединенного Королевства), реш., 8 апреля 2003 года **45**
Pretty v. the United Kingdom (Претти против Соединенного Королевства), 29 апреля 2002 года **26, 45-46, 131**
Raninen v. Finland (dec.) (Ранинен против Финляндии), реш., 7 марта 1996 года **32**
Refah Partisi (the Welfare Party) and others v. Turkey (GC) (Партия благоденствия и другие против Турции), постановление БП, 13 февраля 2003 года **18, 55**

Religionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and others v. Austria (Религиозная община Свидетелей Иеговы и другие против Австрии), 31 июля 2008 года **104, 106, 139, 141**
 Riera Blume and others v. Spain (Риера Блум и другие против Испании), 14 октября 1999 года **30, 131**
 Rommelfanger v. Germany (dec.) (Роммельфангер против Германии), реш., 6 сентября 1989 года **57**

S

Sabanchiyeva and others v. Russia (dec.) (Сабанчиева и другие против России), реш., 6 ноября 2008 года **23**
 Salonen v. Finland (dec.) (Салонен против Финляндии), реш., 2 июля 1997 года **38**
 Savez Crkava “Riječ Života” and others v. Croatia (Союз церквей «Слово жизни» и другие против Хорватии), 9 декабря 2010 года **25, 135-136, 145-146**
 Schuth v. Germany (Шют против Германии), 23 сентября 2010 года **57-59**
 Sejdić and Finci v. Bosnia and Herzegovina (GC) (Сейдич и Финци против Боснии и Герцеговины), постановление БП, 22 декабря 2009 года **145**
 Serif v. Greece (Сериф против Греции), 14 декабря 1999 года **64, 115-116**
 Sidiropoulos and others v. Greece (Сидиропулос и другие против Греции), 10 июля 1998 года **25**
 Siebenhaar v. Germany (Зибенхаар против Германии), 3 февраля 2011 года **57**
 Sinan Işık v. Turkey (Синан Ишик против Турции), 2 февраля 2010 года **31**
 Sluijs v. Belgium (Слуйс против Бельгии), 9 сентября 1992 года **120**
 Stedman v. the United Kingdom (dec.) (Стедман против Соединенного Королевства), реш. 9 апреля 1997 года **54**
 Stefanov. v. Bulgaria (friendly settlement) (Стефанов против Болгарии), мировое соглашение, 3 мая 2001 года **81**

Sunday Times v. the United Kingdom (no.1) («Санди Таймс» против Соединенного Королевства №1), 26 апреля 1979 года **68**

Supreme Holy Council of the Muslim Community v. Bulgaria (Высший духовный совет мусульманской общины против Болгарии), 16 декабря 2004 года **50, 53, 66, 104, 113-115, 147**

Svyato-Mykhaylivska Parafiya v. Ukraine (Свято-Михайловский приход против Украины), 14 июня 2007 года **71**

T, U, V

Taştan v. Turkey (Таштан против Турции), 4 марта 2008 года **80**

Thlimmenos v. Greece (GC) (Тлимменос против Греции), постановление БП, 6 апреля 2000 года **56, 143-144**

Tsirlis and Kouloumpas v. Greece (Тсирлис и Кулумпас против Греции), 29 мая 1997 года **81**

Ulke v. Turkey (Ульке против Турции), 24 января 2006 года **80**

Valsamis v. Greece (Валсамис против Греции), 18 декабря 1996 года **21, 49, 119**

Van den Dungen v. the Netherlands (dec.) (Ван ден Дунген против Нидерландов), реш. 22 февраля 1995 года **18, 29, 38-39, 45**

Verein "Kontakt-Information-Therapie" (KIT) and Siegfried Hagen v. Austria (dec.) (Центр «Контакт-Информация-Терапия» и Зигфрид Хаген против Австрии), реш., 12 октября 1988 года **44**

Vereinigung Bildender Künstler v. Austria (Ассоциация художников против Австрии), 25 января 2007 года **129**

Vergos v. Greece (Вергос против Греции), 24 июня 2004 года **112**

Vogt v. Germany (Фогт против Германии), 26 сентября 1995 года **26, 31, 56**

W, X, Y, Z

W. and D.M., M. and H.I. v. the United Kingdom (dec.) (W. и D.M., M. и H.I. против Соединенного Королевства), реш. 6 марта 1984 года **121**

Wingrove v. the United Kingdom (Уингроув против Соединенного Королевства), 25 ноября 1996 года **77, 128**

X and Church of Scientology v. Sweden (dec.) (X и Церковь саентологии против Швеции), реш. 5 мая 1979 года **42, 124, 127**

X v. Austria (dec.) (X против Австрии), реш., 15 февраля 1965 года **98**

X v. Austria (dec.) (X против Австрии), реш., 15 октября 1981 года **28**

X v. Denmark (dec.) (X против Дании), реш., 8 марта 1976 года **42**

X v. Germany (dec.) (X против Германии), реш., 10 марта 1981 года **23, 25**

X v. Germany (dec.) (X против Германии), реш., 5 июля 1977 года **79**

X v. the United Kingdom (dec.) (X против Соединенного Королевства), реш. 5 марта 1976 года **97**

X v. the United Kingdom (dec.) (X против Соединенного Королевства), реш., 12 июля 1978 года **74**

X v. the United Kingdom (dec.) (X против Соединенного Королевства), реш., 12 марта 1981 года **38, 41**

X v. the United Kingdom (dec.) (X против Соединенного Королевства), реш., 18 мая 1976 года **98**

X v. the United Kingdom (dec.) (X против Соединенного Королевства), реш., 4 октября 1977 года **28**

Young, James and Webster v. the United Kingdom (Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства), 13 августа 1981 года **10**

Z and T v. the United Kingdom (dec.) (Z и T против Соединенного Королевства), реш., 28 февраля 2006 года **24**

**Генеральный Директорат
по правам человека и верховенству права
Совета Европы**

**Council of Europe
F-67075 Strasbourg Cedex**

www.coe.int/justice

**Джим Мердок (Jim Murdoch) – профессор публичного права
в Университете Глазго, в прошлом возглавлял Школу права.
В сферу его исследовательских интересов входит национальное
и европейское законодательство в области прав человека.
Постоянный участник выездных образовательных программ
Совета Европы в государствах Центральной и Восточной Европы.
Его особый интерес лежит в сфере внесудебных механизмов
обеспечения прав человека.**